

ПУТЬ

Янош Корнай

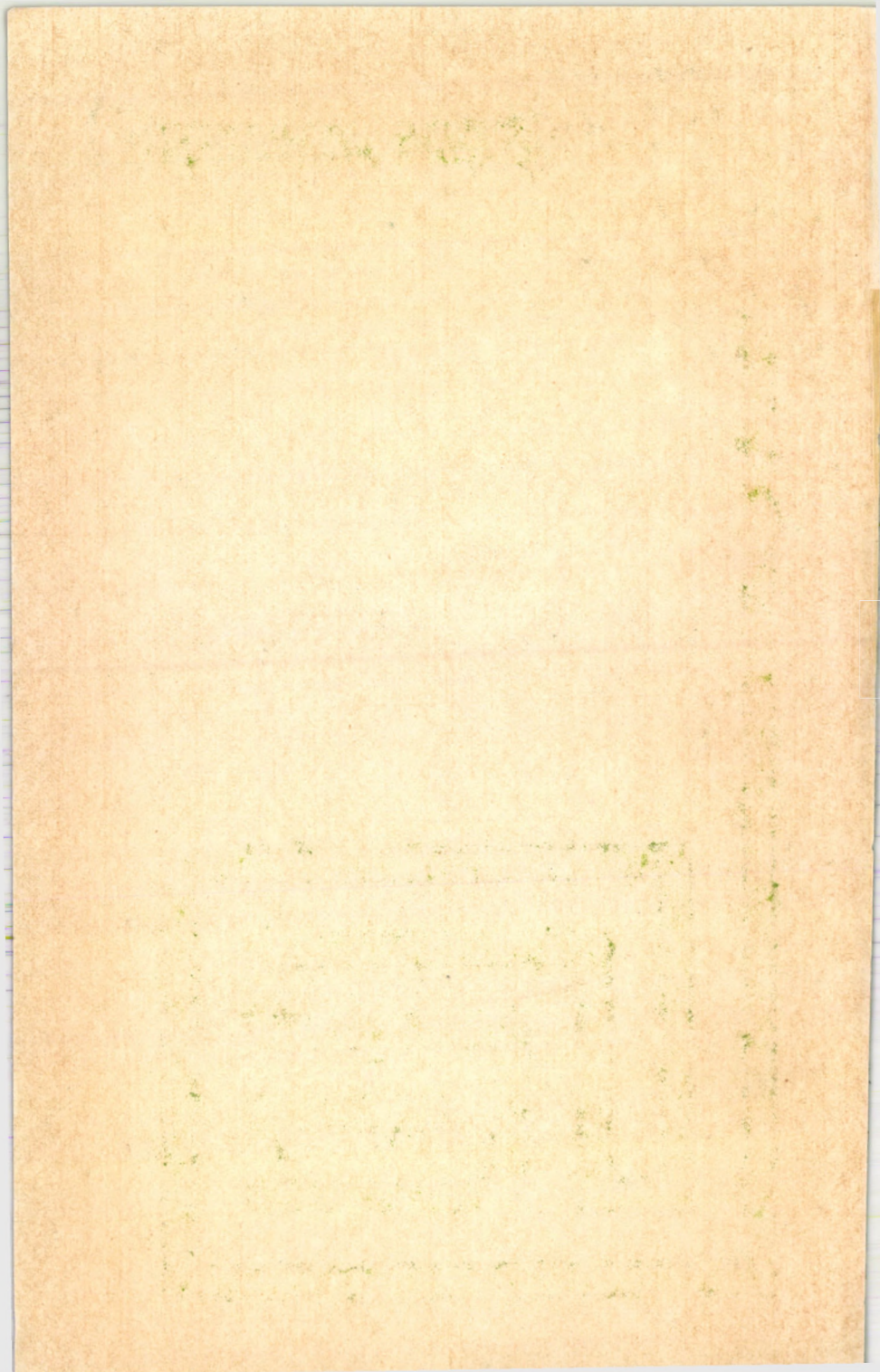
К СВОБОДНОЙ

ЭКО-

НО-

МИКЕ

**ПУТЬ
К СВОБОДНОЙ
ЭКОНОМИКЕ
THE ROAD
TO A FREE
ECONOMY**

János Kornai

**THE ROAD
TO A FREE
ECONOMY**

A Passionate Pamphlet
in the Cause of Economic Transition

Harvard University and
Hungarian Academy of Sciences

W.W. Norton & Company New York 1990

Янош Корнаи

ПУТЬ К СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Страстное слово в защиту
экономических преобразований

Перевод с английского

Москва «Экономика» 1990

ББК 65.050
К67

Рецензент: доктор экономических наук
С. Н. СИЛЬВЕСТРОВ

Переводчик: кандидат экономических наук
В. Ю. ЗАЙЦЕВ

Предисловие: член - корреспондент АН СССР
Н. Я. ПЕТРАКОВ

Редактор: Ц. С. ГИНЗБУРГ

К $\frac{0605020000 - 275}{011(01) - 90}$ КБ - 24 - 12 - 90

ISBN5-282-01289-8

- © Janos Kornai, 1989
- © Предисловие: чл.- корр. АН СССР
Н.Я.Петракова, 1990
- © Перевод: к. э. н. В.Ю. Зайцева, 1990

НЕСКОЛЬКО СЛОВ СОВЕТСКОГО ЭКОНОМИСТА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

В Советском Союзе и странах Восточной Европы происходят захватывающие дух перемены. Идет ломка экономики, психологии, политических стереотипов. В этой круговерти обнаружилось, что, кроме дефицита товаров, существует еще и дефицит идей, дефицит доверия между политическими течениями, социальными группами, дефицит знаний и здравого смысла. Единственно, где предложение превышает спрос, — это область эмоций. Эмоции в избытке. Показательна в этом отношении и предлагаемая читателю книга выдающегося венгерского экономиста Яноша Корнаи. Ее эмоциональный накал позволяет и автору этого предисловия отклониться от традиционного в научных кругах академизма.

С Яношем Корнаи я познакомился 20 лет назад в Будапеште на одном из симпозиумов, попасть на который человеку, исповедующему идеи "рыночного социализма" (термин, внедрившийся в жизнь после пражской весны), было крайне трудно. До этого я был знаком с одной интересной публикацией Корнаи и Липтака, относящейся к сфере экономико-математического моделирования. Не составляло большого труда понять, что по форме эта работа представляет собой образчик научной мимикрии. Сам я тоже прибегал в тот сложный период к аппарату математической экономики как единственно возможному способу высказывания рыночных идей в тоталитарном обществе. Однако идеологические цензоры постоянно демонстрировали убогость моих попыток сравняться с Эзопом.

С первой встречи у меня возникло чувство глубокой симпатии (надеюсь, взаимной) к Я. Корнаи. В последующие годы он неизменно присылал мне все свои работы, что было очень важно, поскольку советские издательства полностью игнорировали труды этого яркого ученого.

И вот, наконец, я имею возможность написать предисловие к новой, в значительной степени необычной книге Яноша Корнаи.

Знаменательно время, когда эта книга представлена советскому читателю. Наша страна начала, наконец, тяжелый путь к рынку. Тому самому рынку, который десятилетиями подвергался идеологическому шельмованию, а практически ограничивался узкой сферой потребительских товаров и услуг. Да и в этой сфере постоянно испытывал государственные издевательства в виде планомерного нарушения сбалансированности между спросом и предложением. По сути дела огромной стране предстоит в очередной раз совершить метаморфозу, которой не было аналогов в мировой истории. Ныне речь идет о переходе общественно-экономического уклада к качественно новому состоянию — от нерынка к рынку. Говоря об отсутствии исторических аналогов, я не сгущаю краски. Все известные реформы хозяйственных систем за пределами нашей страны имели в качестве естественной базы рыночную экономику. Пусть она была в предреформенный период больной, переживала кризис, инфляцию, падение производства и тому подобные неприятности — но в основе своей это была рыночная экономика. Советская же экономика, напротив, базируется на тоталитарных методах управления. Рынок в этой системе предстает как "архитектурное излишество". Его необязательность просматривается и в многочисленных теоретических построениях представителей партийно-государственной экономической науки, и в практической работе сложных, специально антирыночных управленческих структур, и в массовом сознании. Атрофия рыночного мышления — фактор весьма существенный. Опасно не учитывать его при разработке путей перехода к рынку в нашей стране. Советский человек десятилетиями имел дело с монополизированным рынком, рынком без конкуренции. В части монополизма удивительным образом смыкаются и государственная торговля (в основе которой лежат централизованно планируемые рыночные фонды), и «черный рынок», паразитирующий как раз на отсутствии конкуренции.

Главный антагонизм двух систем функционирования экономики заключается в том, что в одном случае конкуренция выхолащивается, а в другом является стержнем экономической жизни. Все остальные атрибуты — форма собственности, материальные стимулы, денежная и финансовая система, ценообразование, распределительные отношения, планирование — всего лишь производные этого главного отличия. Ф. Хайек, книга которого "Дорога к рабству" упомянута Я. Корнаи в качестве одного из побудительных мотивов появления его собственного памфлета, писал: "Планирование и конкуренцию можно совместить, только если первое будет способствовать конкуренции, а не действовать против нее".

Подлинная конкуренция невозможна без широкой приватизации, разгосударствления — это центральный вывод книги Я. Корнаи. Думается, что тут трудно что-либо возразить. Но не менее трудно практически реализовать это требование в условиях нашей страны. Мне представляется, что работу эту следует начать незамедлительно и одновременно с двух сторон: широкое акционирование крупных предприятий, демонтаж вертикальных иерархических структур управления и приватизация мелких предприятий в сфере производства, услуг, торговли. Первое, что необходимо сделать, — это сформировать качественно новое экономическое пространство, главными действующими лицами которого должны стать акционерные компании, коммерческие фирмы, независимые предприниматели, кооперативы.

Когда пишутся эти строки, уже обнародована программа действий по созданию рыночной инфраструктуры, в разработке которой я принимал непосредственное участие. Ближайшие месяцы покажут, насколько эта программа реалистична в наших условиях. Одновременно пройдут проверку на реализм и сами идеи о возможности перехода страны к рынку. Ясно одно — и это подтверждает книга Я. Корнаи — без отказа от государственного монополизма в сфере управления экономикой любые разговоры о создании эффективной хозяйственной системы беспочвенны.

Если конкуренция — душа рынка, то денежное обращение является системой его жизнеобеспечения. Стабилизация покупательной способности рубля — проблема номер один при формировании рынка. Инфляционная спираль, которую в последние годы стала раскручивать административно-командная система, пытаясь прикрыть свою беспомощность ссылками на стихийные рыночные силы, крайне настораживает. Напор денежной массы осуществляется централизованно в рамках старых схем управления — это доказывается тем, что скорость эмиссионных вливаний существенно опережает рост цен. В народном хозяйстве поддерживается диспропорция между денежным спросом и товарными ценами. Экономика дефицита (по терминологии Корнаи) сохраняет все свои отличительные черты. А черты эти суть характеристики нерыночного хозяйства. Если бы в нашей экономике начался разгул рынка, о чем постоянно твердят рыцари административной системы, то динамика цен была бы совершенно иной, а дефицит уступил бы место дороговизне. Собственно, так это и произошло в Польше.

Нет, административная система не сдается, а лишь отступает, применяя тактику "выжженной земли". Полный развал денежной системы — отнюдь не подходящая почва для выращивания ростков рыночной экономики. Зато эта почва весьма восприимчива к методам натурального распределения ресурсов и готовой продукции, к централизованному фондированию и тому подобным прелестям командной системы.

В этих условиях необходимы жесточайшие меры по сжатию денежной массы. Государство должно коренным образом изменить свою экономическую деятельность в финансово-экономической сфере. Необходимо, образно говоря, одной рукой закручивать кран, из которого хлещет поток денег, а другой — вытирать ту денежную лужу, которая образовалась в результате финансово-кредитной беспечности последних лет. "При любой системе, — справедливо отмечает Я. Корнай, — в драме инфляции главная роль принадлежит правительству, и в том числе финансовым органам. Это утверждение вдвойне справедливо для сильно централизованной социалистической экономики, в которой влияние правительства на цены и заработную плату, кредитную систему, капиталовложения и остальные экономические процессы несравненно больше, чем при капиталистической системе".

Если мы, наконец, поймем, что нельзя прибегать к печатному станку для того, чтобы финансировать амбициозные проекты, нереальные социальные программы, убыточные предприятия и разваливающиеся колхозы, тиражирование устаревшей военной техники, то тогда либерализация цен не приведет к взрывному их росту, а конкуренция позволит выработать действительно эффективную структурную политику. Альтернативы этому пути нет, если не считать альтернативой хаос, шабаш самых темных сил, народную беду. Внимательный читатель почерпнет в книге Я. Корнай массу аргументов в пользу этого вывода.

*Николай Петраков,
член-корреспондент АН СССР*

ОБРАЩЕНИЕ К СОВЕТСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Для меня большая радость и честь узнать, что моя книга дойдет до советских читателей. Я написал эту работу как комментарий к тем задачам, которые стоят сегодня перед венгерскими политиками, но тем не менее я стремился к тому, чтобы многие аспекты моих размышлений были бы полезны также и за пределами Венгрии.

Я далек от мысли о том, что эта книга — готовая программа для всех стран, вступивших на путь перехода от командной к рыночной экономике. Например, если сравнивать ситуацию в Советском Союзе и в Венгрии, различия будут серьезными. Советский Союз — подчас в драматических условиях — делает только первые шаги по пути политического плюрализма. В Венгрии многопартийность уже существует, проведены свободные выборы; правительственная власть — в руках коалиции, состоящей из нескольких партий; в парламент вошли представители оппозиционных партий, чьи политические убеждения отличаются от правящих партий. И хотя обе страны столкнулись с серьезнейшими экономическими проблемами, снабжение советских потребителей, их уровень жизни значительно ниже, чем в Венгрии. И, конечно же, у этих двух стран совершенно разный масштаб: Советский Союз — великая держава, одна из ведущих по численности населения и размеру территории, тогда как Венгрия — маленькая страна. Перечень различий можно продолжить, но и из сказанного уже ясно, что никто не станет прописывать лекарства, годные Венгрии, для лечения тяжелых заболеваний советской экономики.

Я рискнул представить свой труд советским читателям еще и потому, что в нем затронуты вопросы, на которые никто пока не сумел дать научно обоснованных ответов. Ни в одной стра-

не еще не завершился процесс преобразований — переход от централизованной социалистической системы к здоровой рыночной экономике. Даже Восточная Европа прошла лишь половину, если не треть этого пути. Суждения всех экономистов, анализирующих эти процессы, — в настоящее время не более, чем сообщения, догадки и надежды. Любая затронутая проблема вызывает ожесточенные дискуссии — не только в СССР и Восточной Европе, но также среди экономистов из других регионов.

Несмотря на все эти оговорки, я надеюсь, что из книги можно извлечь и ряд уроков, полезных для советской экономики в переходный период. Ведь несмотря на существенные различия, между Советским Союзом и небольшими восточно-европейскими странами есть и нечто общее, а именно: стартовая площадка, с которой они начали свои преобразования, — социалистическая система. Не одно десятилетие я изучал механизм функционирования социалистической системы, стремясь постичь ее закономерности. Мои предложения о путях перехода основаны на этих исследованиях, а также на методике сравнения ее с другими социальными системами. Хотелось бы поделиться четырьмя соображениями, имеющими общие закономерности.

1. На закате средневековья человечество перешло к рыночной экономике, основанной на частной собственности. Это Первая Дорога. Советский Союз был первой страной — за ним последовали другие страны, — свернувшей на Вторую Дорогу, которая привела к господству бюрократической командной экономики, основанной на общественной собственности. Оказалось, что Вторая Дорога ведет в тупик. Хотя за несколько десятилетий был достигнут значительный экономический рост, однако его цена была ужасной: страдания людей, упадок ряда отраслей хозяйства. Но самое главное — такие темпы роста невозможно было сохранить и в дальнейшем. В социалистических странах была предпринята попытка осуществить реформы, которые бы привели к возникновению рыночной экономики, но при этом не были бы затронуты политические институты и отношения собственности. В конце концов процесс реформ принял формы национальных экспериментов и достиг международного масштаба. Сейчас идет поиск Третьей Дороги, которая позволила бы уйти от сталинской системы, но одновременно в своих существенных чертах отличалась бы и от сегодняшней экономической системы развитых западных стран.

Эта работа продолжает мои предшествующие исследования. Теперь больше чем когда бы то ни было я уверен в том,

что этот эксперимент и не мог быть успешным. Третьего пути не дано. Народы, десятилетиями следовавшие по Второй Дороге, обретут мир, согласие и нормальную экономику тогда и только тогда, когда после долгих и болезненных поисков они выйдут на Первую Дорогу.

2. Ключевой момент преобразований состоит в том, чтобы на первый план выступила частная инициатива, получила юридическую защиту частная собственность. Нечего надеяться на значительное улучшение ситуации в экономике, пока в решении этих вопросов сохраняется двойственность, пока частные предприятия одновременно и поощряются, и преследуются, и одобряются, и презираются. Десятилетия антибуржуазной пропаганды оставили глубокие язвы в общественном сознании, и они еще долго не заживут.

Чем быстрее и решительнее будет изменяться общественный климат, тем эффективнее будет роль частного производства и частной торговли в обеспечении производства и снабжения. Это самое главное условие, которое нужно создать, прежде чем иностранцы будут допущены к восстановлению разрушенной экономики.

3. Буквально весь мир обсуждает вопрос, как следует восстанавливать экономику — постепенно или одним массированным ударом. Я думаю, что ответ на этот вопрос не может быть однозначным. Если речь идет об изменении отношений собственности, то эти перемены не могут быть совершены за короткий срок. Конечно, надо стремиться к ускорению этих процессов всеми возможными средствами, но какими бы эффективными ни были эти средства, переход займет целую историческую эпоху.

По-другому обстоит дело со стабилизацией на макроуровне. Здесь в книге прямо и однозначно говорится о том, что все важнейшие действия должны быть осуществлены одновременно. Незначительный косметический ремонт не поможет излечить болезни экономики, страдающей сегодня от дефицита и инфляции, запутанной системы цен, нарушенной системы налогов и субсидий, ложного валютного курса и банковских ставок, а также бюджетного дефицита. Полумеры только осложняют проблемы. В этой книге я рекомендую «хирургическую операцию». Эта «операция» должна быть тщательно подготовлена, а разрез сделан решительной рукой.

4. Переход может быть успешным до тех пор, пока правительство опирается на широкую международную поддержку. Необходимо сильное правительство, но его сила не должна быть основана на запугивании народа. Надежда появится только тогда, когда все, кто хочет участвовать в этих великих преобразованиях, объединят свои усилия. Если

условия для сплочения еще не созрели, политика стабилизации почти неизбежно обречена на провал.

До сих пор в этом предисловии я стремился выделить самые важные моменты книги, пытаясь быть как можно более объективным и оставаясь в привычных границах рациональной аргументации. А теперь, напоследок, я хотел бы сказать о тех чувствах, которые я испытываю в связи с тем, что моя книга попала в руки советских читателей.

Думаю, что Советскому Союзу будет труднее всех других стран проводить преобразования. Здесь пережитки сталинской системы наиболее сильны в сознании людей и во всей структуре общества. Здесь оказывается жесточайшее сопротивление переменам. Я глубоко сочувствую советскому народу, на долю которого выпало так много страданий в прошлом. Какие надежды возлагались на первый опыт реформ, и вот теперь народ так разочарован и ожесточен... Пустые магазины, беззащитные и униженные покупатели, растущие цены, стихия черного рынка — все это очень горькие пилюли. Многие советские люди уже отчаялись увидеть свет в конце туннеля. Страна все глубже и глубже погружается в трясину.

К моим сочувствиям всем страдающим присоединяется глубокое уважение к тем, кто без усталости и смело продолжает искать выход из тяжелого положения. В советской интеллигенции сосредоточена огромная интеллектуальная сила; она выплескивается как свежая струя воздуха после многих лет заточенья. Сильное впечатление производит честность и пронизательность людей, тысячами путей проявляющиеся в эти критические годы и месяцы.

Всем сердцем надеюсь, что дискуссии, интеллектуальная и политическая борьба, происходящая в этот период в Советском Союзе, увенчаются успехом. Я с теми, кто с волнением следит за происходящими сейчас событиями, я среди тех, кто наиболее последовательно отстаивает идеи перехода к рыночной экономике. Конечно, только сами советские специалисты — и никто, кроме них, — смогут разработать программу конкретных действий.

Максимум, на что могут претендовать работы, подобные этой книге, — дать толчок изысканиям, помочь сформулировать конкретные вопросы, вызвать дискуссии, предупредить о возможных опасностях и ошибках, которые подстерегают повсюду. И если бы это удалось сделать, может быть, это помогло бы советским друзьям справиться с их трудными задачами.

*Янош Корнай,
профессор экономики Гарвардского университета,
Венгерская Академия наук*

ПРЕДИСЛОВИЕ К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

Эта книга была написана для венгерского читателя. Меня попросили сформулировать в общих чертах предложения по экономической политике на предстоящие несколько лет для нового парламента и нового правительства, которые будут сформированы после первых свободных выборов весной 1990 г. На прочитанной мною в связи с этим 25 августа 1989 г. лекции присутствовали экономические эксперты ряда оппозиционных партий, а также некоторые должностные лица и руководители государственных предприятий, сотрудничающие с нынешним правительством. Из заметок, сделанных во время состоявшегося разговора, и возникла рукопись этой небольшой книги.

Я уверен, что представленные здесь идеи применимы не только в Венгрии, но и во всех других странах при переходе от социалистической системы к свободной экономике. Тем не менее, прежде чем указать на то, что является *общим* в преобразовании многих стран, несколько слов об уникальных специфических чертах венгерской ситуации.

Драматическим изменениям 1988—1989 гг. предшествовал длинный ряд важных событий. Его началом следует считать дни революции 1956 г., когда, хотя и всего на несколько дней, была установлена многопартийная политическая система и выражена политическая воля народа к установлению подлинной демократии.

Революция была задавлена советскими танками, а затем последовали годы жестоких репрессий. Когда была сломлена основа сопротивления, тоталитарный контроль значительно ослаб. В Венгрии причудливо переплелись экономическая

политика, ориентированная на потребителя (прозванная на Западе "гуляш-коммунизмом"), и политика затягивания поясов, большая самостоятельность государственных предприятий (в духе рыночного социализма) и бесконечное вмешательство в их внутренние дела, жесткий централизованный контроль и свободные рынки, а также и более лояльное отношение к частной собственности и частному предпринимательству в сочетании с бюрократическими ограничениями их развития. Подобная двойственность существовала и в политической сфере: в то время как официально была установлена политическая монополия коммунистической партии, ситуация характеризовалась непредсказуемой сменой терпимости и нетерпимости по отношению к противникам преобладавших политических структур и марксистско-ленинской доктрины.

Эта длинная предыстория, берущая свое начало в 1956 г., объясняет пионерную роль Венгрии сначала в экспериментах по реформированию существующей социалистической системы, а затем, после 1988—1989 гг., в переходе от реформ к ненасильственным революционным преобразованиям политической и экономической системы в целом. Как указывает подзаголовок американского издания¹, этот переход именно уводит эти страны от социалистической системы. Когда наступило время для этих перемен, Венгрия была в определенном смысле лучше подготовлена, чем остальные страны Восточной Европы. Здесь существовала влиятельная группировка внутри правящей коммунистической партии, приверженная переходу к демократии и рыночной экономике. Здесь были определенные организованные политические группы, опиравшиеся на моральный авторитет и опыт, полученный в прошлой диссидентской борьбе, представители интеллигенции, доказавшие независимость своего образа мыслей, а также и политические партии с давними традициями, уходящими своими корнями еще в досталинские времена. В экономике уже существовали предпринимательство и частная собственность, хотя им и было отведено относительно узкое поле деятельности. Преобразование венгерского общества не нужно было начинать с нуля.

Рассматривая особенности Венгрии, нельзя упускать из виду многие фундаментальные характеристики ситуации, присущие также и остальным странам Восточной Европы. Когда был написан первый вариант этой книги на венгерском языке (в сентябре 1989 г.), Польша и Венгрия были

1 Shifting from a Socialist System: The Case of Hungary (Уход из социалистической системы: случай Венгрии. — Прим. переводчика).

единственными двумя странами, где была официально отменена политическая монополия коммунистической партии. Сегодня, когда я пишу это предисловие, Восточная Германия, Чехо-Словакия, Болгария и Румыния встали на тот же путь развития, и мы являемся свидетелями сходных процессов, происходящих в Югославии. Несмотря на существенные различия в истории, культуре и сегодняшних политических экономических условиях, все эти страны имеют важные общие черты, и они будут испытывать схожие трудности в грядущие годы.

Во всех этих странах общественный сектор играет всеобъемлющую роль, а следовательно, они должны преодолеть одни и те же препятствия в ходе приватизации экономики. Хотя отдельные элементы подлинного рыночного механизма здесь присутствуют, но законы, юридические нормы и, что не менее важно, культура и этика четко функционирующего свободного рынка еще не получили развития. Цены, процентные ставки и обменные курсы искажены. Экономика этих стран недостаточно открыта и испытывают крайнюю нужду в том, чтобы стать органической частью мировой экономики, а структура производства и стандарты качества совершенно не приспособлены к требованиям мирового рынка. Гигантская бюрократия пронизывает каждую клеточку экономического механизма.

Одни и те же недуги, хотя и в разной мере, ослабляют экономику различных восточно-европейских стран: застой или сокращение реального выпуска и потребления, открытая и (или) подавленная инфляция, хронические дефициты и в большинстве случаев огромное бремя внешнего долга. Социальная напряженность угрожает стабильности общества. Во многих случаях рабочие недовольны требуемыми во имя стабилизации жертвами, большая часть населения все глубже погружается в нищету, в то время, как технократы, бюрократы и управленцы, назначенные прежним режимом, напуганы "сменой караула".

Эта книга отвечает на следующий вопрос: какова должна быть с учетом указанных обстоятельств экономическая политика в ближайшие два-три года? Ответы, конечно, даны применительно к венгерским условиям. Но многие существенные предложения, если они вообще годятся для Венгрии, должны быть также приемлемы и в других странах бывшего Восточного блока.

Когда я пишу эти строки, Советский Союз и Китай, две крупнейшие социалистические империи, все еще находятся на этапе развития, значительно отличающемся от сегодняш-

ней Восточной Европы, но во многом сходном с югославской, венгерской и польской ситуациями перед драмой 1989 г. Советский Союз и Китай прошли большой путь в реформировании социализма, не выходя за рамки этих реформ. Руководство этих стран хочет модифицировать существующую систему во имя более эффективного производства и более терпимого образа жизни, не затрагивая основ — политической монополии коммунистической партии и преобладания общественной собственности. Я думаю, для читателей этих двух гигантских стран может быть поучительным сравнение их собственного положения с теми проблемами, которые обсуждаются в Восточной Европе в эти дни. Может быть, наш сегодняшний день расскажет им об их завтрашнем. Изучение процессов в современной Восточной Европе может помочь в понимании разницы между *реформированием* социализма и *уходом* от социализма, между экспериментами по созданию лишь подобия рынка под названием "рыночного социализма" и переходом к подлинно свободному рынку. Более чем четыре десятилетия тому назад Хайек написал свой классический труд "Дорога к рабству", указав на то, что движение по пути к жесткому централизованному планированию, всеобъемлющей власти государства и запрещению частной собственности угрожает и политической свободе. Название нынешнего английского издания навеяно хайековским заглавием, если рассматривать первую часть пути в обратном направлении. Мы в Восточной Европе идем по пути к свободному обществу и свободной экономике, и нам приходится учиться, как преодолевать все препятствия на нашем пути. Все мы, живущие в обширном регионе от Эльбы до Желтого моря, должны учиться этому. Я искренне надеюсь, что издание моей книги на английском языке сможет дойти до читателей во всех этих странах.

Я понимаю, что мои предложения спорны и могут вызвать серьезные возражения и критику. И все же я убежден, что те вопросы, которые обсуждаются в книге, являются ключевыми в каждой из этих стран. Перечень проблем, исследуемых в этой книге, далеко не полон, но ни одна из них не может быть исключена отсюда как неуместная. Так или иначе именно эти проблемы должны быть решены в ближайшие годы. В книге не предлагается чудодейственного, универсального лекарства от всех бед. Однако общий подход, заложенный в книге, может быть использован, как я полагаю, во всех странах, вовлеченных в процесс преобразований. Книга написана для того, чтобы убедить читателя: сдвиг в отношениях собственности в сторону приватизации (гл. 1), комплекс мер, необходимых

для стабилизации, либерализации и макрорегулирования (гл. 2), и политическая поддержка этих изменений (гл. 3) неразрывно связаны между собой. Ни одна из этих задач не может быть успешно выполнена без выполнения остальных. Произвольный выбор некоторых целей при игнорировании остальных может неожиданно привести к обратным результатам и к провалу и дискредитации процесса демократизации и экономических преобразований. В этом смысле различные разделы программы (соответственно и различные разделы этой книги) составляют органическое целое и предлагают *всесторонний* план преобразований. Без сомнения, этот комплекс предложений, будучи первой попыткой представить подобный план в форме книги, обладает множеством слабостей. Тем не менее он мог бы внести свой вклад в дискуссии по этим существенным вопросам хотя бы потому, что на первый план выдвигается поиск всесторонних решений вместо произвольных и случайных частичных мер.

Обсудив пользу этого исследования для будущих читателей на Востоке, зададимся вопросом: почему предмет исследования должен заинтересовать американского или какого-либо другого западного читателя? В последнее время термин "исторический" используется с необычайной легкостью, зачастую как прилагательное к решению суда или даже к бейсбольному матчу. Но если есть событие, на самом деле заслуживающее этого эпитета, то это именно преобразование социалистической системы в демократическое общество и рыночную экономику.

При этом так или иначе будет затронута жизнь каждого. Появится больше оснований надеяться на мир во всем мире. Вероятно, в будущем, хотя и не столь близком, все меньше средств будет расходоваться на оборону и все больше — на другие цели: экономический рост, повышение благосостояния, науку и культуру, помощь бедным у себя дома и за границей.

Помимо такого *общего* интереса в предмете исследования, у различных групп людей может появиться и *особый* интерес. Прежде всего, в научном мире многие исследователи занимаются изучением коммунистических систем и их сравнением с другими общественными формациями. Безусловно, первым долгом для них станет анализ изменений, происходящих в той части света, которую привыкли считать управляемой социалистическими режимами и которая сейчас переходит к другой системе. Все учебные курсы, имеющие дело с социализмом, централизованным планированием и сравнительной экономикой, должны включить в свой состав

изучение процессов преобразований. Но, конечно, список лиц, испытывающих особый интерес к этому предмету, не ограничивается академическими учеными. Он включает политиков, правительственных чиновников, членов парламентов и конгрессов, дипломатов, сотрудников международных организаций и экономических советников, участвующих в формировании международной политики. Сюда относятся журналисты и другие работники средств массовой информации, сообщающие о событиях в этой части мира и оказывающие большое влияние общественное мнение. И наконец, хотя этим список и не исчерпывается, он включает финансистов, бизнесменов, экспортеров и импортеров, желающих проникнуть эти новые рынки. Всем этим группам необходимо уяснить новую ситуацию в Восточной Европе. Многие из них уже совершили несколько поездок в этот регион и вернулись с определенными впечатлениями. В некоторых случаях их суждения могли бы быть верными, в некоторых — лишь случайными, — чуть лучше или чуть хуже либо просто отличаться от типичного случая. Чем более глубоким и сбалансированным является их знание восточно-европейских дел, тем более эффективным будет их влияние на успешный ход этих событий.

Весьма обычным заблуждением является убеждение в необходимости простого копирования чужого опыта. Многие из посещающих Восточную Европу привозят с собой готовые рецепты, сулящие моментальный успех: "Делайте так, как мы делаем у себя дома, — и все будет хорошо!". Может быть, это и так, а может быть, и нет. Эта книга вновь напоминает венгерскому читателю, а косвенным образом и всем зарубежным читателям, что необходимо учитывать своеобразные *стартовые условия* процесса преобразований. Точкой отсчета является преобладание общественной собственности и всемогущие бюрократии, миллионами рук достигающей каждое предприятие, каждую семью, каждого человека. В этих странах десятилетиями подавлялись суверенитет индивидуума, его независимость, частная собственность и частное предпринимательство, политическая и интеллектуальная свобода, демократические начала и господство закона. Они не могут появиться мгновенно. Эти ценности могут быть восстановлены или созданы длительным историческим процессом. Его можно и нужно всячески ускорять, но тем не менее он не завершится в несколько недель. Мы должны учиться на опыте Запада, но не перенимать его бездумно; необходимо тщательно отделять примеры, которым можно следовать хоть завтра, от тех, условия для которых могут быть созданы в процессе

длительной эволюции, и, наконец, отвергать те структуры, институты и привычки, которые неприменимы вообще или не заслуживают распространения. Искусственная трансплантация, поспешно навязанная этим обществам, будет отторгнута их живыми организмами.

Революционный сдвиг необходим не только в общественных институтах, но и в *мышлении*. Новая система ценностей должна заменить те, что вдалбливались в головы многих поколений людей старым режимом. Рассмотрим только один пример. Западный читатель может спросить, почему в этой книге говорится о таких тривиальных вещах, как право одних людей зарабатывать больше других, если им сопутствует большой успех в бизнесе. Однако эта истина является самоочевидной для американского или швейцарского читателя, но отнюдь не для польского или восточно-германского. Начиная с детского сада и вплоть до самой старости ему твердили, что не предпринимательство, а только труд (и более того, труд в рамках предприятий или учреждений общественного сектора) — единственный законный источник дохода. Его учили также, что определенное неравенство терпимо или, возможно, даже полезно для создания материальных стимулов к труду, но нельзя, чтобы его было "слишком много". При этом от общественности тщательно скрывались привилегии элиты — вопиющее нарушение этого принципа. Даже сейчас, в начале новой эры, многие люди из различных политических групп, в том числе и внутри явно антикоммунистических движений, все еще испытывают влияние былой идеологической обработки в духе крайней "уровнировки". Они считают прибыль или высокий доход результатом неэтичных действий, а спекуляцию и наживу верными признаками алчности, неприемлемой в обществе. Эта книга содержит не только практические меры по ограничению инфляции и дефицита или ослаблению бремени внешнего долга. Я стремился показать взаимосвязь практических действий и лежащих в их основе ценностей и философских взглядов.

Излишне говорить, что эта книга представляет философские и этические взгляды, разделяемые далеко не всеми в Восточной Европе. Заглавие американского издания указывает на ее центральную идею — идею *свободы*. Это *либеральный* подход (употребляя термин "либеральный" в соответствии с европейской традицией). Его ядро — уважение к автономии и самоопределению, правам человека. И в противоположность этому, государству отводится сравнительно узкое поле деятельности. Я выступаю против

патерналистской роли государства, против того, чтобы рассматривать гражданина как беспомощное дитя, всем поведением которого должно руководить мудрое (или глупое и жестокое) правительство. Я хотел бы видеть гражданина, стоящего на собственных ногах, опирающегося на свою собственную силу и инициативу. Может быть, потом роль правительства и будет пересмотрена. Но сейчас, в начале процесса преобразований, люди действительно по горло сыты бесконечным вмешательством в их жизнь и тоталитарной властью бюрократии. Вероятно, история с неизбежностью движется не по прямой, а подобно маятнику. После десятилетий государственного вмешательства во все сферы жизни сейчас пришло время свести его к минимуму. Возможно, следующие поколения людей смогут найти "золотую" середину.

Теперь настало время объяснить понятие "свободная экономика" в названии книги. Свободная экономика — это, условно, *рыночная* экономика, но ее концепция богаче и отражает не только тот факт, что основным регулятором экономической деятельности выступает специфический механизм, а именно рынок. Свободная экономика — это такая экономика, где возможны беспрепятственное проникновение на рынок и уход с него, честная конкуренция на рынке. Понятие свободной экономики подразумевает также определенную форму прав собственности и определенную институциональную и политическую структуру. Эта система поощряет свободное возникновение и охрану частной собственности и ведет к положению, когда в частном секторе производится основная масса продукции. Эта система стимулирует индивидуальную инициативу и предпринимательство, защищает всех от излишнего государственного вмешательства силой закона. Свободная экономика встроена в демократическую политическую систему, характеризующуюся свободной конкуренцией политических сил и идей. Согласно системе ценностей автора, обеспечение этих свобод имеет высокую самостоятельную ценность и поэтому должно быть первостепенной задачей при выработке экономической политики.

Эта книга не ставит своей целью какие-либо *предсказания* будущего развития Восточной Европы. В большинстве своих работ вплоть до сегодняшнего дня я сосредоточивался на исследовании свойств социалистических систем и разработке теорий, объясняющих их функционирование.

Предполагается, что позитивная теория может помочь увидеть будущее. Цель этой книги другая. Я пытаюсь ответить на вопрос не о том, какова *будет* роль парламента в

будущем в Восточной Европе, а о том, какова *должна быть* его роль. Вполне возможно, что кое-кто из депутатов будет отстаивать местные или отраслевые интересы, что появится определенная коррупция, что недостаток компетенции будет помехой в деятельности парламента и т.д. Тем не менее эта книга выступает за возрастание роли свободно избираемого парламента в наблюдении за деятельностью администрации и в управлении огромным государственным сектором. Моя цель, если можно так сказать, до некоторой степени *образовательная*. Я хотел бы, чтобы будущие депутаты осознали свою ответственность перед народом, поднялись над узкими местническими интересами и не поддавались давлению и угрозам.

Моя рукопись не претендует на то, чтобы стать простым сборником инструкций, как нужно делать то-то и то-то. Это призыв и к разуму, и к чувствам читателя, описание всех тех изменений, которые нам так необходимы. Я убежден, что мои предложения реалистичны. Они осуществимы в нынешних политических, экономических и социальных условиях. Но как будут проходить эти изменения — зависит от воли всех людей, участвующих в преобразованиях в Восточной Европе и за ее пределами, от их настойчивости в преодолении многочисленных препятствий на пути к свободной экономике.

* * *

Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность всем гражданам и организациям, поддерживавшим меня при написании этой книги. Последние несколько лет я работаю над большой книгой, обобщающей мои идеи по политэкономии социализма.

Эта маленькая книга представляет собой "побочный продукт" моих длительных исследований. К этому вынудили меня недавние события в Восточной Европе. Я благодарю Институт экономики Венгерской Академии наук, Гарвардский университет, Фонд Слоана, Фонд Макдоннелла и UN WIDER (Хельсинки) за их поддержку моих длительных исследовательских изысканий.

Я приношу благодарность всем тем, кто сделал свои замечания, вдохновившие меня. Особенно хотел бы отметить огромную помощь Жужи Даниель. После публикации венгерского текста я получил много отзывов венгерских коллег, особенно полезными были замечания Тамаша Бауэра, Яноша Гача, Михая Лаки и Андраша Надя.

Я очень признателен Джеффри Саксу из Гарварда, который первым прочитал английский перевод венгерской

публикации и высказал много ценных предложений. Не говоря о его обширных познаниях в области программ стабилизации, эти замечания основывались на его последнем опыте разработки программы стабилизации в Польше. Я также извлек большую пользу из его работ, посвященных положению в Польше. В сущности настоящее издание представляет собой не просто перевод — оно включает ряд существенных исправлений и добавлений к первоначальному тексту. Другими словами, это переработанное издание первоначальной книги. Пересмотр был вызван первыми откликами венгров на книгу, а также идеями, лежащими в основе смелой польской программы стабилизации.

Я обязан всем, кто участвовал в работе над изданием венгерской и английской рукописей, особенно Марии Ковач и Карле Крюгер, моим ближайшим сотрудницам, за их благородную и эффективную помощь. Наконец, я выражаю свою признательность моему американскому издателю У.У.Нортону и Компании.

Кембридж, Массачусетс, январь 1990

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование не предназначено для того, чтобы быть комментарием к долгосрочным целям экономического развития Венгрии. Напротив, я стремился сосредоточиться на актуальных задачах ближайших лет: 1) собственности, 2) макроэкономической стабилизации, 3) взаимосвязях экономики и политики. Нужно, однако, подчеркнуть, что ни одна из них не рассматривается исчерпывающим образом и мы не коснемся некоторых других важных проблем, оказавшихся за рамками этой книги.

Я не претендую на то, чтобы представить лишь новые и оригинальные идеи. В ходе широких дискуссий в последние несколько лет было выдвинуто много интересных предложений в профессиональной литературе, в партийных платформах и в политических дебатах.

Определенная часть положений, сформулированных в моей работе, совпадает с этими хорошо известными взглядами, в то время как в других местах я вступаю с ними в полемику¹.

Подзаголовком к венгерскому тексту "Страстное слово в защиту экономических преобразований" я хотел обратить

---

¹ Дискуссии по этому вопросу отражены в ряде замечательных исследований. Отмечу здесь лишь работу Э.Ханкисса (1989), книгу Л. Ленджела (1989), дающие ретроспективный обзор венгерской литературы по общественным наукам за длительный период, и исследование М.Лаки (1989), представляющее собой анализ экономических программ оппозиционных партий. Конечно, быстрый прогресс перестройки и насыщенная политическая жизнь привели к тому, что эти работы уже отстали от самых последних событий сегодняшнего дня. Вышеупомянутые обзоры дают детальные ссылки на различные точки зрения и включают необходимую библиографию. В настоящей работе я не привожу детальный список литературных источников.

внимание читателя на тот факт, что я не рассматриваю настоящую книгу как чисто научное исследование. Первым признаком научной работы является возможность проверки утверждений автора. Абстрактные теоретические работы начинаются с точно сформулированных положений, из которых вытекают остальные выводы. Они доказываются при помощи скрупулезных логических выкладок. В других случаях мы анализируем факты какого-то периода в прошлом, на основе которых делаем обобщающие заключения. В этом случае ожидается, что исследователь ознакомит читателя с массой фактов и покажет, как он пришел к своей интерпретации этих фактов. Однако такие строгие критерии уместны лишь в сфере "чистой" теории или если мы имеем дело с фактами, принадлежащими только прошлому или настоящему. Тем же, кто решается заглянуть в будущее, показав, что *"должно быть сделано"*, приходится выйти за пределы научности в старом, узком смысле этого слова. Предложения, касающиеся экономической политики, с неизбежностью отражают политическую *позицию*, даже если они исходят от "чистого" ученого, и поэтому являются соединением субъективных и объективных элементов.

Конечно, в этой книге я также прибегаю к методам, обычно используемым в научном исследовании, а именно к логическим выкладкам и ссылкам на факты. В то же время мои политические и моральные ценности, мои личные разочарования, надежды и верования ясно видны в этой работе. Вместо того чтобы скрывать этот факт, я решил подчеркнуть его словом "страстный" в подзаголовке к венгерскому названию.

Не хочу скрывать от читателя, что мои знания далеко не беспредельны. Безусловно, существует много специалистов, которые гораздо лучше меня знакомы, например, с проблемой задолженности венгерской экономики или с животрепещущими спорными вопросами межпартийных переговоров. Но я надеюсь, что тот, кто видит повседневную экономическую и политическую жизнь с расстояния, добавит краски в палитру дискуссий. Я принадлежу к теоретикам социалистической экономики (имеется в виду социалистическая система в целом, в том числе Венгрия как ее составная часть), стремящимся изучить и теоретически осмыслить свойства и механизмы этой системы. В своих ранних работах я сопоставлял социалистическую систему с другими общественно-экономическими формациями, особенно с современными формами капитализма. Настоящая книга представляет собой попытку использовать эти предварительно полученные знания на практике.

Ряд вопросов, рассматриваемых в книге, — предмет оживленной дискуссии. Вполне вероятно, что мои критики сочтут ход моих мыслей ошибочным. Однако ради того, чтобы предупредить возможные нападки, я не стану осторожничать, делать бесконечные оговорки, наполовину отрекаясь от своих слов. Я лучше пойду на риск, всегда связанный с недвусмысленными, настойчивыми и, как может показаться, резкими формулировками, так как именно они могут стимулировать дискуссию и более тщательную разработку проблем.

Этот памфлет не претендует на то, чтобы быть прогнозом. Я не рассматриваю альтернативные пути развития Венгрии, вероятность каждого возможного сценария. Я выделяю те задачи, которые, на мой взгляд, должны быть решены, а также указываю те тропинки, по которым лучше не ходить. В гл. 3 читатель найдет перечень политических условий, от которых зависит выполнение этих насущнейших задач.

И наконец, требуется предварительный комментарий к *появлению во времени и динамике* обсуждаемых в книге перемен. Некоторые процессы волей-неволей будут постепенными, в то время как остальные изменения должны вводиться сразу же одним ударом, даже если это вызовет сильный шок. Такого рода "хирургическая" операция в основном описывается в гл. 2. Несомненно, радикальное "хирургическое вмешательство" — неотложная мера, требующая создания соответствующих условий для ее успеха.

Необходимо самым тщательным образом определить тот "тип", к которому относится каждый пункт нашей программы, т.е. включает ли он процессы, требующие постепенных шагов, или это часть "пакета" мер, которые должны быть осуществлены одним ударом. С одной стороны, нельзя медлить с проведением неотложных мер. С другой стороны, нельзя допускать штурмовщины в тех случаях, когда можно и нужно действовать лишь постепенно. Эта разница будет постоянно подчеркиваться в этой книге.

1.

СОБСТВЕННОСТЬ

Речь пойдет главным образом о двух секторах экономики — частном и государственном. Я также затрону вопрос о том, существуют ли или должны ли существовать третий, четвертый и т.д. сектора.

ЧАСТНЫЙ СЕКТОР

В сферу частного сектора я отношу:

а) домашнее хозяйство как экономическую единицу, осуществляющую производство продукции и оказание услуг для собственных нужд;

б) легальные частные предприятия, действующие в соответствии с законодательными актами любого размера от индивидуального, кустарного производства до крупных предприятий;

в) нелегальные частные предприятия в составе "теневой экономики". Сюда относится вся деятельность в сфере производства товаров и оказания услуг, которую частные лица осуществляют без специального разрешения властей, в том числе и для нужд легальных частных или государственных предприятий;

---

¹ При написании этой главы я был вдохновлен работами по теории прав собственности (см., например, А.А.Алчян и Х.Демсец (1973), Х.Демсец (1963), Э.Г.Фуруботн и С.Пейович (1974), и особенно теми, где обсуждаются права собственности в социалистической системе. Среди последних я хотел бы привлечь внимание к классической работе Л.фон Мизеса (1935), к книге Д.Лавуа (1985) и к статье Г.Шредера (1988).

г) любой вид использования частного имущества или личных сбережений — от сдачи внаем квартир до денежных операций между частными лицами.

Эти четыре категории отчасти пересекаются. Далее мы не будем делать различия между индивидуумом как экономической единицей и легальным и нелегальным частным сектором.

Домашнее хозяйство как экономическая единица будет рассматриваться как часть частного сектора.

Хотя часто говорится, что Венгрия в целом находится в тисках экономического кризиса, я не могу полностью разделить эту точку зрения. Без сомнения, серьезная напряженность и нарушение равновесия проявляются на макроэкономическом уровне. Это отражается на всех экономических процессах и на жизни всех венгерских граждан. Государственный сектор — самый большой в экономике — работает неэффективно. Есть, однако, и здоровая часть экономики — частный сектор. Хотя и он тоже сталкивается с большими трудностями, но, как я покажу ниже, он остается единственным сектором, *не* впадшим в кризис. Как свидетельствуют факты, экономическая ситуация в стране лучше того, что показывает официальная статистика, именно из-за получивших в последние одно-два десятилетия значительное развитие частного производства и частной собственности. В сущности частный сектор — наиболее важный "встроенный стабилизатор" экономики. С моей точки зрения, развитие частного сектора — самое важное достижение проводившейся экономической реформы.

Жизнеспособность частного сектора доказана хотя бы уже тем, что он смог вообще развиваться при враждебном, недружественном к нему отношении. Знаменитый венгерский писатель Иштван Эркени в своем рассказе "Будапешт", одном из часто цитируемых коротких рассказов, описывает венгерскую столицу на другой день после ядерного нападения. Город наводнен мышами. И сразу же на развалинах одного дома появился клочок бумаги, на котором было написано: "Госпожа Варшани уничтожает мышей за оплату салом". Мы наблюдали нечто подобное в последние два десятилетия. Частный сектор, частная инициатива и частная собственность, казалось, пали жертвой множества кампаний по национализации, коллективизации и конфискации. И все же смягчения определенных ограничений было достаточно, чтобы частное предпринимательство снова стало расти, как грибы после дождичка. Достаточно было закрыть глаза на то, что не всегда соблюдалась буква закона, чтобы возродилась деятельность, которая обычно понимается как часть "второй" экономики.

Сильнейшим свидетельством жизнеспособности частного сектора является *спонтанность* его распространения. Организационная структура, управление и координация государственного сектора

осуществляются искусственно с помощью мер, исходящих сверху. В отличие от этого частный сектор развивается сам собой, без каких-либо инструкций из центра. Предприятия частного сектора не требуют никакого стимулирования или директив, чтобы работать по законам рынка, так как это их естественный способ существования (а государственные предприятия нужно постоянно стимулировать или даже отдавать им приказы, чтобы они действовали по законам рынка, но они все равно не способны на это).

Фактически никто не знает точно действительного размера частного сектора в сегодняшней Венгрии. Пару лет назад были сделаны некоторые приблизительные оценки. Согласно одному из этих расчетов треть совокупного рабочего времени венгерского населения затрачивается на такие виды деятельности, которые по вышеприведенному определению относятся к частному сектору¹. Вероятно, с тех пор частный сектор еще более расширился. В любом случае у нас есть много оснований утверждать, что частный сектор уже сегодня значителен, и один из ключевых вопросов экономического развития Венгрии состоит в том, как ускорить дальнейший рост.

В сегодняшней Венгрии необходимость развития частного сектора признают сторонники различных экономических теорий и политических течений, хотя многие из заявлений на этот счет слишком общи или даже туманны. Такой общий подход позволяет экономистам, политикам или партиям, имеющим с этим дело, не давать никаких обязательств. Далее я приведу шесть обязательных условий развития частного сектора. Я умышленно заостряю свои формулировки, чтобы высветить проблемы, а не затушевывать их — так легче обнаружить те места, где сторонники различных позиций сходятся между собой и где пролегают различия.

Необходимо еще одно пояснение, прежде чем перейти к рассмотрению указанных шести пунктов. По мере реализации этих требований придется пойти на некоторые тщательно продуманные исключения из правил, а также временные компромиссы. Детали этих исключений и компромиссов выходят за рамки настоящей книги. Вместо того чтобы прибегать к сотням осторожных оговорок, которые бы сняли остроту выдвинутых требований, я предпочитаю рискнуть, используя слегка упрощенные формулировки.

1. Частный сектор должен быть полностью огражден от вмешательства. Нет нужды в сотнях новых надоедливых правил, которые хотя и являлись бы значительной модификацией бюрократических ограничений частного сектора, но все же поз-

¹ Цит. по работам Яноша Тимара (1975), Пала Беле и Белы Декслера (1985).

воляли бы колебаться, уступить ли в одном случае или надеть узду в другом. Было бы более целесообразно подойти к этому вопросу с другого конца: твердо и последовательно придать силу закона принципу, согласно которому частный сектор в экономике может заниматься чем угодно, за исключением того, что запрещено законами, выходящими за рамки экономических отношений (например, запрещено мошенничество, насилие и т.д.)¹. Конечно, необходимы также и ограничения, основывающиеся на экономических соображениях. Например, частный сектор должен облагаться налогом, соблюдать природоохранные требования. Так как эти ограничения хорошо известны, здесь нет нужды останавливаться на них. Подчеркнем, однако, основной принцип: как правило, частный сектор не должен сталкиваться вообще ни с какими запретами².

Содержание требования свободы для частного сектора далеко не самоочевидно. В действительности оно содержит несколько компонентов, поэтому здесь я перечислю лишь несколько наиболее важных:

свобода учреждения предприятия и начала производства;

свободные цены, основанные на свободном договоре покупателя и продавца;

неограниченное право сдавать в аренду имущество, находящееся в частной собственности, на основе свободного договора между арендатором и арендодателем. Помимо всего прочего, сюда относится свободная сдача внаем жилья или имущества, находящегося в частной собственности, с арендной платой по согласованию между договаривающимися сторонами;

свобода найма во всех случаях, когда нанимателем является

---

1 В исследовании не указывается, должны ли эти правила быть записаны в конституции или в законах, принимаемых парламентом. Здесь важно лишь подчеркнуть, что этот основной фундаментальный принцип должен быть включен в законодательство.

2 Тем самым устраняются различия между пунктами б) и в) в определении частного сектора. Любое частное предприятие может действовать без специального разрешения, за исключением тех случаев, когда это запрещено законом обычно по внеэкономическим соображениям (например, торговля наркотиками или детьми). Определенные виды частного предпринимательства могли бы подлежать регистрации или официальному разрешению, если это требуют соображения обороны, общественной безопасности или другие внешние факторы. Закон должен оговаривать те случаи, когда предпринимательство подлежит разрешению. Для этого должны быть приведены веские доказательства. Любая иная деятельность может осуществляться без специального разрешения. Это означало бы отказ от сегодняшней практики, когда точка отсчета прямо противоположна: любой вид предпринимательства незаконен без регистрации или разрешения. В лучшем случае можно ожидать от властей, что они закроют глаза на такого рода деятельность.

представитель частного сектора (домашнего хозяйства или частного предприятия). При этом заработная плата устанавливается по взаимному согласию обеих сторон;

неограниченное право накапливать, продавать и покупать любые высокоценные предметы (например, редкие металлы);

неограниченное право накапливать, продавать и покупать иностранную валюту внутри частного сектора и при актах купли-продажи между венгерскими и иностранными гражданами;

неограниченное право ввоза и вывоза внутренней и иностранных валют;

свобода внешнеторговой деятельности, когда представитель частного сектора обладает неограниченным правом осуществлять любые экспортные и импортные операции¹;

свобода кредитования с уплатой процента, определяемого по договоренности между кредитором и должником;

свобода финансовых инвестиций в любые частные предприятия;

свободная купля-продажа по свободным ценам жилья или имущества, находящегося в частной собственности.

Полезно сравнить эти требования с нынешним положением. Рамки этой книги не позволяют дать сравнение по всем пунктам, но даже выборочных данных вполне достаточно, чтобы показать те сотни препятствий, которые ставит закон на пути к действительному освобождению частного сектора. Теневая экономика, "серый" и "черный" рынки, тайные доходы потому и существуют, что сотни ограничений препятствуют частному предпринимательству. Явление второй экономики вполне можно рассматривать как своего рода "гражданское неповиновение", выступающее против двусмысленных установок закона и административных ограничений. До сих пор оно было меньшим злом, потому что государству не удалось распространить по крайней мере часть своих бюрократических ограничений на частный сектор. Другими словами, государство, кажется, смирилось с тем положением, когда эта деятельность считается скорее "серой", чем "черной". Сейчас самое время выкрасить все в ослепительно белый цвет.

Во избежание недоразумений необходимо пояснить, что перечисленные выше свободы относятся исключительно к экономическим связям внутри самого частного сектора: контактам между покупателем и продавцом, арендодателем и арендатором, кредитором и должником и т.д. Связи между государством и некоторыми его институтами, с одной стороны, и с частным сектором, с другой, будут проанализированы ниже.

Для примера рассмотрим *операции по обмену валют*, под-

¹ Государству, безусловно, дано право устанавливать таможенные правила. Это не противоречит вышеназванным требованиям и будет обсуждено позднее.

черкнув с самого начала, что я ссылаюсь на них исключительно ради наглядности, а не потому, что рассматриваю их в качестве первостепенных среди других требований. Сразу же хотелось бы предупредить, что у меня даже в мыслях нет предлагать ввести нижеследующие меры немедленно, без учета необходимости принятия других мер. Либерализация обменных операций частного сектора может стать успешной только как органическая часть общей либерализации частного сектора. Это в свою очередь предполагает выполнение стабилизационной программы, излагаемой в гл. 2. А сейчас перейдем к нашему примеру.

Первое требование не обязывает государственный банк плачивать мне, венгерскому гражданину, за венгерские форинты требуемое мной количество иностранной валюты. Вопрос о том, при каких условиях и в каком размере государственный банк должен обменивать венгерские форинты на иностранную валюту, на самом деле должен быть решен вне зависимости от этого (мы вернемся к этому вопросу в гл. 2). Требование свободы в данном случае означает, что я должен иметь право продавать свои доллары хоть на улице под носом у полиции и покупать их на тех же условиях. Нужно также, чтобы я мог с чистой совестью держать у себя дома сколько угодно иностранной валюты. Я должен бояться ночных взломщиков, но никак не полиции или властей, ответственных за валютные сделки.

Я должен иметь право предлагать свои доллары государственному банку в качестве оплаты или на хранение без каких-либо отчетов об источниках их получения. Если мне не нравится обменный курс, установленный государственным банком, я должен иметь право продавать свои доллары любому, кто предложит более выгодный курс, а также продавать форинты частному банку в Вене или любому частному лицу там же за австрийские шиллинги. Я должен иметь право вывезти в Вену или куда бы то ни было свои венгерские форинты и продать их за конвертируемую валюту¹.

Подобные обменные операции предельно разрешены и сегодня, хотя они запрещены законом. При этом стараются по возможности

¹ Против требования легализовать валютные операции обычно выдвигается следующий контраргумент: есть опасность, что люди будут стремиться хранить свои деньги в твердой валюте, а не в форинтах и даже постараются вывезти деньги из страны и поместить их за границей. Я считаю этот аргумент несостоятельным, рассматривающим реальные отношения шиворот-навыворот. Люди избавляются от форинтов только тогда, когда падает их покупательная сила. В подобной ситуации они стремятся хранить свои сбережения в предметах, не подверженных обесценению, т.е. недвижимости, произведениях искусства, драгоценных металлах и, конечно, в твердой валюте. Никакие административные ограничения не остановят эту тенденцию. Единственным решением здесь является стабилизация покупательной силы внутренней валюты. Эта проблема будет детально обсуждаться в гл. 2.

не попадаться на глаза полиции. В свою очередь полицейский, если он становится свидетелем обмена, обычно не обращает на это внимания. Из создавшегося положения есть два выхода: либо серьезно придерживаться закона и усилить контроль за его исполнением, либо снять все ограничения. Я предлагаю последний.

Задержимся еще немного на нашем примере с обменными операциями. Как они влияют на конвертируемость форинта? Они обещают возникновение действительно рыночного обменного курса между форинтом и конвертируемыми валютами на частных рынках, где каждый клиент платит из собственного кармана. Требование здесь сводится к тому, чтобы расчистить дорогу *частному валютному курсу*, который будет не серым, не черным, а *ярко-белым*¹.

Другими словами, необходимо сделать форинт конвертируемым на *частном рынке*. Это был бы такой курс, который определялся бы не чиновниками, а реальной рыночной ценой конвертируемых валют. Обменный курс должен здесь выражать стоимость шиллинга или доллара для венгерского гражданина, который платит из своего *собственного кармана*. В такой ситуации стоимость форинта в шиллингах была бы примерно одинаковой и в Будапеште, и в Вене, если не считать

---

1 При предложенной системе до тех пор, пока государственная банковская система не введет конвертируемости форинта, неизбежно возникновение параллельно существующих двух законных обменных курсов. Один из них — это частный обменный курс. Он представляет собой реальный *рыночный* курс, основанный на добровольном соглашении между продавцом и покупателем твердой валюты. Другой курс — официально установленный системой государственного банка. Он не носит рыночного характера, так как диктуется одной из сторон силой *административной власти* (продавца — в случае продажи валюты и покупателя — в случае купли). Нет ничего необычного в существовании двойного курса. К слову сказать, мы уже имеем частный обменный курс как результат широкомасштабных валютных операций на "сером" и "черном" рынках. Мы бы уподобились страусам, если бы просто не замечали этого. Более того, и двойная система цен также широко распространена в сегодняшней венгерской экономике: помимо официальных цен, установленных в государственном секторе, существуют также свободные цены, действующие в легальном и нелегальном частном секторе. Мое предложение исходит из простого признания этого факта и направлено на легализацию свободных цен. Это обеспечит снижение свободных цен и частного обменного курса твердой валюты, так как отпадает необходимость в плате за риск, связанный с нелегальным положением.

обычных издержек обращения. Исчерпывающее решение проблемы возможно только в результате введения полной конвертируемости форинта, гарантированной государственной банковской системой, вместе с единым обменным курсом. К этому вопросу я вернусь в гл. 2. Здесь я ограничусь лишь замечанием о том, что либерализация обменных валютных операций — это существенная часть фундаментальных экономических прав частного сектора.

Все эти свободы должны рассматриваться не как огромная милость государства, а как основные права человека, которых почти полностью и в течение длительного времени были лишены венгерские граждане. Хотя экономическая свобода венгерского гражданина расширилась в процессе реформ, но масштаб разрешенной деятельности еще слишком узок. Вместо этих лимитированных свобод необходимо действительное освобождение¹.

2. *Выполнение частных договорных обязательств должно быть гарантировано законом.* В случае любого нарушения частного договора пострадавший гражданин должен иметь право обратиться в суд, чтобы принудить нарушителя к выполнению взятых им обязательств. Это потребует соответствующих размеров юридического аппарата, достаточного количества юристов, современного и должным образом детализированного гражданского законодательства и т.д.

Издержки функционирования этой "законодательной инфраструктуры" должен нести сам частный сектор. Это озна-

---

¹ Я отдаю себе отчет в том, что первое требование не удовлетворяется с полной последовательностью и в ряде капиталистических стран. Нередко защитники или создатели законов, урезающих эти свободы, ссылаются на опыт Запада или Юго-Восточной Азии. По моему мнению, эта аргументация ошибочна в двух отношениях. Первое — историческое: рассматриваемые капиталистические страны достигли теперешней стадии после длительного развития. В противоположность этому Венгрия едва начала процесс обуржуазивания после почти полного запрещения частных предприятий. Роль государства в начале этого пути отлична от его роли на более поздней стадии развития. Другое соображение касается оценки современного капитализма. Почему мы должны рассматривать современную практику любой из развитых капиталистических стран как пример для подражания? Практика этих стран критикуется с различных сторон. Лично я присоединяюсь к тем критикам, которые осуждают излишнее вмешательство в жизнь индивидуума и в экономическую деятельность частных предпринимателей в некоторых из развитых капиталистических стран. В одних капиталистических странах разрешен свободный обмен иностранной валюты, тогда как в других существуют большие или меньшие ограничения. Тот, кто хочет сослаться на зарубежный опыт, должен сначала решить, примеру какой страны он хочет следовать. Кто бы ни объявлял себя сторонником капитализма в Венгрии, он должен иметь в виду, что невозможно сослаться на "капитализм" в целом. Вместо этого нужно точно указать, какая комбинация либерализации и бюрократических ограничений имеется в виду.

част, что он должен делать необходимые взносы для возмещения издержек гражданских судов. Размер взносов устанавливается по соглашению между адвокатом и клиентом. При этом рассмотрение частных судебных исков не должно быть настолько затяжным, чтобы истец с самого начала почувствовал невозможность обеспечить свои права.

Сейчас задается вопрос, какова должна быть роль государства. Вот здесь как раз и может проявиться одна из функций государства. Оно должно выступать как арбитр в случае конфликта между договаривающимися сторонами, но ни в коем случае не вмешиваться в торговые дела частных лиц.

Ведущий принцип, лежащий в основе следующих четырех требований, — обеспечение стимулов для частных сбережений и капиталовложений. Однако для этого нужны не уговоры, а создание условий, при которых частным предпринимателям было бы выгодно вкладывать свои деньги в значительные проекты.

3. Необходимо твердо заявить об абсолютной безопасности частной собственности. В задачу данного исследования не входит выяснение форм, с помощью которых можно было бы этого достигнуть. Безусловно, такие гарантии должны предусматриваться законами, программами партий и заявлениями ведущих государственных деятелей. В этом отношении признание задним числом ранее произведенной конфискации частной собственности недействительной не так уж существенно. Сейчас это вообще не может произойти, за исключением некоторых особенно важных случаев. Одним из таких исключений могли бы стать крестьянские земли. Забота о будущих инвестициях диктует необходимость твердого заявления: конфискаций больше не будет никогда!

4. Налоговая система не должна ограничивать частные капиталовложения. Я коснусь налоговой системы позже, а здесь затрону лишь ряд пунктов. Тот, кто требует роста частных инвестиций в общем объеме капиталовложений в народном хозяйстве, должен согласиться и с предложением о том, чтобы частные сбережения также составляли большую долю в общем объеме накоплений. Но частные сбережения могут увеличиться только прямо пропорционально росту частных доходов. Это в свою очередь означает, что нужно разрешить людям зарабатывать столько, сколько они смогут. Частное производство может успешно развиваться, достичь уровня современных крупных предприятий только в том случае, если произойдет значительное накопление средств в частных руках.

Позиция многих политиков и экономистов в этом вопросе отличается определенной двойственностью. С одной стороны, они протестуют против излишней государственной власти и вы-

сокой доли государственного бюджета в валовом национальном продукте. С другой стороны, они выступают против чрезмерно высоких доходов частного сектора. Но нельзя возмущаться одновременно и тем, и другим. Придется выбрать, на что вы предпочитаете жаловаться!

В предыдущих абзацах приводятся серьезные аргументы против прогрессивного индивидуального подоходного налога. Когда-нибудь Венгрия, возможно, и достигнет той стадии развития, когда такой налог может стать необходимым, и свободный парламент добровольно проголосует за его введение. Однако сейчас этот вопрос не стоит на повестке дня.

5. *Кредитная политика должна стимулировать частные инвестиции, как, впрочем, образование и рост частного капитала.* На мой взгляд, лозунг "равных возможностей" для обоих секторов — из ряда ложных. В действительности эти возможности и не были равными начиная с национализации 1949 г., и сегодня поэтому различные секторы находятся в разных стартовых условиях.

Начать хотя бы с того, что громадное количество капитала накоплено государственным сектором, происходит сращивание бюрократического аппарата, государственной банковской системы и государственных предприятий. Именно государственный сектор знает, за какие веревочки нужно дергать, чтобы работала вся машина. Как вообще можно требовать равенства возможностей между частным сектором и этой огромной машиной политической, общественной и экономической власти?

Законом также должен быть определен в рамках ежегодного правительственного плана размер той доли общего объема кредитования экономики, которая предназначается для частного сектора. Эта доля должна включать пару основных кредитных квот по каждому типу кредита. Например, нужно четко определить, сколько процентов общего кредита на инвестиции государственного банка пойдет частному сектору в следующем финансовом году. Необходимы также гарантии от попыток значительно более сильного государственного сектора выкачать эти квоты из частного сектора¹. Поставь правительство это предложение перед парламентом, и акцент определенно переместится с возвышенной риторики на уровень осязаемых цифр. Продолжая приведенный ранее пример, парламент должен обсудить вопрос о том, какова будет доля кредитования частного сектора в общих инвестиционных кредитах — 5, 25, 50 % или другая величина.

Требование 5 призвано защищать права частного сектора на

1 В западной экономической литературе это явление характеризуется термином "вытеснение" ("crowding out").

получение предназначенного ему кредита от посягательств со стороны государственного сектора. Однако это требование отнюдь не означает, что кредиты должны распределяться без оглядки. Напомню читателям: один из источников кредита вытекает из требования 1, т.е. один из представителей частного сектора может кредитовать другого. Условия таких кредитов в любом случае должны быть достаточно жесткими. Ни один человек, находящийся в здравом рассудке, не вывернет свой карман и не даст займы деньги другому без уверенности в том, что тот будет в состоянии вернуть долг. Но и государственные банки должны бы установить строгие условия. Необходимо применять классические инструменты кредитной системы, т.е. различные формы ценных бумаг, залладных и ипотек. В пункте 4 выражено требование, чтобы частные предприниматели могли много зарабатывать, если только сумеют. Позволю себе здесь добавить, что они должны испытывать и риск потерять свои капиталы, если не смогут расплачиваться с долгами. Известны различные условия финансовой ответственности и гарантий. В случае так называемой неограниченной ответственности, когда должник отвечает за возврат ссуды всем своим имуществом, кредиторы охотнее предоставят кредитную сумму, чем в случае ограниченной ответственности, когда должник отвечает за взятые суммы лишь своими капиталовложениями. В последнем случае доля заемного капитала в инвестициях будет ниже. Но каковы бы ни были условия кредита, над частным предпринимательством все время должна висеть угроза краха в случае финансовых трудностей. Другими словами, частный сектор должен иметь по-настоящему жесткие бюджетные ограничения. Не нужно создавать частным предпринимателям тепличные условия, держать их под стеклянным колпаком, ибо это делает их такими же слабыми и немощными, как избалованные государственные предприятия.

На мой взгляд, необходимо строго ограничить употребление термина "предприниматель". Тот, кто использует государственные деньги и заставляет государство платить за свои убытки, не может называться предпринимателем. Предприниматели — это те и только те, кто попадает в тяжелое финансовое положение в случае убытков.

6. Необходимо развивать в обществе уважение к частному сектору. Высказанное в негативной форме, это требование становится еще более ясным: нельзя допускать любые подстрекательские выходки против частного сектора, будь они благопристойными или грубыми. Сегодня люди в общем с уважением относятся к крестьянам, работающим на приусадебных участках, или к ремесленникам. Общество настраивают не

против них, а против владельцев частных магазинов или лавочников. Пора уже прекратить клеймить сметливых и процветающих предпринимателей как "мошенников", "спекулянтов" из зависти или ради дешевой популярности. Этот вид примитивной антикапиталистической пропаганды обнаруживает полное непонимание сущности рынка, где наиболее желательно для любого заключающего сделку купить подешевле, но совсем не достойно порицания и то, что продавец запрашивает высокую цену. Если покупателю нужен товар, предлагаемый продавцом, и он готов заплатить запрашиваемую цену, тогда деятельность предпринимателя можно рассматривать как общественно полезную¹. Те, кто покупают дорого, а продают дешево, заключают плохие сделки. Эта формула хорошо нам знакома, и за нее вся нация уже заплатила большую цену. Толковые предприниматели заслуживают уважения, а не осуждения.

Теперь, когда мы рассмотрели шесть требований, выполнение которых обеспечило бы развитие частного сектора, целесообразно, как я полагаю, добавить к ним ряд комментариев.

Сейчас идет спор о том, нужны ли нам реальные, живые предприниматели из "плоти и крови" или обезличенные акционерные компании вместо них. Я остановлюсь только на проблемах частных акционерных компаний (о государственных акционерных компаниях речь пойдет ниже).

Важнейший элемент тех социальных преобразований, к которым мы стремимся, — это формирование нового *среднего класса*, ядро которого составят трудолюбивые, энергичные предприниматели, стремящиеся повысить свой социальный статус. Рынок произведет естественный отбор, и из мелких и средних собственников выдвигнутся пионеры экономического прогресса, основатели крупных предприятий². Впоследствии рядом с ними появятся и другие — те, кто сам не создает новых предприятий, не участвует в создании новых фирм, но охотно вкладывает средства в развитие экономики путем приобретения акций или в других формах.

1 В определенных условиях могут быть исключения из этого правила. Например, во время войны или голода административное распределение основных средств существования может стать необходимым, чтобы удовлетворить насущные нужды всех слоев населения. В данной работе эти исключения не рассматриваются.

2 Стоит заметить, что даже в наиболее развитых капиталистических странах с высоким уровнем концентрации промышленности малые и средние фирмы не вымирают, а постоянно воспроизводятся и даже сегодня создают существенную долю ВВП, подтверждая значимость своего существования для рынка. См. на эту тему книгу под ред. Д.Дж.Стори (1983). В ней приведены относительные доли мелких и средних предприятий в ряде развитых и развивающихся капиталистических стран. В последние несколько десятилетий в Венгрии именно мелкие и средние фирмы были ликвидированы в процессе национализации и искусственной концентрации.

Беда социалистической государственной собственности в ее обезличивании: она принадлежит всем и никому в отдельности. Сейчас, во время перестройки венгерской экономики, нужно обратить особое внимание на это противоречие. Я бы хотел, чтобы деловой бизнес процветал, и, наоборот, я бы хотел быть уверенным, что неудачи предпринимателей будут означать реальные потери для них. Если предприниматель способен убедить других доверить ему свои деньги — прекрасно! Он должен иметь возможность свободно привлекать также и анонимных партнеров. Если они здравомыслящие люди, то обязательно хорошо изучат того человека, которому доверят свои деньги. Мы можем рассчитывать на возникновение за короткий период ряда частных контор или посреднических учреждений, которые позволят анонимным партнерам продавать свои акции. У нас есть все основания ожидать, что рано или поздно подобное развитие приведет к возникновению настоящего частного акционерного капитала, подлинных частных акционерных компаний и реального частного рынка акций.

Все эти изменения будут происходить в ходе естественного развития частной собственности. Нецелесообразно и, вероятно, даже невозможно перескочить через этот этап исторического развития, хотя его можно сократить соответствующими мерами. Ход событий тут не симметричен. Частный сектор может быть ликвидирован одним государственным декретом, но его невозможно возродить тем же способом. Теперь мы должны расплачиваться за десятилетиями копившиеся проблемы. Из сознания нескольких поколений вытравливали гражданские чувства и ценности, тесно связанные с правами частного владения, частной собственностью и рынком. С этим обстоятельством нельзя не считаться. Простого копирования наиболее совершенных юридических и хозяйственных форм ведущих капиталистических стран недостаточно, чтобы обеспечить их всеобщее применение¹. Мы уже пробовали нечто похожее, когда хотели привести африканские племена или отсталые азиатские общины напрямиком в коммунизм. Не нужно снова пытаться повторить "большой скачок".

В ходе нынешних политических дебатов обсуждается вопрос о том, какая форма рыночной экономики победит в Венгрии — XIX или XX в.? Понятно, мы бы желали последнего. Но одно дело — наши желания и совсем другое — наша нынешняя стадия развития и реально ожидаемая скорость

¹ Это замечание не содержит совета игнорировать опыт большинства развитых стран. Было бы глупо "изобретать велосипед", жертвуя всем необходимым, вместо того чтобы позаимствовать опыт современных капиталистических стран.

изменений. Давайте посмотрим, каково реальное состояние частного сектора в сегодняшней Венгрии. Лишь некоторые исключения отличают его от уровня балканских стран начала века или сегодняшних развивающихся стран. Разница в оснащенности частных ферм в Венгрии и в Дании или США огромна. У частного фермера в Венгрии нет своих грузовиков, тракторов или силосных башен, а собственный телефон вообще за пределами его заветных мечтаний. Посмотрите, как тесны мастерские ремесленников! Посмотрите, как работают частники в обслуживании или торговле! Все, что мы можем увидеть, — это ветхие ларьки уличных торговцев или тесные и убогие магазинчики. Значительная часть всех частных предпринимателей все еще работают полуполюгально, с устаревшим оборудованием или с имуществом, арендованным или похищенным из государственного сектора.

Во многих отношениях нынешний уровень куда ниже того, которым характеризовался венгерский частный сектор в конце XIX в. Чтобы от такого азиатского уровня подняться до вершин, которых достиг западный частный сектор конца XIX в., недостаточно лишь решимости правительства. Мы, безусловно, должны ускорять это развитие, в основном путем выполнения вышеуказанных требований (кроме того, необходимо передать часть государственной собственности в частные руки — я вернусь к этому позднее). Но для нетерпеливого "скачка" нет никаких резонных оснований. Нужно ожидать, что в течение длительного времени будут сосуществовать разные поколения единиц частного сектора, значительно отличающиеся друг от друга законным статусом, методами предпринимательства и техническим вкладом. Мы обнаружим среди них и те, что принадлежат прошлому веку, и те, что полностью соответствуют сегодняшнему дню. Этот пункт ведет ко второму комментарию: для частного сектора характерно постепенное развитие. Невозможно установить частную собственность кавалерийской атакой. Обуржуазивание — это длительный исторический процесс¹, который был искусственно прерван в Венгрии в 1949 г., что отбросило страну на десятилетия назад. В 60-х годах в определенных областях этот процесс стал возрождаться: возросла роль приусадебных участков, расширились масштабы легальной частной деятельности, второй экономики².

Сейчас появились все шансы для того, чтобы процесс обур-

1 По этому вопросу замечательные идеи и эмпирические данные содержатся в работах Ивана Челени (1986, 1989). См. также работы Пала Юхача (1981) и Ивана Пете (1989). Я бы отметил также первопроходческие труды Ференца Эрдеи и Иштвана Бибо.

2 См. работы Иштвана Р.Габора (1979), а также книгу Иштвана Р.Габора и Петера Галаши (1981).

жуазивания ускорился. Чем более последовательно будут удовлетворяться наши шесть требований, тем быстрее будет идти этот процесс. Очевидно, что он будет протекать неодинаково в разных отраслях. Он будет особенно быстрым в менее капиталоемких отраслях — в сфере услуг, во внутренней и внешней торговле. Но даже в лучшем случае пройдут многие годы, прежде чем сформируется действительно развитой, зрелый частный сектор¹.

Не хотелось бы, чтобы у читателя создалось впечатление, будто я идеализирую роль частного сектора в целом или только в сегодняшней Венгрии. Я полностью отдаю себе отчет в том, что в Венгрии нередко можно встретить таких предпринимателей, которые стремятся быстро разбогатеть, даже и за счет обмана покупателей и государства. Вместо того, чтобы вкладывать все полученные деньги в развитие и совершенствование производства, они транжируют их. Такие предприниматели невежливы с потребителями и ведут себя по принципу "не хочешь — не бери", что сродни высокомерному поведению государственного сектора, порожденному экономикой дефицита. Все это настраивает общественное мнение против частного сектора, что несправедливо по отношению к честным, трудолюбивым и бережливым предпринимателям, пользующимся исключительно честными средствами для расширения своего бизнеса.

Конечно, необходима просветительская работа, пропагандирующая принципы деловой порядочности, дальновидного поведения бизнесменов. Организации частного сектора должны проводить твердую линию, защищая предпринимателей от всяческих оскорблений. Необходимо также законодательное регулирование, в том числе предотвращение картельных соглашений, направленных на ограничение соперничества, необходим запрет тайных соглашений и монополий, нечестной конкуренции. Тем не менее, на мой взгляд, все это может сыграть лишь второстепенную роль. Решающие перемены произойдут только после выполнения вышеназванных шести требований. Долговременные инвестиции частного сектора зависят от осознания полной безопасности частной собственности. Уход от дефицитной экономики (см. гл. 2), возникновение конкуренции и страх перед банкротством — вот что делает частного предпринимателя внимательным к потребителю.

Наконец, последнее замечание касается ввоза иностранного капитала. На мой взгляд, ключ к иностранным инвестициям

---

1 Темпы модернизации и укрепления венгерского частного сектора будут в значительной степени зависеть от того, насколько тесно страна будет взаимодействовать с европейской и мировой капиталистической системой. Стимулирующее влияние могут оказать исходящая с Запада культура производства, более высокие требования западных потребителей к качеству товаров, организация и дисциплина бизнеса.

следует искать в развитии собственного частного сектора в Венгрии. Я бы не стал рассчитывать на значительные инвестиции иностранного капитала в венгерскую экономику благодаря созданию для него *исключительных условий*. Принято множество государственных постановлений, создающих особо благоприятные условия для иностранного капитала в отличие от венгерских частных фирм. Однако любой иностранный инвестор прекрасно понимает, что эти привилегии можно очень легко отменить. В лучшем случае он рискнет на инвестиции, безопасность которых гарантирована его собственным правительством, и тем самым попадает в зависимость от политики правительства своей страны. Что-нибудь, возможно, из этого и выйдет, но не слишком много — и это мы наблюдаем воочию уже сегодня. Более того, эта ситуация могла бы привлечь жуликов, которые ждут быстрых и больших прибылей и готовы исчезнуть в любой момент. В противоположность этому серьезный и трезвый иностранный инвестор вначале захочет узнать, каков статус частного предприятия в Венгрии. Если каждый венгерский гражданин будет свободен распоряжаться своей рабочей силой, деньгами и богатством и ему разрешат участвовать во внешнеторговых сделках, тогда и иностранному инвестору не стоит серьезно беспокоиться. Я считаю, что венгерские государственные деятели поступают по-детски, когда пытаются привлечь иностранный капитал в Венгрию словами. Они придут сами, если почувствуют себя в безопасности и если им не надо будет больше опасаться мириадом бюрократических ограничений.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СЕКТОР

Условно я включаю сюда все различные формы общественной собственности. Более точные разграничения будут сделаны позже. Существенный отличительный признак выступает в негативной форме: все то, что не находится в частной собственности, относится к государственному сектору. Или в соответствии с экономической теорией собственности: остаточный доход, возникающий как разность между приходом и расходом, обезличен, не

---

1 Другой вопрос, стоит ли развивать заинтересованность в иностранных капиталовложениях, обеспечивая соответствующую информацию и демонстрируя преимущества капиталовложений в Венгрию.

идет в карман реально существующего человека, и убытки также им не возмещаются. Как я уже говорил, государственная собственность принадлежит всем и никому.

В Венгрии, как и в ряде других социалистических стран, "рыночный социализм" стал ведущей идеей процесса реформ. Он представляет собой комплексную концепцию, так что я остановлюсь только на ее сущности¹. Согласно этой концепции государственные предприятия должны оставаться в государственной собственности, но необходимо создать условия хозяйствования, при которых эти предприятия действовали бы так, будто они являются частью рынка. Далее я буду использовать понятие "рыночный социализм" только в этом ограниченном смысле: *"рыночный социализм" = государственная собственность + рыночная координация.*

Хотелось бы твердо и без всяких оговорок констатировать: основная идея рыночного социализма потерпела полный крах. Опыт Югославии, Венгрии, Китая, Советского Союза и Польши свидетельствует об этом. Настало время посмотреть правде в глаза и отказаться от принципа рыночного социализма, даже если многие все еще выступают в его защиту. Я не могу идти с ними одним путем. Необходимо принять во внимание следующие соображения.

Рыночный механизм — естественная форма координации деятельности частного сектора. Это связано с автономным принятием решений при рыночном механизме и свободным договором, учитывающим действия рыночного механизма и предусматривающим защиту частной собственности. В свете этого бесплодно ожидать, что государственное предприятие будет вести себя как частное и будет действовать в рыночной системе координат. Пора уже раз и навсегда расстаться с этой призрачной надеждой. Бессмысленно даже останавливаться на том факте, что государственная собственность постоянно воспроизводит бюрократию, потому что государственное предприятие является органической частью бюрократической иерархии. В первый, "наивный" период процесса реформ все

¹ Литература, посвященная дискуссии о "рыночном социализме", составила бы целую библиотеку. Я упомяну здесь лишь наиболее значительные работы: Э.Бароне (1935), Л.фон Мизес (1935), Ф.М.Тэйлор (1929), Ф.Хайек (1935) и О.Ланге (1936 — 1937). Классический обзор этих дискуссий можно найти в исследовании А.Бергсона (1948). Д.Лавуа (1985) составил выдающийся обзор. Первыми вестниками реформ, основанных на принципе децентрализации, были Б.Кидрич (1985) в Югославии, Г.Петер (1954 а, в, 1956) и Я.Корнаи (1957) в Венгрии, В.Брюс (1972) в Польше, Е.Либерман (1972) в Советском Союзе и Сунь Ефан (1982) в Китае.

мы лелеяли надежду, что простого отказа от планов-команд будет достаточно для создания рыночных отношений между государственными предприятиями. Эта надежда, однако, не оправдалась. Вместо этого *прямое* бюрократическое регулирование государственного сектора было заменено *косвенным*. Различные государственные органы нашли сотни средств, чтобы вмешиваться в жизнь предприятий¹. Если в процессе какой-нибудь кампании удавалось избавиться от одной формы вмешательства, немедленно возникала другая. Это является таким же неотъемлемым свойством и естественным способом существования государственной собственности, как рыночная координация для частной собственности. Венгерского опыта последних 20 лет, а также опыта всех других реформирующихся социалистических стран вполне достаточно для того, чтобы больше не обсуждать этот вывод, а принять его как неизбежный *факт*.

В дальнейшем специальный параграф будет посвящен вопросу о том, как может и должна быть сокращена доля государственного сектора. Возможно — и это было бы желательным, — что в конечном счете предприятия государственного сектора будут производить лишь меньшую часть общего объема продукции. Не требует доказательств и то, что, став небольшими островками в море частной экономики, государственные предприятия будут вынуждены вести себя почти так же, как если бы они находились в частной собственности. Однако пока эту проблему мы можем без всякого ущерба оставить сейчас открытой, так как в настоящее время она чрезвычайно далека от реальности. Сегодня и еще долгое время нам придется иметь дело с обратной ситуацией: крошечные островки частного сектора окружены океаном государственных предприятий.

Последующие рассуждения основаны именно на этом факте. Ход моих мыслей, конечно, может быть оспорен, но не с помощью аргументов типа: "Завод французской компании "Рено" также находится в государственной собственности, однако он все-таки ориентируется на получение прибыли и рынок".

В существующих в Венгрии условиях и в социологическом смысле я рассматриваю сектор государственных предприятий как часть государственной бюрократии. Государственные предприятия принадлежат скорее к сфере управления, чем к сфере бизнеса. Нельзя на это закрывать глаза и бесконечно

¹ Анализ взаимодействий между косвенным экономическим контролем, экономическим управлением и предприятиями проводится, например, в работах Л. Антала (1979, 1985), Т. Бауэра (1975) и М. Тардоша (1981).

"либерализировать" его. На самом деле любая правительственная организация склонна без удержу тратить деньги граждан. Нужно приложить большие усилия, чтобы воспрепятствовать этим сильным тенденциям.

Эта проблема неоднократно рассматривалась во многих теоретических и практических работах¹. Возьмем для примера какое-то учреждение, руководство которого придает большое значение выполнению своих обязанностей. Оно будет стремиться максимизировать свой бюджет. Наоборот, законодательный орган, контролирующий это учреждение, должен противостоять этому стремлению при утверждении ему бюджета.

Посмотрим на взаимоотношения между парламентской демократией и любым из подразделений государственного подчинения, например армией. Члены американского конгресса должны трезво оценивать постоянно растущие аппетиты Пентагона. Государственный бюджет был создан для того, чтобы устанавливать лимиты средств, выделяемых этим отраслям. Правда, предварительно оказывается политическое давление на конгресс, и военные используют все свое влияние, чтобы склонить его к увеличению собственного бюджета. Это поведение хорошо нам знакомо из практики распределения государственных капиталовложений в социалистической экономике: предварительно делается заявка, что новый военный объект или новое оружие обойдутся в 1 млн. долл., но в ходе производства выясняется, что реальные расходы удвоятся или утроятся по сравнению с первоначальной оценкой. К тому времени, однако, уже поздно отказываться от проекта. Это еще один аргумент в пользу установления контроля конгресса. Существуют специальные комитеты для наблюдения за военными расходами. За этими расходами внимательно следит и оппозиция. Если случаются злоупотребления, велики шансы, что они будут вскрыты.

Отношения между вооруженными силами и парламентом — это только один пример более общих отношений между исполнительной властью (т.е. бюрократией) и свободно избранным парламентом. Первые волей-неволей стремятся расширяться, и, таким образом, первейшая обязанность последнего — пресекать эти стремления. Бюрократия тратит деньги не из собственного кошелька, а из кошельков граждан. Задача парламента состоит в том, чтобы контролировать расходование народных денег.

Всего лишь год назад было бы иллюзией поднимать этот воп-

¹ Первой работой по этому вопросу является исследование В.Нисканена (1971).

рос. Сегодня, когда я пишу эти строки¹, политические и организационные условия для законодательного контроля над государственным сектором еще только должны быть созданы. Такие изменения требуют свободно избранного парламента, депутаты которого посвящали бы всю свою энергию парламентской работе и имели в своем распоряжении соответствующий аппарат и т.д. Во всяком случае сегодня есть шанс, что такие условия могут возникнуть. Поэтому пришло время со всей ответственностью выдвинуть следующее предложение: "Не дадим неограниченную власть руководителям государственных предприятий!"

Те, кто выступает за расширение самостоятельности государственных предприятий, очень часто сравнивают руководителей государственных предприятий в Венгрии с оплачиваемыми управляющими акционерных частных компаний в развитых капиталистических странах. Они исходят из убеждения о том, что общественный статус этих двух типов руководителей примерно одинаков. Такой взгляд представляется серьезнейшей ошибкой. В частной фирме частные лица несут убытки из-за плохой работы менеджера — ему-то и будет предъявлен счет в случае финансового провала. В противоположность этому в Венгрии менеджер — это чиновник среднего звена государственной бюрократии. Если он плохо справляется со своей работой, невозможно определить, кто конкретно несет убытки, так как деньги вытекают из бездонного государственного кармана.

Именно из-за того, что я сторонник свободной экономики, я хотел бы быть либеральным по отношению к гражданам и собственникам частных предприятий, рискующих собственными деньгами, и одновременно я хотел бы видеть строгий контроль за должностными лицами государства, расходующими деньги налогоплательщиков. К этим лицам я отношу и руководителей государственного предприятия. Если он хорошо работает, я не стал бы скупиться при выплате ему жалованья (об этом позже). Если же он "шляпа", то его нужно уволить. Но не будем себя обманывать: руководитель государственного предприятия не предприниматель. Никуда не деться от того факта, что он, как и руководители других государственных учреждений, всеми силами стремится расширить пределы своих затрат до бесконечности. Руководитель государственного предприятия также хочет делать большие капиталовложения, получать больше твердой валюты, оборудования и станков, покупаемых за валюту, больше путешествовать и давать такую возможность своим коллегам, и, безусловно, в его интересах платить большую зарплату работникам предприятия, так как это может поднять его

1 Осенью 1989 г. — Прим. переводчика.

популярность среди них. До сих пор он мог свободно вести себя таким образом, так как он не подчиняется частному владельцу, оберегающему свой карман от излишних расходов. Если наш руководитель допустит перерасход, у него есть реальный шанс выкарабкаться: государственный бюджет или банковская система, конечно, помогут ему. До тех пор, пока государственный сектор останется доминирующим в экономике, государственные предприятия благодаря своим спонтанным внутренним интересам никогда не будут иметь жестких бюджетных ограничений. Пора уже расстаться с надеждой на то, что можно ужесточить бюджетное ограничение.

Я не хочу ни упрощать, ни преувеличивать. Я не считаю, что государственное предприятие — просто одно из многих видов государственных учреждений и ничем не отличается, скажем, от автоинспекции или налоговой службы. Не стал бы утверждать и то, что поведение руководителя государственного предприятия во всех аспектах схоже с поведением мэра или шефа столичной полиции. Государственное предприятие продает свою продукцию за деньги, действует на основе расчета доходов и издержек и поддерживает связи с продавцами и покупателями. В этом смысле в поведении директоров государственных предприятий проявляются черты бизнесмена, и за два десятилетия, прошедшие после реформы 1968 г., эти черты, безусловно, усилились. Стыдно было бы ослаблять эти черты. Но в то же время все ответственные директора должны осознать тот факт, что все они вместе и каждый в отдельности являются государственными чиновниками, которым доверено распоряжаться государственными средствами. За это они должны нести ответственность, а контроль за их работой со стороны граждан полностью оправдан.

Из вышеизложенного вытекает несколько следующих практических предложений. В задачу этой книги не входит детальная административная и техническая проработка этих предложений; я ограничусь лишь основными принципами.

1. Директор государственного предприятия должен обладать полной самостоятельностью при принятии следующих решений: определение структуры и объема выпускаемой продукции, комбинация ресурсов и выбор технологии, заключение договоров с поставщиками ресурсов и покупателями продукции, найм и увольнение рабочей силы.

Формально эти решения и раньше были в полной компетенции предприятия, но на практике вышестоящие органы находили сотни различных способов, чтобы вмешиваться в их деятельность. Что касается меня, то я выступаю за более полную и последовательную реализацию самостоятельности государст-

венных предприятий, сходной с той, какую имеют отдельные предприятия в рамках крупных частных фирм в развитых капиталистических странах. Обычно менеджер такого подразделения самостоятельно принимает множество решений, тогда как общий орган управления фирмой принимает решения по его основным финансовым проблемам¹.

2. В целом определение продажных цен должно входить в компетенцию директоров государственных предприятий. Государственное предприятие - продавец без вмешательства сверху определяет цены товаров и услуг. В условиях рыночной экономики они, как правило, устанавливаются производителем. Подобное полномочие дополняется правом государственного предприятия как продавца самостоятельно договариваться с покупателем (другим государственным предприятием или частным покупателем) о тех ценах, которые при нормальных рыночных отношениях были бы предметом добровольного соглашения продавцов и покупателей.

В оправданных случаях вышестоящие органы могут устанавливать цены; это, однако, должно быть исключением из общего правила свободного ценообразования. Такие исключения будут рассмотрены в гл. 2.

А сейчас мы подходим к тем сферам деятельности, где, с моей точки зрения, необходимо ограничивать самостоятельность государственных предприятий.

3. Самое важное: государственная банковская система обязана строго контролировать выдачу кредитов государственному сектору. Необходимо применять жесткий денежный контроль. Мы не должны поддаваться никакому давлению в этом отношении.

4. Следует потребовать такой же строгой финансовой дисциплины и в отношениях между государственным казначейством и государственными предприятиями. Позднее, в гл. 2, мы обсудим вопрос о безусловном прекращении субсидирования убыточных государственных предприятий. Здесь же хотел бы только заметить, что и до этого следовало бы строго ограничить практику компенсации убытков предприятиям; нужно взимать налоги, а сделкам между казначейством и государственными предприятиями положить конец.

5. Нельзя допускать либерализацию политики оплаты труда на государственных предприятиях. Эта точка зрения прямо противоречит широко распространенному мнению о том, что го-

---

¹ Много исследований было опубликовано, например, о путях предоставления различным подразделениям, находящимся в подчинении гигантских капиталистических фирм, частичной автономии. Эта частичная автономия предполагает, что подразделение функционирует на основе самоокупаемости и получения собственной прибыли. Это, однако, не соответствует действительности, так как за ним всегда стоит подлинный владелец — огромная капиталистическая фирма.

сударственные предприятия должны иметь полную самостоятельность также и в этой области. В этой книге мы будем постоянно возвращаться к аргументам в пользу моего предложения и в целом к вопросу о дисциплине заработной платы.

6. Сохраняется опасность того, что самостоятельное государственное предприятие будет тратить твердую валюту на импорт в надежде, что это как-то сможет компенсировать снижение покупательной силы форинта по отношению к твердой валюте. Я сформулирую свое предложение в двух альтернативных формах:

а) если мы завершили операцию по стабилизации, описанную в гл. 2, и нам удастся ограничить с железной последовательностью выдачу кредитов государственным предприятиям, если, в дополнение к этому, мы добьемся конвертируемости форинта по реалистичному обменному курсу, тогда и только тогда мы сможем снять специальные ограничения на покупку государственными предприятиями твердой валюты. Тогда форинт будет доступен предприятию в ограниченном количестве, и поэтому спрос на твердую валюту будет находиться под контролем;

б) если изложенные в пункте а) условия отсутствуют, тогда приобретение иностранной валюты государственными предприятиями должно ограничиваться прямыми административными методами.

7. Государственное предприятие должно иметь право самостоятельно принимать решения по инвестициям, которые оно в состоянии профинансировать за счет собственных сбережений, кредитов банка или с помощью средств, полученных на рынке капиталов. Если, однако, в финансировании инвестиций участвует также центральный или местный бюджет или если кредиты подкреплены государственными гарантиями, то такие проекты должны подлежать утверждению законодательным органом (парламентом, местным советом), который осуществляет контроль за государственным предприятием. Решение парламента необходимо и тогда, когда капиталовложения связаны с межправительственными соглашениями. Мы не должны ставить нынешнее и грядущие поколения перед свершившимся фактом, как это случилось в прошлом при осуществлении таких печально известных инвестиционных проектов, как, например, сооружение гидроэлектростанции в Беш-Надьмароше на Дунае или при строительстве с участием Венгрии сибирского газопровода в Советском Союзе. Если инвестиционные проекты грозят обернуться убытками или представляют опасность в любом другом отношении, то от них нужно отказаться. Поскольку решения такого рода обычно связаны со значительными потерями, то было бы целесообразно начинать реализацию проектов только после их всесторонней проработки. Выборным

представителям народа должно быть дано право принимать ответственные решения перед тем, как откроется огромный государственный кошелек или будут подписаны соответствующие международные контракты.

8. Этот пункт приводится для полноты изложения, так как детально он будет рассмотрен позднее. Итак, руководители государственных предприятий не имеют право их продавать. Это право *собственника*, тогда как руководитель предприятия лишь наемный работник.

Не хочу вводить читателя в заблуждение: я не верю в то, что автономия, описанная в пунктах 1 и 2, вместе с ограничениями на нее, обсужденными в пунктах 3 — 8, обеспечат высокоэффективное функционирование государственных предприятий. Будем честными: это напрасные надежды. Государственное предприятие само решает собственную судьбу, особенно до тех пор, пока государственная собственность является доминирующей. Не существует такого чудодейственного лекарства, которое бы заставило его функционировать высокоэффективно. Правда, плохая работа предприятий государственного сектора никому не может быть безразличной, и выдвинутые предложения могли бы улучшить положение. Однако вышеизложенный механизм оправдан преимущественно другими целями, две из которых я выделю особо.

Наиболее важной является защита частного сектора. Ресурсы страны ограничены, но их хотят использовать как в государственном, так и в частном секторе. Однако их шансы в конкуренции за ресурсы не равны. Аппетиты государственных предприятий на ресурсы ненасытны, ибо они привыкли к мягкому бюджетному ограничению, тогда как спрос частного сектора жестко ограничен бюджетом. Государственные предприятия имеют хорошо развитые связи с банками и властями, не говоря уже о том, что их большие размеры сами по себе дают им много преимуществ в приобретении ресурсов.

Установление государственным предприятиям жестких ограничений на выдачу кредита, регулирование расходов на оплату труда, контроль за государственными капиталовложениями, другие ограничения необходимы для защиты частного сектора от вытеснения государственным, отсасывающим все ресурсы. Если всерьез относиться к задаче развития частного сектора, нельзя позволить, чтобы доли участия двух секторов в распределении ресурсов определялись свободной игрой политических и экономических сил.

Я не поддерживаю часто раздающиеся в последнее время призывы к созданию равных условий конкуренции для двух секторов экономики. Напротив, я категорически возражаю

против того, чтобы одинаково относиться ко всем секторам. Тот, кто расходует государственные средства, не может требовать равных прав с теми, кто должен рассчитывать только на свои собственные ресурсы. В последнем случае те, кто тратят свои собственные деньги, реализуют элементарные права человека. В первом случае, когда деньги текут рекой из государственного кармана, необходим жесткий контроль общества. Насколько полностью оправданным является призыв "Руки прочь от частного сектора!", настолько же необходимо требование жесточайшего контроля за деятельностью государственного сектора.

Хочу привлечь внимание к тому факту, что эта позиция прямо противоположна нынешней практике, т.е. бюрократическим ограничениям для частного сектора и либерализации государственного сектора. Моя точка зрения расходится также с позицией некоторых экономистов и политиков, которые в своих предложениях и платформах вновь и вновь призывают к продолжению сегодняшней политики. Они хотят безграничных свобод для государственных предприятий, устанавливая сотни ограничений для частного сектора.

Второй, не менее важной целью, оправдывающей ограничение спроса государственного сектора на ресурсы, является *макроэкономическая стабилизация*. Как станет ясно из гл. 2, проведение железной рукой политики финансовой дисциплины и дисциплины оплаты труда так же необходимо, как и тщательное взвешивание и обсуждение любого инвестиционного проекта, требующего государственных ресурсов. В нашем анализе мы постоянно ссылались на роль парламента. Я не хотел бы останавливаться здесь на том, какими должны быть взаимоотношения между будущим венгерским парламентом и бюрократией, разрабатывающей экономические планы для государственного сектора завтрашней Венгрии. При формировании этих связей следует учесть опыт, накопленный в период безраздельного господства плановой экономики в отношениях между высшими политическими органами и хозяйственными организациями низшего уровня (процессы "торговли" вокруг плана, искажения информации). Нам нужно будет также проанализировать опыт развитых парламентских демократий, т.е. взаимоотношений между парламентом и государственной бюрократией в этих странах. В то же время мы должны отдавать себе отчет в том, что ни одна парламентская демократия никогда не сталкивалась с таким огромным государственным сектором, с которым придется иметь дело будущему парламенту Венгрии. Если мы не хотим, чтобы наш будущий парламент автоматически одобрял решения бюрократии, и если мы не

хотим, чтобы бесконечные парламентские дебаты сделали невозможным нормальное функционирование государственного сектора, тогда у нас нет другого выхода, кроме как попытаться направить сотрудничество между парламентом и государственным сектором по среднему пути, что предотвратит как излишнее вмешательство, так и неограниченную свободу. Жизненно важно для всех политических сил иметь свои собственные небольшие экспертные органы, которые бы позволяли им осуществлять действенный контроль над государственными предприятиями без мелочной опеки в процессе их повседневной деятельности.

В дополнение к этому необходимо развивать широкий спектр учреждений, находящихся в подчинении парламента, а не правительства, которые могли бы послужить эффективным противовесом государственной администрации. Начало этому уже положено. Государственная контрольная инспекция, подобная тем, что существуют во многих парламентских демократиях, создается для надзора за расходами государственного аппарата. Ожидается, что новое учреждение, создаваемое для управления процессом приватизации государственной собственности, будет подчинено парламенту наряду с центральным банком, национальным банком Венгрии. Несомненно, потребуется множество других организаций, независимых от правительства.

Не надо возлагать слишком большие надежды на будущий венгерский парламент. Потребуется длительный период, прежде чем члены парламента и подотчетные ему учреждения наберутся опыта в выполнении своих функций. Это отводит очень важную роль в наблюдении за государственным сектором прессе и общественному мнению в целом, особенно в период обучения, да и в дальнейшем. Результаты работы государственных предприятий (доходы и расходы) не должны держаться в секрете. Граждане, которые несут бремя расходов, должны иметь полную информацию об этом.

Из всего, что было сказано о неизбежных бюрократических свойствах государственной собственности, логически следует мое глубокое недоверие к той части так называемой реформы собственности, которая предусматривает передачу государственной собственности другим государственным учреждениям или предприятиям в различных юридических формах (например, путем акционерного участия) вместо того, чтобы передать ее в частные руки. Я также с подозрением отношусь к "рынку государственного капитала", который я рассматриваю как полнейший абсурд всего венгерского процесса реформ. Прошедшие десятилетия изобиловали псевдореформами, и то, что делается сегодня, — это самая последняя волна таких фальшивых, иллюзорных перемен.

Изменения, к которым я отношусь настороженно, крайне разнообразны. Одно из них на венгерском экономическом жаргоне называется "перекрестной собственностью". По этой схеме одно или несколько государственных предприятий становятся совместными владельцами какого-то другого государственного предприятия. Дальнейшее изменение состоит в слиянии государственных коммерческих банков и других государственных предприятий. Банк получает часть акций государственного предприятия или, наоборот, государственное предприятие становится акционером государственного банка. При другой форме происходит сращивание государственных коммерческих банков и государственных предприятий. Банк покупает некоторую часть акций государственных предприятий, и, наоборот, государственное предприятие превращается в одного из держателей акций банка, находящегося в государственной собственности. Еще одной подобной формой является так называемая "институциональная собственность", когда государственная страховая компания или городской совет скупает часть акций государственного предприятия.

Эти формы частично уже внедрены и быстро распространяются. Некоторые венгерские экономисты считают эти изменения необходимыми только для нынешнего периода, другие настаивают и на их дальнейшем распространении¹. Каким бы сильным ни было это движение как в теории, так и на практике, я сам определенно выступаю против этого. Осмелюсь сказать, что я не единственный, кто сыт по горло всеми этими псевдореформами. Мы уже достаточно постарались, чтобы получить множество подделок. Государственное предприятие изображает поведение фирмы, максимизирующей прибыль. Бюрократическая политика, "перестраивающая" структуру промышленности, имитирует конкуренцию. Служба контроля цен имитирует рыночное определение цен. Этот список завершают имитации акционерных компаний, рынка капитала, товарной биржи. Все вместе это составляет венгерскую Уолл-Стрит, только вылепленную из глины! Западный гость, приехавший на пару недель, скажем, от Международного банка реконструкции и развития (МБРР) или Международного валютного фонда (МВФ), может быть зачарован этим зрелищем: гости любят все, что напоминает свою страну. Человек с Запада,

¹ Я не могу привести здесь всю литературу по этой теме, да и в задачи книги не входит определение приоритетов среди этих авторов. Мне представляется, что наибольшим было влияние М.Тардоша (среди его самых последних работ см. 1988 в, 1988 б). Я также хочу упомянуть статью Т.Шаркежи (1989). Схожие мысли можно найти в тезисах Консультативного комитета по экономическому управлению (1988). Тщательный обзор дискуссии по реформе собственности в государственном секторе Венгрии содержится в статье Дж.Варсоны (1989) и в книге Л.Ленджела (1989, с. 153 — 185).

прогуливаясь по Будапешту, обрадуется, увидев вывеску Макдональдса, просто потому, что она вызовет у него знакомый вкус гамбургера. Точно так же ему доставит удовольствие один вид знакомых банков, акционерных компаний или биржи. Ему и невдомек, что эти банки, акционерные компании и фондовая биржа просто фальшивки. То, что здесь происходит, — это своего рода игра в "монополию", где игроками выступают не дети с игрушечными деньгами, а взрослые чиновники, которые рискуют реальными государственными средствами.

Сколько бы раз в разговоре я ни касался этого вопроса, всегда в ответ следовало: "Посмотрите шире на современный капиталистический мир! Там также можно найти множество акционерных компаний, значительной долей акций которых владеют другие фирмы, страховые компании, некоммерческие учреждения (например, пенсионные фонды, университеты) или местные власти". Почему же я ратую за то, чтобы доля этой нечастной формы собственности в Венгрии была меньше, чем в современной капиталистической системе?

Мое твердое убеждение, что история не фильм, который можно прервать в любой момент и быстро, по желанию, прокрутить вперед или назад. Социалистическая государственная собственность означает ее полное, 100-процентное обезличивание. Мы не можем просто повернуть процесс вспять, пытаюсь постепенно довести этот процент до 95, 90, 85 и т.д. катушка должна быть полностью перемотана и прокручена сначала. Давайте лучше посмотрим на прошлое и нынешнее развитие капиталистического мира. Об этом уже шла речь выше при анализе частного сектора в сегодняшней Венгрии. Вернемся к нему снова и кратко обрисует динамику капиталистического развития за столетие.

Первыми двигателями капиталистического развития во всех странах являются индивидуальные предприниматели — самые находчивые и удачливые простые люди, которые либо быстро, либо за несколько поколений сколачивают капитал. Предприниматели приходят и уходят; одни выживают, другие сходят со сцены. Есть такие, что застревают на уровне захудалых магазинчиков или скромных фабрик среднего размера, а есть и такие, чьи предприятия вырастают до гигантских компаний. Одновременно постоянно происходит нарастание объемов обезличенного капитала. Этот капитал принадлежит тем, кто помещает свои сбережения в банковские депозиты или акции. С укреплением безопасности владения собственностью, развитием соответствующего правового обеспечения и формированием в обществе этических норм честного ведения дел мы можем

ожидать распространения различных форм совместных инвестиций. Конечно, этот процесс также предполагает, что государство выступает как гарант законных деловых сделок.

В конце концов за многими из этих форм общественных инвестиций при ближайшем рассмотрении стоят интересы все тех же частных собственников. Эти интересы оказывают давление на характер инвестиций неприбыльных учреждений. Или за их спиной стоит какая-нибудь сильная организация, например университет или общественный фонд, с давними традициями и подлинным самоуправлением. Эта организация, без сомнения, будет твердой рукой обеспечивать прибыльность своих инвестиций еще и потому, что она в финансовом отношении полагается только на себя и не может рассчитывать на опеку государства. Доля нечастных инвестиций будет, таким образом, расти как функция этого прогресса.

Но здесь нужно добавить еще два существенных замечания. Во-первых, новое предприятие редко создается на базе нечастных инвестиций. Наиболее значительные новые изделия за прошедшие 50 лет появились благодаря индивидуальным или коллективным предпринимателям, финансировавшим весь процесс производства из собственного кармана. Исключение представляют те инновации, которые были тесно связаны с развитием вооруженных сил и реализацией крупных инфраструктурных проектов. Естественно ожидать, что центральное правительство выделит нужный капитал для строительства нового аэропорта, скооперировавшись с местными властями. Но снова повторяю: эта форма не что иное, как исключение из общего правила. Нормальный ход событий следующий: первопроходцы получают значительные прибыли на производстве новых изделий, в новых отраслях промышленности или на новых рынках, но именно они платят по счетам в случае провала предприятия. Капитал инициатора часто дополняется капиталом привлеченных частных инвесторов, преимущественно тех, кто готов на большой риск в надежде на получение исключительно высокой прибыли¹.

Второе существенное замечание — фактически вопрос: почему степень обезличенности собственности в современных капиталистических странах должна стать образцом для Венгрии? Если удельный вес общественной институциональной собственности составляет в Японии 42 %, а в США — 37 % (конечно, это цифры условные), должны ли мы принимать за образец этот диапазон от 37 до 42 %? На Западе также встречаются ярые критики обезличивания собственности, и, на мой

¹ В США и других развитых капиталистических странах создаются специальные финансовые учреждения для финансирования этих видов венчурного капитала.

взгляд, эта критика часто справедлива. По иронии судьбы зачатки социализма уже существуют в сегодняшнем капитализме. Многие полагают, что отношения собственности чрезмерно обезличены в сфере страхования, здравоохранения и банковской системе. В Соединенных Штатах мы можем сегодня видеть классический пример смягчения бюджетного ограничения в сфере сберегательных и ссудных ассоциаций, специализирующихся на финансировании жилищного строительства. Некоторые из этих ассоциаций находятся на грани банкротства, во многих случаях из-за того, что они злоупотребили доверием вкладчиков и предоставили массовые кредиты подрядчикам, оказавшимся ненадежными должниками. Эта картина до боли знакома каждому венгерскому экономисту!

Сейчас черед государства забраться поглубже в свой карман, чтобы выручить эти ассоциации. Если государство не сделает этого, вкладчики начнут требовать возвращения своих вкладов, что в свою очередь может привести к серьезному финансовому кризису, сходному с тем, который разразился в 1929 г. Но действительно ли это пример для подражания? Конечно, нет! Многие американские экономисты полагают, что по отношению к этим ассоциациям следует применять значительно более жесткие бюджетные ограничения с самого их основания, а условия государственных гарантий должны быть определены более четко. Такая страна, как Венгрия, где непоколебимая вера в патерналистскую роль государства пустила глубокие корни в последние несколько десятилетий, должна особенно заботиться о том, чтобы не следовать подобному примеру.

А теперь ненадолго вернемся к жалованью руководителей государственных предприятий. Что касается меня, то я хотел бы, чтобы преуспевающий руководитель государственного предприятия расценивался как глубоко уважаемое должностное лицо, чей престиж не меньше, чем у посла, мэра или генерала. Но не делайте ошибки: он не бизнесмен! Если он хорошо справляется со своей работой, он должен получать хорошие деньги. Однако нельзя допускать, чтобы его зарплата достигала астрономических размеров. Я против этого не только потому, что страна сейчас сталкивается с большими трудностями. Даже если бы все было благополучно, нужно помнить, что руководитель государственного предприятия был и остается чиновником, оплачиваемым за счет государственного бюджета. Депутаты парламента, устанавливающие жалованья премьер-министра и генералов, должны каким-то образом определять и потолок заработной платы руководителей государственных предприятий.

Как было упомянуто ранее, частичная децентрализация управления, достигнутая в Венгрии в ходе реформ, выработала у руководителей государственных предприятий ряд черт, которые роднят их с подлинными бизнесменами. Разумно ожидать, что это должно сказаться на их материальном и моральном стимулировании. В то же время как никто в здравом уме не предложит платить премии адвокату пропорционально общему количеству лет, проводимых в тюрьме заключенными, так же неоправданно выплачивать большие премии сверх оклада руководителям государственных предприятий. Доля этих добавок должна оставаться умеренной. В условиях самых что ни на есть произвольных и извращенных систем цен и налогов в сегодняшней Венгрии экономическое определение "прибыли" остается яблоком раздора. С экономической точки зрения неправомерно устанавливать какую-либо зависимость вознаграждения, выплачиваемого руководителям государственного предприятия, от так называемой прибыли предприятия.

Когда я предлагаю, чтобы будущий венгерский парламент установил верхние пределы зарплаты руководителей государственных предприятий, я не считаю нужным применять сходные меры к менеджерам, нанимаемым частными фирмами. Если владелец частной фирмы хочет платить из своего собственного кармана миллион форинтов в год кому-либо из своих служащих — пусть платит. Это его забота, достоин ли данный служащий такого жалования или нет. Но ни у кого нет права выплачивать из кассы предприятия зарплату по своему усмотрению, если это деньги государственные.

Разрешите мне привести здесь красноречивый пример. Сейчас в стране ведутся дебаты по поводу того, должна ли Венгрия устраивать у себя в 1995 г. Всемирную выставку "ЭКСПО". По всей видимости этот вопрос будет поставлен перед парламентом, депутаты которого должны будут проголосовать по проекту, представленному правительством или одной из его комиссий. Я бы предложил следующее. Пусть члены правительства, комитетов или комиссий министерств, принимающие на себя ответственность за это решение, предлагают в качестве залога свое личное имущество: частные квартиры, дачи, машины, произведения искусства. Приложение к проекту должно содержать полный перечень этого имущества. Авторы проекта должны сами определить ту часть из предложенного в качестве залога личного имущества, которая будет изъята, но с условием, что она представляет для них немалую ценность. Конечно, стоимость этого имущества покроет лишь часть

ожидаемых инвестиционных издержек. Но все же этот залог должен составить значительную часть материального богатства, накопленного этими людьми за их трудовую жизнь.

Проект выставки "ЭКСПО" должен предусматривать щедрые вознаграждения ее авторов в случае успеха. Тот же проект должен предусматривать передачу имущества, отданного в залог, в пользу государства в случае провала выставки.

По моему мнению, эти условия заставили бы авторов проекта почувствовать, что значит идти на риск, который может ударить по их собственному карману. Если при этих условиях они предпочтут отказаться от своего предложения, они, конечно, имеют на это полное право.

Во избежание недоразумений хочу пояснить: я отнюдь не рекомендую, чтобы правительство любой страны придерживалось подобной процедуры при составлении любых законопроектов. Притча относится к *сегодняшней Венгрии*, где за 40 лет правления партийных и государственных функционеров для них стало обычным делом распоряжаться миллиардами форинтов и принимать решения о гигантских проектах одним росчерком пера. Если проекты приносят доходы — великолепно; если нет — очень плохо, но сами чиновники при этом не теряют ни пени. Этот пример приведен также для того, чтобы показать необходимость установления зависимости между карманом управленца и тем решением, которое он принимает.

СДВИГ В ОТНОШЕНИИ МЕЖДУ ДВУМЯ СЕКТОРАМИ: ПРОЦЕСС ПРИВАТИЗАЦИИ

Я считаю желательным как можно более быстрое увеличение доли частного сектора вплоть до таких размеров, когда он будет производить большую часть валового внутреннего продукта страны. Этого, однако, можно достичь только в результате органического процесса развития и преобразования общества. Этот процесс начался не сегодня, он продолжается уже не одно десятилетие и теперь с помощью ряда практических мер нуждается в ускорении.

Сам я не люблю лозунг "реприватизации". У Маргарет Тэтчер были основания решиться на эту политику под таким лозунгом в Великобритании, где частный сектор продолжал существовать даже в период национализации. Более того, в Великобритании достаточно отечественного капитала, чтобы выкупить государственное имущество по честным рыночным ценам (хотя я должен добавить, что и там реприватизация сталкивается с трудностями).

Итак, каковы цели, которых, здраво размышляя, можно достичь в Венгрии, а какие я считаю пагубными? Начнем с последних.

Нельзя разбазаривать государственное имущество, раздавать его всем и каждому просто по доброте душевной. С этим явлением мы сталкиваемся на каждом шагу. Например, абсолютно неоправданно продавать государственные квартиры их жильцам по ценам, составляющим незначительную часть их реальной рыночной стоимости. К тому же покупатель должен заплатить наличными лишь ничтожно малую часть цены приобретения. Бывший съемщик может, таким образом, получить квартиру в 100 м² в Буде, самом дорогом квартале венгерской столицы, заплатив наличными сумму реальной рыночной цены не более чем 1 м² жилья. Это полнейший абсурд, особенно если учитывать, что тот же самый квартиросъемщик годами или десятилетиями пользовался дотацией государства, платя низкую квартплату.

Я не располагаю достаточными фактическими данными о том, сколько акций попадет в частные руки в ходе преобразований государственных предприятий в акционерные общества и по какому курсу их могут приобретать руководители или служащие предприятий. Определенное право на преимущественную покупку и определенная скидка до некоторой степени оправданы. Но было бы абсолютно ошибочным позволить кому-либо стать акционером задаром, будь он хоть руководителем предприятия.

Было выдвинуто предложение о том, чтобы раздать государственное имущество гражданам на основании реализации гражданских прав. По этой схеме каждому гражданину дается право получить свою, пусть маленькую, часть капитала, которую он мог бы куда-либо вложить или продать. На мой взгляд, это предложение ошибочно. Здесь напрашивается сравнение, будто наш отец родной — государство неожиданно ушло в мир иной, оставив нас, осиротевших детей, распределять поровну наследство. Но государство-то живет и здравствует, и его аппарат обязан заботиться о вверенном ему имуществе, по крайней мере до тех пор, пока оно не перейдет к более рачительному владельцу. Задача не в том, чтобы раздать государственное имущество, а в том, чтобы отдать его в руки действительно лучшего хозяина. Предпосылкой этому послужит образование подлинной частнопредпринимательской мотивации.

А теперь перейдем к моим позитивным предложениям.

1. Представителям частного сектора должна быть предоставлена возможность покупать имущество государственного сектора соответствующими отдельными частями. Семьи могли бы выкупать недвижимость, находящуюся в государст-

венной собственности (квартиры или даже жилые дома, участки земли, магазины и т.д.). Частные предприниматели должны иметь право приобретать и государственные предприятия. Было бы, очевидно, нереально рассчитывать на то, что в сегодняшней Венгрии частные предприниматели начнут покупать крупные государственные предприятия. Но у них должна быть возможность покупать малые предприятия. Им можно помочь, разбив венгерские предприятия-гиганты на более мелкие и затем продав их частным предпринимателям. Здесь нельзя применять принцип "или все, или ничего!". Например, можно разделить искусственно созданный гигант на десять небольших, продать, скажем, пять из них и оставить остальные под управлением государства.

Этот процесс перехода государственной собственности в частные руки никоим образом не должен привести к варварскому демонтажу громадных неделимых предприятий. Сегодняшняя венгерская экономика характеризуется чрезмерной концентрацией производства, даже в сравнении с промышленно развитыми странами. Существует множество путей создания малых предприятий, но спешка здесь ни к чему. Требуется тщательный анализ концентрации производства в зрелых рыночных экономиках, где она явилась естественным результатом конкуренции. В этих экономиках уживаются и сотрудничают большие, средние и мелкие предприятия и даже люди, занятые в домашнем хозяйстве. Венгрия нуждается в предприятиях всяких размеров.

Было бы неуместно применять одинаковые методы независимо от отрасли экономики или размера рассматриваемого предприятия. Одно дело — гигантское предприятие и другое — государственный магазинчик по продаже фруктов или небольшая автомобильная мастерская. То же самое относится и к выбору форм приватизации, рассматриваемых ниже в пунктах 2 — 8. Сравнительно легко передать маленькие предприятия из государственной собственности в частные руки. Чем больше рассматриваемое предприятие, тем более настоятельны другие юридические формы (см. пункт 9).

2. Независимо от размера государственное имущество, передаваемое в частные руки, должно продаваться по реальной рыночной цене. Как правило, имущество нужно продавать с аукциона, извещая потенциальных покупателей о публичной распродаже. Поскольку во многих случаях нет гарантии, что государственное учреждение, действующее как распорядитель, реально заинтересовано в установлении реалистичной (достаточно высокой) продажной цены, можно было бы поручить установление цены независимым органам. В ряде случаев за-

прашиваемую цену установить легко. На рынке квартир, например, соответствующая точка отсчета — это уровень цен рынка частных квартир. Конечно, когда доходит очередь до продажи промышленных предприятий, задача усложняется. Здесь можно исходить из той суммы инвестиций, которая потребовалась бы частному предпринимателю, чтобы основать производственное предприятие подобного типа.

3. Необходимо разработать кредитную политику при продаже государственного имущества частным собственникам. Пример, приводимый ниже, показывает возможную структуру подобных кредитных сделок и должен рассматриваться как простая иллюстрация, а не готовое предложение.

Частное лицо или группа лиц хочет приобрести государственное имущество, оцененное в 20 млн. форинтов (в соответствии с тем, что было сказано в пункте 2, мы предполагаем, что это реальная цена без каких-либо вычетов). Потенциальный покупатель обязан внести продавцу первоначальный взнос в размере 5 млн. форинтов, а оставшуюся сумму в 15 млн. форинтов плюс проценты погашать равными частями в течение пяти лет. Государственное имущество стоимостью в 20 млн. форинтов переходит в частную собственность с самого момента продажи с ипотечной задолженностью.

Условия ипотечного кредита должны быть самыми жесткими. Если новый частный владелец не сможет внести свой очередной взнос в нужное время, то он теряет соответствующую часть первоначального вклада (следуя необходимой юридической практике), и собственность возвращается государственному органу, осуществившему продажу в кредит.

В этом примере мы оставляем за пределами обсуждения источники выплат по закладной или то учреждение, которому поручается соблюдать выполнение кредитного договора.

Моя цель — проиллюстрировать этим примером два важных требования к экономической политике. Во-первых, верхний предел продажи в частные руки не определяется текущим размером частного капитала. Если в данный момент частный сектор располагает 100 единицами капитала для покупки государственного имущества, он может купить несколько сотен единиц государственного имущества с разницей, покрываемой кредитом. Таким образом, процесс передачи государственной собственности в частные руки можно значительно ускорить. Во-вторых, кредиты должны

предоставляться реально существующим людям из "плоти и крови", а не распределяться на обезличенных акционерных рынках. Конкретное лицо может получить кредит определенного размера, но если оно не сможет выплатить очередной взнос, то рискует лишиться даже своего первоначального капитала.

4. Практика сдачи государственных предприятий в аренду частным лицам уже широко распространена в Венгрии. Эта форма, бесспорно, необходима. Однако здесь нужно избежать ошибок двоякого рода. Одна из них допускается тогда, когда государственное предприятие, действуя в качестве арендодателя, жадничает и требует нереально высокую арендную плату. Это может только подстегнуть арендатора хищнически эксплуатировать государственное имущество. Он выжмет из него все, что сможет, а затем смоемся. Другая ошибка появляется тогда, когда арендодатель разбазаривает государственное имущество, устанавливая смехотворно низкую арендную плату. Короче говоря, размер арендной платы должен быть обоснованным и реалистичным.

Арендная система может также послужить хорошей базой для перехода к продаже. С одной стороны, арендатор набирается опыта, прикидывая, стоит ли выкупать государственное имущество. С другой стороны, и государственный собственник ищет реальную цену продажи. Существуют хорошо известные формулы по исчислению безвозвратной капитальной стоимости на основе арендной платы.

5. Часть государственного имущества Венгрии может быть продана иностранным собственникам, но только в размерах, соответствующих национальным интересам. Никакие экономические трудности не смогут оправдать распродажу национального богатства. Давайте посмотрим, каковы интересы иностранного капитала в Венгрии: он вкладывается не по доброту душевной, а прежде всего ради получения прибыли. Другие мотивы также играют свою роль. Например, Венгрия рассматривается как своего рода учебная площадка, откуда можно начать завоевание восточно-европейского рынка. В любом случае понятно, что он руководствуется своими собственными интересами, и было бы бессмысленно тормозить этот процесс из идеологических или моральных соображений.

А теперь следующий вопрос: если иностранный капитал получил свою прибыль в Венгрии, какая польза от этого для страны? Нет однозначно позитивного или негативного ответа на этот вопрос, так как каждый конкретный случай определяется условиями сделок. Было бы глупо пытаться привлечь иностранный капитал, не ставя при этом никаких условий: "Будьте так до-

бры, придите и скупите наше государственное имущество!" Прежде всего Венгрия может выиграть, если разумной является покупная цена¹. Безусловно, Венгрия выиграла бы, если бы приток иностранного капитала сопровождался распространением нового, современного оборудования, технологий, передовых методов управления, деловой и технической экспертизы. Когда фирма находится в управлении иностранных менеджеров, зачастую она показывает образцы высокой организованности и дисциплины. Подобные примеры сами по себе оказывают положительное влияние.

Конечно, необходимо также рассмотреть возможное влияние иностранного капитала на занятость. Возможно, и в этом аспекте оно будет благоприятным. Однако здесь снова нельзя оценивать целесообразность продажи акций иностранцам только лишь на основе этого критерия. Мы не должны продавать венгерское государственное имущество иностранным владельцам любой ценой, только чтобы поддерживать уровень занятости в Венгрии. В арсенале политики занятости есть немало средств, и должна определяться наиболее благоприятная их комбинация.

Может быть, стоит установить верхний предел той доли венгерского государственного имущества, которое могут купить иностранцы².

Но даже если установлены ограничения для иностранцев, покупающих государственную собственность, ничто не должно препятствовать прямым иностранным инвестициям, т.е. сооружению в Венгрии новых предприятий преимущественно с помощью зарубежных средств.

6. Часто можно слышать робкие заверения в том, что продажа государственного имущества не преследует цели получения дополнительного дохода для государственного бюджета

---

1 В газетах сообщалось, что одна британская фирма выкупила контрольный пакет акций венгерской транспортной фабрики "Ганц". Британцы заплатили 2 млн. фунтов наличными. Оставшуюся часть покупной цены, в 5 раз большую первоначального взноса, они выплатят периодическими поставками товаров. Эти два миллиона — шокирующая сумма. Я знаком, например, с нынешними ценами на частные квартиры в районе Бостона в США. Если мы возьмем цену современной, хорошего качества 70-метровой квартиры, то обнаружим, что на сумму, отсчитанную британцами в наличных, можно было бы купить не больше чем 12 таких квартир! Даже если производственные фонды фабрики были абсолютно устаревшими, то одна только торговая марка "Ганц" стоит дороже! Такая распродажа венгерского государственного имущества просто неприемлема.

2 Правительство Южной Кореи создало организационно-правовую основу регулирования сходного процесса, учредив так называемый Корейский Фонд в качестве единственного канала, через который иностранцы могут покупать корейское имущество. Этот пример, безусловно, заслуживает тщательного изучения.

та. Действительно, за последнюю пару лет удалось до такой степени дискредитировать саму идею сбалансированного бюджета, что легкость получения доходов стала чем-то постыдным. Проблемы государственного бюджета будут детально обсуждаться в следующей главе. Здесь достаточно указать, что продажа государственного имущества, по всей вероятности, станет важнейшим источником дохода для государственного бюджета в предстоящем периоде. Отсюда логически вытекает, что нам нельзя оставаться равнодушными к продажной цене. Многие твердят о том, что достаточно ограничиться высокими налогами на высокие доходы. Я уже возражал против этого положения, и я вернусь к нему позднее. Одновременно, однако, те же "перераспределители" не очень любят говорить, по каким ценам они покупают государственные квартиры, и избегают вопроса о том, кому и по какой цене передаются права на государственное имущество, прикрываясь так называемой схемой преобразования собственности.

Любая сделка, включающая продажу государственного имущества по хорошей цене, независимо от того, кто является покупателем — свой или иностранец, освобождает венгерских граждан от необходимости вносить такое же количество денег в государственную казну через налоги или через инфляцию. Подобные поступления в бюджет, безусловно, не постоянные, а разовые, но они как нельзя более кстати в тот момент, когда страна готовится преодолеть величайшие трудности стабилизации экономики.

7. Если в пункте 6 изложены фискальные последствия продажи государственного имущества, то здесь обратимся к последствиям, связанным с денежным обращением. Сейчас у населения, особенно в частном секторе, скопилось значительное количество денег. Трудно сказать, сколько из них составляют вынужденные сбережения, т.е. так называемые "горячие" деньги. В любом случае это количество неистраченных денег, будучи тяжелым грузом для рынка, усиливает инфляцию. Существуют различные способы изъять эти деньги из обращения. Одним из них является продажа государственного имущества.

Как с фискальной, так и с денежной точки зрения весьма существенна пропорция между наличной выплатой и кредитом при таких продажах. Вернемся к нашему примеру с 20 млн. форинтов: далеко не безразлично, составляет ли первоначальный взнос 2; 5 или 8 млн. Соображения макроэкономического характера требуют как можно большей доли наличных денег при сделке. Тем не менее излишне жесткие

требования могут создать серьезные препятствия на пути продажи государственного имущества. Таким образом, неизбежно определенное экспериментирование на рынке.

8. В Венгрии так называемый Закон об акционерных обществах позволяет государственным предприятиям превращаться в акционерные компании с передачей акций в руки различных собственников. На мой взгляд, эта форма сама по себе достаточно гибка, и она может как способствовать трансформации собственности, так и вызвать очень неблагоприятные изменения. Об этом сейчас ведется широкая дискуссия, в ходе которой из уст заинтересованных сторон и наблюдателей звучит резкая критика. Я бы хотел пояснить свою позицию на этот счет.

На мой взгляд, превращение государственного предприятия в акционерную компанию, безусловно, достигнет своей цели, если приведет к *реальной* приватизации. Хотя никакого ущерба от перекалывания акций из одной государственной руки в другую может не случиться, но я не ожидаю от этого заметного улучшения. Я уже выражал в предыдущем параграфе мои сомнения по этому поводу.

Теперь, касаясь перехода акций в частные руки, позвольте мне прежде всего подчеркнуть, что я рассматриваю процедуру, которую сам считаю *неправомерной*.

Нельзя просто так позволить руководителям государственных предприятий присвоить себе имущество предприятия и превратиться из платных государственных служащих в собственников или, точнее, в собственников-менеджеров, сочетающих функции владения и управления. У новых собственников должны быть свободные руки при назначении управляющих.

Они могут, если захотят, сохранить старых или назначить новых, если это окажется предпочтительней. Новые собственники должны также устанавливать величину жалованья, материальные стимулы поощрения работы исполнителей, включающие продажу им части акций по цене со скидкой. Но недопустимо, чтобы прежние руководители сами выбирали тех, кто будет новыми владельцами, или помещали самих себя первыми в этот список.

Как я уже упоминал, служащим предприятия может быть предоставлена возможность покупки акций со скидкой, но я считаю, что это право должно распространяться только на небольшую часть акций. Было бы нежелательно, чтобы рабочие предприятия приобрели все акции целиком (за исключением *свободного* приобретения, как оговаривается сторонниками такого мероприятия), т.е. чтобы государственная собствен-

ность стала коллективной собственностью работников предприятия. Это бы означало введение де-факто формы той коллективной собственности, против которой я выступаю в следующем параграфе. Здесь я хотел бы прежде всего сослаться на этическую сторону проблемы. Имущество, которым располагает предприятие к моменту смены форм собственности, не было создано исключительно рабочими этого предприятия. В этом имуществе есть вклад каждого работника, участвовавшего в государственных инвестициях и субсидиях, которые получало предприятие. Ничем нельзя оправдать то, что теперь небольшая группа работников приобретет это богатство. Более того, одни трудовые коллективы будут довольны, получив в подарок процветающее предприятие, а другие станут собственниками погрязшего в долгах, убыточного "отрицательного богатства". Важно, чтобы при продаже государственного имущества руководствовались, как правило, не соображениями законности права на его приобретение, а способностью эффективного владения. На мой взгляд, единственной формой, гарантирующей эффективное использование ресурсов, является реальная частная собственность.

Никто не может предугадать, как распределится акционерная собственность. Я могу только указать, какова должна быть желательная тенденция. Допустим, капитал бывшего государственного предприятия делится на 10 000 частей. В нынешних венгерских условиях было бы нецелесообразно расплыть этот капитал, продав его, скажем, 10 000 различных держателей акции. В этом случае прежняя, совершенно обезличенная государственная собственность была бы заменена такой же обезличенной частной собственностью. Желательно, чтобы один акционер или небольшая их группа приобрели значительную долю акций (по крайней мере, 20 — 30 %) и, таким образом, имели решающее слово при назначении и контроле за деятельностью управляющего фирмой. Это предложение согласуется с уже выдвинутым ранее аргументом в пользу необходимости реальных, "осязаемых" собственников, которые имеют крупные инвестиции (в данном случае *значительные* пакеты акций) и потому кровно заинтересованы в успехе фирмы. Доминирующая группа акционеров может состоять из венгров или иностранцев: существенным требованием является лишь формирование результативного, прямого собственнического интереса. Я полагаю, что в целом превращение государственного предприятия в акционерную компанию или какую-либо другую форму частной собственности должно начинаться только

там и тогда, где и когда появятся такие люди. Как только появились "осязаемые" собственники и, купив большое количество акций, доказали свою готовность к принятию значительного риска, оставшиеся акции могут быть проданы другим, анонимным покупателям. У меня нет веры в успех противоположного хода событий, т.е. когда вначале продаются акции всем и каждому в надежде на то, что затем вдруг случайно появится тот, чей голос услышат руководители предприятия.

9. Распродажа государственного имущества должна быть полностью платным процессом, а его юридические основы должны устанавливаться законом. Необходимо продумать законные меры по регулированию и установлению прав и обязанностей прежних управленцев. Сейчас, когда я пишу эти строки, формируется законодательная и организационная система государственных учреждений для регулирования приватизации государственной собственности. Есть также необходимость в парламентском комитете по надзору за использованием закона и осуществлением независимого контроля за государственными организациями, ответственными за приватизацию.

Важная роль отводится в этом деле прессе. Необходимы издания, которые давали бы исчерпывающую информацию будущим продавцам и покупателям. Она не должна сводиться к пустым объявлениям о продажах с аукциона. Деловая пресса должна сделать джунгли сегодняшнего рынка значительно более проходимыми. Общество должно знать цены, по которым продаются и покупаются государственные квартиры, недвижимость или фабрики. Там, где продавцом выступает государство, вообще не должно быть никаких секретов. Даже в исключительных случаях, когда секретность оправдана, парламентский комитет должен иметь доступ к этой информации.

Для предотвращения возможных злоупотреблений важную роль, помимо специализированной деловой прессы, должны также сыграть другие виды средств массовой информации наряду с политической оппозицией.

Подытоживая, хотелось бы сказать, что *нельзя* руководствоваться принципом скорости при продаже государственной собственности. "Надоело — долой ее!" — это безответственный лозунг. Государственная собственность способна решать определенные задачи более эффективно, чем частная собственность. Например, никто не предлагает передавать дороги в частные руки. Но даже в тех случаях, когда трудно решить, какой вид собственности более эффективен — государствен-

ная или частная, необходимо провести специальный анализ, чтобы понять, будет ли в свете обсуждавшихся выше требований эффективной рассматриваемая передача. Государственную собственность следует продавать в частные руки только при условии, если эта сделка будет выгодной с макроэкономической точки зрения и если будут гарантии того, что новый собственник поведет дела лучше, чем прежний. Давайте не будем забывать, что первостепенной задачей приватизации является возрождение той побудительной силы, которой обладает частная собственность.

С точки зрения упомянутых во введении классификации и динамики все это можно рассматривать как ряд мер, типичных для длительного, согласованного процесса. Такой процесс следует энергично ускорять, но нельзя при этом мчаться сломя голову, пытаясь сделать все сразу за один присест.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВЕННЫМ И ЧАСТНЫМ СЕКТОРАМИ

Между государственным и частным секторами не может быть "Берлинской стены"¹. Между ними устанавливаются различные взаимоотношения, и часть из них заслуживает всяческой поддержки. Однако есть и такие, которые наносят вред, и с ними нужно бороться.

Пришло время отменить законодательные установки, ограничивающие или в некоторых случаях запрещающие деловые операции между государственными предприятиями и частным сектором. Я убежден, что тесные экономические связи с частным сектором позволят государственным предприятиям работать более гибко и заделывать брешы, оставляемые экономикой дефицита. Было бы желательно, чтобы частные торговцы во многих случаях служили посредниками в обмене товарами между государственными предприятиями — производителями и потребителями. Следует разрешить частным торговцам импортировать ресурсы для государственных предприятий и экспортировать их продукцию.

В любом обществе при контактах между частными предприятиями и правительственными органами могут возникнуть явления коррупции. Так как государственное предприятие по определению, данному ранее, представляет часть правительственного сектора, можно с уверенностью сказать, что в отношениях между государственными и частными предприятиями возникнут различные формы коррупции. Это уже происходит, и по мере укрепления частного

¹ Я позаимствовал это выражение у Андриша Нада.

сектора такие случаи станут еще более частыми. Не существует какого-то единственно верного способа предотвратить это отвратительное, но, увы, неизбежное явление, сопровождающее процесс преобразований, однако нужно приложить все усилия, чтобы свести его к минимуму. Это предполагает наличие соответствующих законодательных мер и этического кодекса, которые бы позволили отличать правомерные, честные формы отношений между государственным и частным секторами от запрещенных законом и предосудительных с точки зрения этики. Борьбу за соблюдение законодательного регулирования и этических норм должны вести как следственные органы, так и общественность.

Более важным все же остается успешный ход приватизации. Когда государственный сектор утратит свое доминирующее положение, дисциплина, устанавливаемая рыночной конкуренцией, ужесточится, у отдельных элементов частного сектора останется мало шансов получения особых преимуществ благодаря своим связям с государственным сектором. Добавлю, что обсуждаемые в гл.2 экономические изменения (единая система свободных цен, единая конвертируемая валюта, ограничение инфляции и ликвидация экономики дефицита) также будут способствовать уменьшению возможностей возникновения коррупции.

Специально следует упомянуть тех, кто одной ногой стоит в одном секторе, а другой — в другом. Возьмем, к примеру, рабочего государственного предприятия, занимающегося в свободное время ремонтными услугами. Само по себе это не предосудительно. Нужно понять тех, кто хочет сохранить за собой обеспечиваемые государственным сектором социальные гарантии и одновременно увеличить свой доход, подрабатывая в частном секторе. Каждый человек вправе сам решать, как долго вести такую двойную жизнь, которая обычно влечет за собой удлинненный рабочий день и самоэксплуатацию.

Однако для того, чтобы никто не злоупотреблял этим положением, необходимы соответствующие законодательные меры и влияние общественного мнения. Это относится к тем рабочим, которые пытаются присвоить государственные средства производства или использовать их, не выплачивая арендную плату. Все же более серьезными и заслуживающими осуждения являются случаи, когда двойную роль играют чиновники, выступая одновременно во главе государственного предприятия или учреждения и в качестве частного предпринимателя, наемного управляющего или консультанта в отечественной или зарубежной частной фирме. Требуются строгие правила для точного определения и предотвращения конфликтов интересов и

этически несовместимого двойного участия. Подобные правила существуют в правовых системах западных демократий, и тщательное их изучение очень поможет подготовить аналогичные меры и в нашей стране.

ДРУГИЕ ФОРМЫ СОБСТВЕННОСТИ

Здесь будут обсуждены три формы собственности.

А. Кооперативная собственность. Кооперативы могут сыграть очень полезную роль там, где применяются следующие принципы: 1) свобода вступления в члены кооператива и выхода из него; 2) право члена кооператива при выходе из него изъять не только свой первоначальный капитал, но также и свою долю накопленного капитала; 3) подлинное самоуправление кооператива, т.е. свободно избираемая администрация.

Кооператив такого рода является по существу особым видом частного товарищества. В этом смысле кооперативы не представляют большой самостоятельный сектор экономики, а являются частью частного сектора в широком смысле, определенном в гл.1.

Такие кооперативы уже существуют, и лично я только бы приветствовал их широкое распространение, хотя и сомневаюсь в этом. Поживем — увидим.

По-другому я отношусь к различным формам псевдокооперативов. Они вобрали в себя все негативные черты бюрократической государственной собственности. Идеальным было бы, если бы эти псевдокооперативы добровольно преобразовались либо в подлинные кооперативы, либо в другие организации, действующие в организационных и законодательных формах частного сектора. Как минимум, с них нужно сорвать маску и открыто признать их государственными предприятиями. В любом случае венгерская экономика, безусловно, должна избавиться от псевдокооперативов.

Б. Муниципальная собственность. Статус экономической единицы, находящейся в собственности районного, городского или сельского правительственного органа (т.е. совета в нынешней государственной структуре) нельзя оценить однозначно. В какой степени местные власти могут вести себя как подлинные собственники? В этом контексте напрашиваются еще два вопроса. Первый состоит в том, демократичен ли местный законодательный орган, представляет ли он интересы данного региона. Если ответ отрицательный, то неизбежно появятся бюрократические черты, характеризующие классическую общегосударственную собственность. Второй вопрос касается размера территории и численности населения, находящихся в ведении данных местных властей.

Сельский совет, вероятнее всего, будет лучше выполнять свои обязанности, имея в подчинении только одно предприятие, чем Будапештский городской совет, ибо в столице находится большое количество предприятий. Скорее всего горсовет управления столицы унаследует бюрократический стиль управления промышленностью со стороны министерства.

Время покажет, до какой степени муниципальная собственность сохранит бюрократические черты прежней формы государственной собственности и сможет ли она создать заинтересованность, подобную той, которая существует в частном секторе. Я не исключаю такой возможности, хотя условия для этого будут неблагоприятными в течение длительного времени. И уж совсем не приходится рассчитывать на то, что эта форма превратится в крупный сектор экономики, охватывающий значительную часть общественного производства.

В. *Самоуправление трудовых коллективов*. Я не хотел бы, чтобы эта форма стала доминирующей формой собственности или чтобы сегодняшний государственный сектор приобрел характер трудового самоуправления. Положение в стране и без того двойственное: на значительной части государственных предприятий формально уже существует самоуправление. Некоторые авторы выступают в пользу перехода к настоящему трудовому самоуправлению.

Выдвигается множество доводов "за" и "против" трудового самоуправления. Для сегодняшней Венгрии я считаю убедительными два существенных возражения против этого. Один из них связан с необходимостью укрепления дисциплины оплаты труда. В сущности это ахиллесова пята процесса демонтажа сталинистской модели командной экономики. В командной системе обязательные административные ограничения накладываются как на уровень заработной платы, так и на общие расходы государственного предприятия на оплату труда. Это действительно одна из немногих бесчисленных плановых директив, которые проводятся в жизнь наиболее энергично: соблюдение размера фонда заработной платы поощряется, а нарушение — наказывается.

Чем дальше продвигается реформа по пути либерализации режима оплаты труда, тем быстрее возрастает размер заработной платы. Бюрократическое принуждение больше не осуществляется, но его еще не заменили интересы, создаваемые частной собственностью. *Частный собственник*, естественно, не заинтересован в чрезмерном росте заработной платы своих работников. Он постоянно ощущает, что каждый форинт он платит служащему из собственного кармана, и каждый дополнительный форинт может быть выплачен, только если это отвечает интересам самого собственника (в терминах микроэкономики: если предельная

производительность рабочего не меньше его заработной платы). Этот вид автоматической заинтересованности не возникает на предприятиях, находящихся в общественной собственности, так как здесь руководитель распоряжается не своими собственными деньгами, не деньгами, принадлежащими частному собственнику, которому он подчиняется, а государственными. Руководитель ищет популярности среди рабочих, и самый легкий способ добиться популярности — побольше им платить. Любая конфликтная ситуация внутри предприятия легко разрешается, если объявить о повышении зарплаты.

В ходе реформ по либерализации экономики предприятие, находящееся в общественной собственности, оказывается как бы на ничейной территории: это и не командная экономика, где дисциплина оплаты труда обеспечивается административными мерами, и не подлинная рыночная экономика, где эту дисциплину стимулирует частная собственность. В результате во всех странах, проводящих реформы, развивается инфляция заработной платы. Это явление наблюдается в Китае, Советском Союзе, Польше, как, впрочем, и в Венгрии, на что недвусмысленно указывают факты.

Самоуправление трудящихся может только еще больше ослабить дисциплину оплаты труда. Рассмотрим ситуацию, когда начальника избирают его подчиненные. Как он может выступать против них? Может ли он принимать такую непопулярную меру, как замораживание заработной платы? Фактически введенные недавно элементы самоуправления в Венгрии привели к ослаблению дисциплины оплаты труда. Это явление наиболее ярко проявилось в Югославии, где самоуправление трудящихся десятилетиями было основой, официально признанной формой собственности и где инфляция приобрела устрашающие размеры.

Второе возражение против самоуправления носит *политический* характер. Ряд оппозиционных сил настояли на этом, и парламент недавно принял решение о выводе первичных парторганизаций с предприятий. Но если бы в нынешних условиях на венгерских предприятиях возникло бы подлинное самоуправление, то выборы руководителей и советов предприятий превратились бы в арену партийной борьбы. Различные партии или партийные коалиции представляли бы своих собственных кандидатов и проводили бы выборные кампании в их поддержку. Каждый руководитель, избранный большинством, столкнулся бы с оппозицией меньшинства. В Югославии, где все еще существует однопартийная система, эта проблема пока не возникает, так как здесь в любом случае отсутствуют подлинные выборы. Коммунистическая партия и подчиненные ей профсоюзы широко применяют различные

способы воздействия на трудящихся в ходе выборов. Но если мы предусматриваем подлинную многопартийную систему в Венгрии, то мы можем ожидать, что свободные выборы руководителей предприятий вызовут партийное соперничество.

Между прочим, принцип "прямой" демократии защищает в основном теми, кто хочет подменить ею подлинную политическую демократию, вернее, одну из ее самых важных составляющих — выбор между партиями. Те, кто предлагают самоуправление трудящихся взамен парламентской демократии, рано или поздно должны будут убедиться, что это неподходящая замена. Те же, кто выступает за самоуправление трудящихся из чисто тактических соображений, за неимением лучшего при отсутствии подлинного плюрализма, пусть утешатся, что скоро мы не будем нуждаться в таких суррогатах демократии.

РЕЗЮМЕ: ДВОЙСТВЕННАЯ ЭКОНОМИКА

По моему мнению, в ближайшие два десятилетия мы будем иметь дело с двойственной экономикой, возникшей в Венгрии за прошедшие 10 — 20 лет, и с ее двумя составными частями — государственным и частным секторами.

Доля государственного сектора будет уменьшаться только постепенно. Нам следует прилагать все усилия к тому, чтобы сделать его более эффективным, но особых надежд питать на этот счет не стоит. Нет такого чудодейственного лекарства, чтобы сразу превратить государственный сектор в сферу подлинного предпринимательства. Хотим мы этого или нет, но он сохранит множество негативных черт. Поэтому нам нужно стремиться к тому, чтобы свести к минимуму эти негативные черты с помощью строгой финансовой дисциплины и парламентского надзора и предотвращать перекачивание дополнительных ресурсов от частного сектора государственному.

Следует создавать благоприятные условия для развития частного сектора, убрать все бюрократические рогаки на его пути. Для этого необходимы соответствующие финансовые и денежные инструменты. Вместе с тем нужно трезво сознавать, что такое развитие будет постепенным и длительным. Пропорции между частным и государственным секторами будут постоянно (и будем надеяться, что достаточно быстро) изменяться в пользу первого, но все-таки предстоит длительный период их сосуществования. Этот симбиоз с его всевозможными конфликтами и трениями будет неизбежным в течение довольно долгого срока.

2.

СТАБИЛИЗАЦИОННАЯ ХИРУРГИЯ

В последующем изложении предполагается образование нового правительства в результате свободных выборов, пользующегося доверием парламента и, следовательно, большинства избирателей. В задачу этой книги не входит ни анализ политических условий, необходимых для этого чрезвычайно важного события, ни рассмотрение его перспектив. Взаимоотношению экономики и политики будет посвящена последняя глава. Здесь я хочу обсудить программу стабилизации экономики, которую следует осуществить новому правительству.

Как уже было показано, реализация некоторых неотложных задач не должна быть длительным процессом, здесь нельзя идти мелкими шажками. Наоборот, эти меры должны быть осуществлены *одним ударом*, конечно, не в буквальном смысле этого слова. Речь идет не о том, что все необходимые правила без исключений должны вступить в силу в один и тот же день. Изложенная ниже последовательность реализации мер отражает мою точку зрения и поэтому не может рассматриваться как бесспорная.

Вероятнее всего, составление этого пакета мер можно завершить в течение года после начала работы нового правительства. "Хирургическая" операция должна начинаться с установленной даты и в основном происходить в течение года. Определенные предсказуемые элементы операции должны стать заранее известны общественности, все остальные выявятся только в ходе самой операции. Следует

проинформировать общественность обо всех ожидаемых "последовательных" мерах как до, так и во время "хирургической" операции.

Очевидно, что ход операции, а также ее ключевые политические и экономические элементы следует согласовать при образовании правительства. В совокупности эти элементы могли бы составить один из краеугольных камней экономической программы нового правительства. Правительственному аппарату можно дать, скажем, год для разработки деталей¹. Естественно, эта книга не может охватить всего того, что потребует работы многих экспертов в течение нескольких месяцев. Моя цель скромнее: я хочу сформулировать как можно яснее несколько ключевых принципов.

Программа стабилизации должна включать сотни конкретных вопросов. Настоящее исследование следует рассматривать как первое краткое изложение такой программы. Она далека от того, чтобы быть всеобъемлющей, даже некоторые ключевые вопросы остались за ее пределами.

Все излагаемые ниже принципы отнюдь не бесспорны, но я уверен, что ни от одного из них нельзя уйти. Вполне вероятно, что некоторые политические ораторы в своих выступлениях во время предвыборной кампании попытаются затемнить эти проблемы. Не мое дело давать советы той или иной партии, как привлечь наибольшее число избирателей. Не хочу принимать и чью-либо сторону в этических и политических вопросах, касающихся того, с какими выводами политическая партия может

¹ При любых обстоятельствах было бы необходимо привлечь отечественных и иностранных экспертов для разработки этой грандиозной программы, в том числе людей, не связанных с правительственным аппаратом. Позвольте мне коснуться только одной проблемы в данном контексте. Нигде в мире мы не сможем найти правительство, которое бы прислушивалось ко всем экспертам различных политических и идеологических групп перед принятием решения. Когда в Великобритании власть была в руках лейбористского правительства, оно никогда не спрашивало мнения экономистов-консерваторов. Когда к власти пришла Маргарет Тэтчер, она в свою очередь не стала прибегать к услугам советников-лейбористов. Экономисты, стоящие слева, стали советниками теневых кабинетов оппозиционных партий. Короче говоря, с самого начала должно существовать взаимное доверие между правительством и привлеченными им экспертами. Другими словами, они должны быть единодушны по крайней мере в фундаментальных политических и идеологических вопросах. Отсюда следует, что будущее правительство Венгрии должно выбирать своих советников среди тех венгерских и иностранных экономистов, кто всей душой поддерживает основные принципы его программы. Что касается иностранных советников, я считаю недостаточным знакомиться с мнением только тех, кто имеет дело с Венгрией как официальные лица (например, представители международных валютных организаций). Я твердо убежден, что многие из лучших экономистов всего мира будут рады помочь Венгрии советами каждый по своей части. Одни из них поддержат будущее правительство Венгрии, тогда как другие встанут на сторону различных оппозиционных групп.

выступить перед избирателями заранее, а какие должна оставить для последующих дискуссий. Например, я не стал бы предлагать один список вопросов для обсуждения на переговорах по созданию коалиционного правительства и другой в ходе дискуссий внутри нового кабинета. В настоящей книге я попытался ответить на следующий вопрос: каковы задачи нового правительства?

Уверен, что не все согласятся с этой позицией. Конечно, я не могу предугадать замечания моих критиков. Тем не менее мне хотелось бы, чтобы мы на время отложили второстепенные вопросы. Позднее решением этих второстепенных вопросов займутся большие группы экспертов. В политических и экономических дискуссиях следует обсуждать действительно основополагающие проблемы.

Операция содержит несколько компонентов. Сначала я проанализирую эти компоненты поодиночке, а затем покажу необходимость их *одновременного* осуществления.

ОСТАНОВИТЬ ИНФЛЯЦИЮ

Операция прежде всего и больше всего обусловлена пониманием того, что инфляция представляет собой серьезнейшую проблему. Это очевидно далеко не для всех. Немало правительственных чиновников и экономистов недооценивают эту проблему, полагая, что инфляция находится в "надежных руках". На их взгляд, инфляция судьбой заказана для Венгрии, а значит, должна восприниматься как неизбежный факт.

Очень подозрительно, что ни оппозиционные партии, ни правящая партия не дали твердых обещаний ограничить инфляцию, если они придут к власти после выборов.

Вот цитата из выступления министра финансов Ласло Бекеша: "К сожалению, невозможно покончить с инфляцией в ближайшем будущем. С одной стороны, это наследство прежней волюнтаристской экономической политики и, таким образом, свидетельствует о существующих дисбалансах и низкой эффективности. С другой стороны, инфляция — не что иное, как естественная лихорадка, сопровождающая перестройку"¹. Я не могу согласиться с этим заявлением. Инфляция существует потому, что нынешний министр финансов и его предшественники действовали в духе: "Да здравствует инфляция!". Инфляцию можно остановить *только в том случае*, если нынешний министр финансов или его преемники перейдут к политике: "Долой инфляцию!". Инфляция — это не стихийное

1 Интервью у Л.Бекеша брал И.Визель (1989. С. 19).

бедствие: она создается правительствами или стоящими за ними политическими силами, и только они могут положить ей конец¹.

Это утверждение, само по себе справедливое, не должно вести к экстремистскому и, очевидно, ошибочному выводу, что администрация — единственный виновник инфляции и только она может остановить инфляционный процесс. Это игра со множеством игроков: инфляция находится в руках всех тех, кто участвует в организации финансовых процессов или в определении цен и заработной платы. В конечном итоге граждане волей-неволей становятся суфлерами в инфляционном спектакле, так как они должны учитывать возможный рост цен, строя свои планы на будущее. Эти инфляционные ожидания неизбежно возникают при инфляционном процессе, и, к сожалению, они не миновали и Венгрию. После определенной точки эти *ожидания* становятся *самовозрастающими*². Если работники ожидают, что инфляция возрастет на 20 %, они будут активно бороться за то, чтобы получить прибавку к зарплате не менее чем в 20%. Производители товаров и услуг нацелятся на 20-процентное повышение цен. Но нужно все-таки провести грань между "звездами" и теми, кто играет второстепенные роли в характерной драме. В любой системе главный герой драмы инфляции — правительство, точнее — финансовые органы. Это в особенности относится к централизованно планируемой социалистической экономике, где влияние правительства на цены и заработную плату, кредитную систему, инвестиции и другие экономические процессы несравненно сильнее, чем в капиталистических странах.

В конечном счете именно правительство контролирует эмиссию и выпускает дополнительные деньги в основном из-за того, что хочет покрыть разрыв между правительственными расходами и доходами. Более того, в стране с обширным государственным сектором правительство прибегает к помощи печатного станка, чтобы держать на плаву убыточные

¹ Следующая цитата взята из комментария, который я написал в ходе дискуссии о ценах производителей в 1986 г.: "Представленные документы рассматривают инфляцию как своего рода спонтанный процесс, который должен быть приостановлен проведением антиинфляционной политики. Я убежден, что это неправильный подход. И в капиталистических, и в социалистических странах печатание денег целиком находится в руках финансовых и ценовых органов. Инфляция процветает там, где правительство создает ее, а в Венгрии инфляционный процесс возник потому, что правительство проводит инфляционную политику. Пока венгерское правительство не изменит свою политику, инфляция не исчезнет" (Я.Корнаи, 1989).

² Глубокий анализ инфляционных ожиданий и других составляющих инфляции приводится в статье Ф.Виши (1989). Из других венгерских работ по инфляции я бы отметил статьи К.Чоора и П.Мохачи (1985), З.М.Петшнига (1986) и Т.Эрдеша (1989).

предприятия и периодически выплачивать заработную плату. Именно поэтому основная ответственность за инфляцию лежит на правительстве.

Ничего не меняет и то, что известные экономисты — многие из них сторонники реформ — рекомендовали правительству без всякого опасения проводить инфляционную политику. Эти советы оказались ошибочными, а каждое правительство само отвечает за выбор собственных советников и вдохновителей своей политики.

Хотя очень часто можно слышать, что инфляция охватила также и множество других стран, это не оправдывает инфляцию в Венгрии. В конце концов обвиняемый в суде не может в свое оправдание сослаться на тот факт, что преступление, в котором его обвиняют, совершалось десятками других людей.

Я твердо убежден, что уровень инфляции в сегодняшней Венгрии значительно выше указываемого в официальной статистике. Официальные подсчеты не учитывают существенного удельного веса цен в частном секторе, и особенно в теневой экономике, где их рост значительно выше, чем в государственном секторе. Мы не должны забывать, что товары и услуги, производимые в частном секторе, составляют большую и все увеличивающуюся долю в общем объеме потребления. Сведения об инфляции содержат и другие искажения. К сожалению, до сих пор никто не создал и не профинансировал исследовательскую группу, в задачу которой входил бы расчет инфляции *независимо* от Центрального статистического управления, являющегося правительственным органом. Я бы хотел, чтобы эта группа опиралась на объективно обоснованные экономические и статистические критерии и в то же время прислушивалась к мнению миллионов "мирян": инфляция растет быстрее, чем утверждают официальные отчеты.

Однако оставим в стороне проблемы расчетов, а вместо этого предположим, что текущая годовая норма инфляции действительно составляет около 15 — 20 %. Я все же считаю это серьезной проблемой по крайней мере по двум причинам.

1. Инфляция безжалостно обрушивается на население. Она постоянно вызывает его беспокойство. Люди видят, что их сбережения тают на глазах.

В эти дни мы часто слышим призывы к *перераспределительным* мерам. Но при инфляции происходит своего рода постоянное перераспределение, затрагивающее преимущественно очень бедных людей с твердыми окладами и пенсионеров. Вдовы и старики видят, как их пенсии всего за несколько лет просто испарились. Покупательная сила пособий на детей и помощи молодым семьям постоянно падает. В перетягивании каната

между ценами и номинальной зарплатой проигрывают те, кто не имеет весомой поддержки и не обладает политическим влиянием, чтобы получить прибавку к зарплате и тем самым угнаться за повышением цен, кто не идет на снижение темпа работы, на открытые или скрытые угрозы забастовками.

Я прочитал много работ и выслушал много политических выступлений о том, как социальная политика может помочь бедным. Позже я вернусь к этим предложениям, а здесь хотел бы высказать свое изумление по поводу того, что большинство полностью уходит от вопроса об инфляции. Я полагаю, что все те, кто в сегодняшней Венгрии выступает с политической программой или мнением по проблемам народного благосостояния, должны обязательно начать с заявления о своем отношении к инфляции. Смирятся ли они с ее продолжением сразу, без всяких хлопот? И, что еще более важно: предлагают ли они меры, которые могут подстегнуть инфляцию?

2. Инфляция противоречит главным целям экономических преобразований, ибо делает невозможными рациональные экономические расчеты. Цены перестают выполнять свою сигнальную функцию, так как эффект относительных сдвигов цен затемняется всеобщим подъемом уровня цен. Если продукты А и Б взаимозаменяемы и при данной предельной норме замещения А баснословно дешевле в сравнении с Б, тогда простая экономическая логика подскажет, что необходимо повысить цену А. При этом подразумевается, что цена продукта Б остается неизменной. Однако если увеличение цены продукта А сопровождается инфляционным ростом цены продукта Б, то относительное изменение цен не имеет никакого значения.

В рыночной экономике высокоэффективное производство приносит производителю прибыль. В противоположность этому низкая эффективность производства ведет к убыткам, а терпящий убытки производитель рано или поздно будет неизбежно выброшен с рынка. Таким и только таким путем рыночная экономика воздействует на эффективность производства. Хотя и в подлинной рыночной экономике этот отбор не реализуется со 100-процентной точностью, однако статистическая вероятность его реализации достаточно высока. Но в условиях инфляции такой отбор становится невозможным, так как "оправдываются" и эффективные, и неэффективные производства. Даже при чрезвычайно плохой работе производитель сможет рано или поздно покрыть свои издержки путем повышения цен. Те предприятия, которые хотят повысить цены, никогда не признают, что плохо работают — всегда можно сослаться на растущие издержки. Бюджетное финансирование предприятия не может быть ужесточено: инфляция смягчает эти ограничения даже в частном

секторе. Представим себе частного торговца в Венгрии, который выполняет свою работу не лучше государственного предприятия, что вызывает недовольство клиентов. Однако он все равно может установить высокие цены. В этом случае мы не должны обвинять торговца в жадности и мошенничестве. Экономическая система не может делать ставку на святых, во всем себя ограничивающих. Проблема здесь состоит в том, что инфляционный процесс создает деньги в таких количествах, что венгерский потребитель способен заплатить за некачественные услуги этих частных торговцев любую сумму, которую они запросят.

Это замечание еще в большей степени относится к государственному сектору в сегодняшней Венгрии. Фактически мы можем наблюдать танцы в своеобразной постановке. Их участники: Служба контроля за ценами, устанавливающая твердые цены; государственное предприятие-производитель, определяющее цены тех продуктов, которые могут продаваться по свободным ценам; коммерческий банк, выдающий деньги; национальный банк, запускающий деньги в обращение, обязанность которого — регулирование размещения денег; Министерство финансов, отвечающее за состояние бюджета, чьи расходы постоянно превышают доходы. Шестым, последним и в сущности самым важным участником является правительство, за которым стоят определенные политические силы. Каждый танцор показывает пальцем на другого и использует любую возможность во время "инфляционного" танца, чтобы предать анафеме остальных за такую же роль. Но полно! Это же органы одного и того же государства! Будучи тесно связаны друг с другом, все вместе они составляют то, что в гл. 2 было названо правительственным сектором.

До тех пор, пока бюрократическая государственная собственность остается преобладающей, невозможно установить жесткие бюджетные ограничения для государственных предприятий. Этот факт можно свести преимущественно к социологическим причинам, т.е. к тем гарантиям, которые государство вольно или невольно должно брать на себя, чтобы обеспечить нормальную работу предприятий.

Оно практически не способно решиться на ликвидацию рабочих мест в массовом порядке (мы вернемся к этому позднее). К социологическим факторам добавляются результаты инфляции. И без того мягкое бюджетное ограничение еще больше "смягчается" инфляцией. В этих условиях невозможно определить, хорошо или плохо работает государственное предприятие, а также вскрыть причины роста издержек. Анализ издержек пролил бы свет на эффективность только в том случае, если бы увеличилась цена лишь некоторых производственных факторов, но не всех. Соответственно должны повышаться не все, а

только некоторые цены продаж. Но если рост издержек цен принял всеобщий характер, то оценка деятельности государственного предприятия становится в сущности невозможной.

Посмотрим, что происходит во всем мире! Чем больше привержен рынку политик или экономист, тем сильнее он выступает против инфляции. И наоборот, чем больше он ратует за государственное регулирование, тем меньше обращает внимание на инфляцию.

Таким образом, одной из основных задач "хирургической" операции является приостановка инфляционного процесса. Макропредложение и макроспрос должны быть сбалансированы. Собственно говоря, суть операции чрезвычайно проста. Макропредложению определенного размера противостоит определенный макроспрос. В целом мы разрешаем свободную игру цен. В этой ситуации при определенном уровне цен будет достигнуто равновесие. Рассмотрим три переменные этого соотношения более подробно.

1. Заранее невозможно оценить ожидаемое *макропредложение* более или менее точно. В процессе корректировки договоров может сократиться объем производства в одних отраслях и увеличиться в других. В ряде отраслей, на ряде предприятий, в некоторых регионах ощущается дефицит трудовых ресурсов. Они могут поглотить избыток трудовых ресурсов, образовавшийся в других отраслях, регионах, на предприятиях. Процесс изменения договоров дает возможность перераспределить трудовые и материальные ресурсы. Но главное в следующем. Чем лучше соблюдаются требования, перечисленные в гл. I, тем выше шансы частного сектора на процветание. Ни одна из мер по стабилизации не должна отрицательно повлиять на готовность частного сектора к производству. В свете того, что было сказано выше, мы можем исходить из предположения о том, что на макроуровне, т.е. на уровне народного хозяйства, *предложение останется неизменным* один-два года после начала операции.

2. *Макроспрос* может остаться таким же, как в начале операции. Он может несколько возрасти в течение короткого переходного периода. Но вскоре после начала операции придется взять его под строгий контроль. Фундаментальной частью операции является жесткое ограничение макроспроса и его главных составных частей. Ниже мы более детально рассмотрим этот вопрос.

3. Если объем макропредложения, противостоящий данному макроспросу, известен, то возникает вопрос: каков будет средний макроуровень цен, при котором предложение и спрос уравниваются? Я боюсь, что никто определенно не может

ответить на этот вопрос. Нельзя точно рассчитать общий эффект спирали роста цен и издержек¹. Комплекс предлагаемых мною мер не имеет никакого сходства с теми, которые периодически осуществлялись в Советском Союзе, а один или два раза в социалистических странах Восточной Европы. Эти меры сводились к расчетам взаимного влияния цен и издержек одновременно. В нашем случае нет необходимости предварительно устанавливать миллионы цен в органах ценообразования, так как цены будут свободно определяться на рынке.

По всей вероятности, в конечном счете операция вызовет значительный рост среднего уровня цен в сравнении с текущим уровнем. Однако можно с уверенностью сказать, что это развитие окажется необратимым благодаря тому, что правительство будет с самого начала проводить твердую антиинфляционную политику. Рост цен, сопровождающий операцию, не обязательно приведет к инфляции. Даже если повышение уровня цен превысит среднюю норму инфляции, какой она была в годы перед операцией, это все же не приведет к ускорению инфляции в будущем. Нам нужно ясно понять, что инфляция — динамический процесс: это не что иное, как спираль роста цен, зарплаты и других элементов издержек производства. Возможность ограничить инфляцию появится в том случае, если мы разрушим эту спираль и покончим с воспроизводством избыточного макроспроса.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ БЮДЖЕТНОГО РАВНОВЕСИЯ

Здесь снова преобладает фаталистический подход: чувство неспособности действовать и ощущение того, что финансовое равновесие недостижимо.

В этом контексте часто ссылаются на очень разные зарубежные примеры. Одним из них является серьезный и устойчивый бюджетный дефицит в Соединенных Штатах: если американцы не могут справиться с этой проблемой, то куда уж нам, венграм... Считаю такой ход мыслей нелогичным. Ситуация в Соединенных Штатах радикально отличается от венгерской: условия бюджета США не имеют никакого сходства с условиями венгерского бюджета. Но, говоря об американцах, позвольте заметить: почти все экономические и политические группы в США видят в бюджетном дефиците серьезную болезнь. Однако когда дело доходит до поисков лекарства, высказываются различные мнения как среди общественности, так и в Конгресс-

¹ В то же время мы должны делать все от нас зависящее, чтобы предсказать те процессы, которые можно ожидать в период операции и после нее, используя современные научные средства. Здесь могут быть использованы современные макроэкономические модели.

се, который представляет американское население. Одни склоняются к тому, чтобы поднять налоги, тогда как другие категорически отвергают этот выбор, предпочитая переносить негативные последствия дефицита.

Бюджетный дефицит вызывает серьезное беспокойство не только в США, но и в ряде других капиталистических стран. Но стоит отметить и то, что многие капиталистические страны научились управлять экономическими процессами, избежав дефицита бюджета.

На Западе целесообразность сбалансированного бюджета и возможность восстановления равновесия в случае дефицита — главное яблоко раздора для экономистов. Ясно, что в задачу настоящего исследования не входит обсуждение различных подходов к бюджетной политике в современных капиталистических странах¹. Ограничимся отрицательной констатацией: история капитализма не подтверждает вывода о *невозможности* сохранения бюджетного равновесия, не подтверждает она и мысль о том, что сбалансированный бюджет представляет собой неприемлемую и недостижимую цель. Хватит показывать пальцем на современный капитализм — лучше обратиться к своему собственному положению.

Я полагаю, что в ходе стабилизационной операции бюджетное равновесие должно быть полностью восстановлено с помощью самых решительных мер. Нельзя упускать возможность сбалансировать расходы и доходы после стольких лет существования бюджетного дефицита.

К сокращению общественных расходов постоянно призывают в дискуссиях и политических заявлениях, обсуждая дефицит бюджета. Я полностью согласен с призывами к урезанию расходов, но я не хочу на этом останавливаться при анализе стоящих перед нами задач. Решительное сокращение определенных видов расходов (например, ограничение субсидий) — это часть предлагаемой операции. Если мы примем только это сокращение, мы все равно столкнемся с определенными расходами бюджета, необходимыми для содержания государственной администрации и вооруженных сил, выплаты внешнего долга правительства и государственного сектора, финансирования затрат на экономические и социальные нужды. Суть моего предложения проста: ежегодная сумма доходов, получаемых за счет налогов, должна быть достаточной, чтобы покрыть известные ежегодные расходы. При подготовке к операции мы не должны поддерживать сомнительные надежды на большие, чем ожидается, сокращения расходов.

¹ Были периоды, когда дефицит создавался специально, чтобы вызвать экономический подъем путем искусственного создания избыточного спроса. На это была нацелена кейнсианская экономическая политика. Успех был сомнительный.

Конечно, такой подход поможет политическому деятелю завоевать популярность, так как люди в общей массе приветствуют тех, кто выступает за сокращение государственных расходов. Однако нельзя решить проблему, соревнуясь в популярности. План операции должен точно определять размер доходов, необходимых для покрытия расходов. Было бы желательно, чтобы размер доходов слегка превышал необходимую величину.

Все это требует радикального пересмотра налоговой системы. Сегодня венгерская налоговая система не что иное, как ужасное варево из патерналистского перераспределения социалистической экономики, финансовой импотенции бедной страны третьего мира и утонченной прогрессивной налоговой системы скандинавского государства всеобщего благоденствия. О фальшивых подделках под современный капитализм уже упоминалось в предыдущей главе в связи с обсуждением современного западного рынка капиталов. Говоря о нынешней системе налогообложения в Венгрии, я мог бы повторить тот же мотив. Те, кто разработал новые венгерские правила налогообложения и умудрился "продать" их правительству, большинству депутатов парламента и части общественности, исходили из предположения, что Венгрия — это маленькая Швеция. В Будапеште горько шутят, что у нас теперь венгерские заработки минус шведские налоги. К сожалению, многие некомпетентные и поверхностные западные обозреватели также приняли все за чистую монету: они увидели в новой венгерской системе признаки "вестернизации" этой страны.

Я бы хотел, чтобы когда мы начнем обсуждать проект новой налоговой системы как органической части стабилизационной операции, мы бы прежде всего смели со стола существующую систему, если не в реальной жизни, то по крайней мере в нашем воображении. Давайте вернемся к прежней системе и подчеркнем принципы, которые должны составлять основу новой налоговой системы¹.

1. При определении форм налогообложения следует отдавать предпочтение технически простейшим формам. Этот пункт хотя и кажется технократическим, в действительности предполагает серьезные этические и политические нормы поведения.

Мы имеем дело с Венгрией, а не со Скандинавией. В прошлом чем громче официальная пропаганда твердила, что госу-

¹ В исследовании не затрагивается вопрос о том, как эти предложения, если они будут приняты, перевести на язык налоговых законов. Модифицировать ли существующие законы о налогах или сделать из этого *tabula rasa* и заменить старые законы новыми — это в основном юридический вопрос. В целях *концептуализации* целесообразно исходить из *tabula rasa*. Желаящие получить более общие представления об основных принципах налогообложения могли бы взглянуть, например, в книги Р.А. и П.Г. Масгрейв (1980) и Дж.Штиглица (1986).

дарство принадлежит народу, тем меньше людей этому верило. Не будем отрицать: люди, как правило, считают не постыдным, а скорее похвальным обманывать государство, присваивать его богатство или уклоняться от своих обязанностей. Тех же, кто не делает этого, называют простофилями. Подростки хвастаются тем, что смощенничали, не заплатив за проезд на общественном транспорте. Безбилетный проезд в Венгрии стал типичным явлением даже среди взрослых. Было бы глупо ожидать, что это поведение изменится за одну ночь, как бы велики ни были происходящие политические перемены.

В частности, нельзя ожидать немедленных перемен после того, как избранники народа возьмут в свои руки контроль над государственной казной. Никто не может предсказать, сколько времени займет этот поворот в общественном поведении. Единственное, что мы можем предположить, — это то, что его не будет в ближайшие два-три года (которые и составляют временной горизонт настоящего исследования).

Соответственно при рассмотрении доходов бюджета мы должны быть готовы к тому, что значительная часть граждан постараются уклониться от выплаты налогов, занижать свои доходы. Точно так же поступают и на Западе, хотя поведение людей может варьироваться в зависимости от страны.

По-видимому, данная проблема более актуальна для южной части Европы, чем северной, хотя и в Скандинавии "налоговая мораль" также падает. В Венгрии действует дополнительный фактор: значительную часть частного сектора все еще составляет теневая экономика, и пройдет немало времени, прежде чем она добровольно выйдет из тени на свет. В гл. 1 подробно перечислены меры, необходимые для этого.

Какое значение в этих условиях имеет ставка налоговой системы на добровольную уплату налогов?

Первый возможный ответ: правительство строит воздушные замки. Оно обманывает себя, подсчитывая доходы, большую часть которых оно будет не в состоянии получить. Второй ответ: правительство разумно учитывает возможность того, что граждане попытаются смощенничать. Такой подход небезоснователен, но нечестен. Это означает, что депутат парламента, принимающий законы о налогах, чиновник, исполняющий эти законы, и сам мошенник обмениваются многозначительными взглядами: "Мы прекрасно знаем, что все эти простофили заплатят свои налоги, а мы даже не собираемся взимать налоги с тех, кто хочет уклониться от них!".

Наконец, третья возможность: вместо того, чтобы обмениваться многозначительными взглядами, принимается твердое решение о взыскании подоходных налогов. Но что может сде-

лать государство в стране с очень низким уровнем налоговой морали? Только то, что налоговые инспекции, хотя и непоследовательно, пытаются сделать сейчас: шпионить за налогоплательщиками, изучать источники доходов и структуру расходов. Это поощряет людей сообщать в полицию обо всех процветающих соседях, которых можно подозревать в разных махинациях при уплате налогов. Пределом всего стала бы оруэлловская система: в каждой семье должен быть налоговый инспектор, который бы постоянно проверял дневные доходы и расходы семьи. В этом случае действительно стоит выплачивать и обещанные инспекторам деньги с каждой головы, и, конечно, вознаграждения за каждого схваченного за шиворот гражданина.

Одна только возможность такого исхода достаточна, чтобы привести в ужас любого, кто выступает за индивидуальную свободу, за возможность распоряжаться деньгами по своему усмотрению, за полное уважение к правам личности¹.

Таким образом, первое необходимое условие оказывается гораздо более чем просто техническим. Не пытаясь поучать все налоговые инспекции в мире, хотел бы только сказать, что Венгрия сегодня нуждается в такой налоговой системе, которая была бы способна избежать указанных выше альтернатив. Эта система не должна проверять граждан на лояльность или же

---

¹ Здесь я снова слышу ссылки на практику Запада. Но на Западе развитие парламентской демократии, которое в конце концов привело к установлению доверия в отношениях между гражданами и государством, заняло десятки или даже сотни лет. Вмешательство налоговых инспекций в частную жизнь граждан там ограничено законом, а гражданин может обратиться с жалобой на них в суд. Все же и при этих условиях налоговая инспекция часто злоупотребляет своей властью. Хорошо известно, как жестоко поступили с прославленным режиссером Ингмаром Бергманом, который был увезен с кинофестиваля, чтобы немедленно предстать перед судом по обвинению в налоговом мошенничестве. Это случилось в Швеции — стране, часто приводимой в качестве примера. Бергман был подавлен этими событиями; он эмигрировал и проработал долгие годы в добровольной ссылке, хотя и не порывал связей со своей родиной. Много лет спустя он был реабилитирован, но ущерб, нанесенный Бергману, а в результате и человеческой культуре вообще неразборчивой в средствах налоговой бюрократией, невосполним. В задачу этой работы не входит оценка налоговой системы в Швеции или любой другой западной парламентской демократии. Однако бесспорно, что вероятность подобных случаев в сегодняшней Венгрии значительно выше при последовательном проведении в жизнь системы взимания подоходного налога путем заполнения налоговых деклараций. И здесь возникает важнейшая моральная дилемма — какой грех больше: наказать 100 человек, даже если среди 99 виновных окажется всего один невиновный, или позволить уйти от наказания 99, только чтобы единственный невиновный человек не пострадал? Лично я твердый сторонник последнего решения.

позволять законодателям и чиновникам совать свой нос в частную жизнь людей. В то же время эта система должна быть достаточно эффективной, чтобы изымать в пользу государства необходимые средства. Налоговые категории должны быть как можно более *обезличенными*. Если все пойдет хорошо, демократия будет укрепляться, большинство венгерских граждан снова поверят в государство, будут обеспечены все необходимые условия для функционирования на законных основаниях частного сектора — только тогда мы сможем перейти к порядку уплаты подоходного налога по декларации о доходах.

2. Налоговая система должна быть как можно более *нейтральной*. Помимо обоснованных исключений, государство не должно поощрять или наказывать граждан через систему налогов. Если центральные или местные законодательные власти решат выделить субсидии для малоимущих, а также на культурные или другие социальные нужды, они должны сделать это открыто¹. Для этой цели должны существовать специальные статьи в расходной части вместо сокращения налогов в доходной части. Не хотелось бы обсуждать такие вопросы, как, например, бесплатное обеспечение каждого школьника учебниками. Парламент сам имеет право решать эти вопросы, конечно, учитывая при этом, что выделение необходимых средств будет означать сокращение расходов на другие нужды или изыскание дополнительных средств. Если депутаты проголосуют за бесплатное предоставление учебников, то связанные с этим расходы должны быть указаны в расходной части бюджета в специальной статье "Расходы на образование" и в расшифровке статьи "Субсидии на развитие культуры". Рассматриваемые суммы ни в коем случае не должны формироваться путем сокращения ставок налога для издателей учебников или ведомств, распределяющих эти учебники.

Отсюда следует вывод, что независимо от вида налога (потребительский, налог с количества нанятых работников и т.д.) ставка налога должна быть обязательно единой. Мы должны положить конец требованиям произвольного освобождения от налогов определенных продуктов, услуг, деятельности или социальных групп. Мы нуждаемся в государственном финансировании социальной политики, здравоохранения и развития культуры, но деньги для этого нельзя получить путем манипуляции ставками налогов. Будущая

¹ Те или иные формы финансовой помощи нуждающимся в западной литературе получили название "отрицательного подоходного налога" (negative income tax). Вышеизложенное не противоречит тому, чтобы вводить "отрицательные подоходные налоги", так как эта форма помощи не означает ни награды, ни наказания. Другими словами, она не служит "стимулом".

политическая власть должна твердо заявить, что она не будет поддаваться никакому давлению или угрозам со стороны отдельных групп и что она не отступит от принципа единых налоговых ставок.

Кстати, это принцип первостепенной важности также и с точки зрения рыночной экономики. Не будет настоящего рынка без настоящих цен. Произвольные налоговые льготы проявятся в системе цен и, таким образом, не дадут нам ясного представления о реальной стоимости каждого продукта. А так как все элементы системы цен взаимосвязаны, то каждая цена состоит из издержек, исчисляемых с помощью тех же цен, и заработной платы. Несомненно, что произвольная дифференциация налогов искажает систему цен. Сторонники рыночной экономики должны, таким образом, настаивать на единых ставках налога, т.е. на возможно более нейтральной налоговой системе.

3. Нет никакой необходимости в прогрессивной налоговой системе. Понимаю, что это требование многих в Венгрии возмутит, так как подавляющее большинство выступает здесь за прогрессивное налогообложение. И все же я чувствую себя обязанным выступить против этого общего течения.

Распределение доходов — преимущественно *этический* вопрос. Вот почему никто не может претендовать на то, чтобы решать, какое распределение доходов является "правильным" по чисто рациональным соображениям. Некоторые люди придают самоудовлетворяющую ценность *равенству* доходов. Такие люди охотно согласятся на более низкий уровень эффективности и меньший национальный доход в обмен на равное распределение продуктов (или по крайней мере на возможно более равное распределение). Как и все другие этические точки зрения, эта также метарациональна, т.е. не выдерживает разумной критики. По этому поводу я могу сказать только одно — мне не по пути с такими "уравнителями". Мне не приносит никакого морального удовлетворения наблюдать, как массу людей тянут к низшему общему знаменателю уровня жизни. Мой подход в том, чтобы рассматривать помощь бедным, страдающим, нуждающимся и нетрудоспособным вне зависимости от того, должны ли наиболее преуспевающие люди поступиться частью своих заработков или имущества.

"Равенство" — комплексная моральная ценность, имеющая несколько измерений. Я могу полностью согласиться с рядом ее компонентов. Равенство перед законом, отмена привилегий, основанных на социальной исключительности, цвете кожи, религиозной принадлежности, равное наделение основными правами человека — таковы некоторые принципы равенства, занимающие прочное место в моей системе ценностей. Признание этих ценностей никак не противоречит тому, что я не признаю уравнивание материальных доходов.

В то же время я против реализации принципа *социальной справедливости в распределении*. Конечно, здесь возникает вопрос об определении понятия "социальная справедливость"¹. В соответствии с одной из концепций, под которой я с готовностью подписываюсь, система распределения справедлива лишь в том случае, если она обеспечивает последовательное улучшение положения низших слоев общества в долгосрочном периоде².

Позвольте мне привлечь внимание к нюансам этого понятия, и прежде всего к тому факту, что это *динамическое* понятие. Оно не предусматривает какую-то определенную долю низших слоев общества в общем объеме национального дохода в тот или иной момент времени. Соответственно оно не содержит требования перераспределения, ибо не соизмеряет в поперечном сечении положение бедных с благосостоянием богатых. Это требование имеет временное измерение, так как сравнивает положение бедных сегодня и завтра. Оно призывает к такой системе, где это временное сравнение дает благоприятный результат. Беднякам ведь не на роду написано владеть жалкое существование — они должны почувствовать уверенность в том, что их положение будет неуклонно улучшаться. Конечно, это требование не означает определения равномерного роста благосостояния в математическом смысле. Оно не содержит обещаний, что положение всех бедных будет неуклонно улучшаться от недели к неделе. Но оно обещает ощутимое улучшение финансового положения всех нуждающихся в обозримом будущем, т.е. в пределах одного-двух лет. Общество, не гарантирующее этого, не может считаться справедливым.

Требование социальной справедливости оставляет открытым вопрос о распределении доходов среди остальных членов общества, не принадлежащих к низшим слоям. Здесь тоже существует множество этических аспектов, но мы оставляем их за пределами настоящей книги. Я останавливаюсь здесь только на тех аспектах, которые непосредственно относятся к рассматриваемому предмету. Распределение доходов должно служить *сильнейшим стимулом* к увеличению всего дохода общества, так как это неперемнное условие *неуклонного роста доходов самых бедных*. Улучшение положения бедных с помощью перераспределения носит ограниченный характер. Возьмите кусок хлеба и разделите его поровну среди n -го

1 В основном я согласен с критерием справедливости, сформулированным Ролсом. В тексте настоящего исследования он представлен в упрощенном виде. Для тех, кто детально интересуется этой проблемой, имеется широкий выбор литературы. См. работы Дж.Ролса (1971), Р.Ноцика (1974), А.Шена (1988) и Дж.Киша (1986).

2 Это необходимое, но еще не достаточное условие социальной справедливости.

количества человек: каждый человек получит (1:n)-ю часть куска. Вышеуказанное требование справедливости может быть выполнено только при условии, если кусок хлеба, который нужно разделить, становится все больше и больше. Соответственно требование социальной справедливости неотделимо от требования стимулов роста доходов. Политик или экономист, пренебрегающий этим требованием, — в лучшем случае — горячая голова, а в худшем — демагог. Все это приводит нас к последнему необходимому условию, относящемуся к налоговой системе.

4. Налоговая система не должна *препятствовать* улучшению функционирования экономики и росту капиталовложений. Нельзя облагать прогрессивным налогом тех, кто готов пожертвовать частью своего свободного времени для выполнения сверхурочной или дополнительной работы, нельзя побуждать их к обману государства, скрывая этот факт. Налоговая система не должна наказывать тех, кто вместо того, чтобы хранить свои деньги в чулке, помещает их в банк.

Независимо от того, когда начнется слушание проекта Закона о налогах в парламенте, я бы посоветовал депутатам всегда иметь в виду следующий вопрос: каков будет эффект налогов на производительность, производство и капиталовложения? Если эффект будет отрицательным хотя бы в одном из этих случаев, то лучше совсем не принимать такой закон. Он был бы вредным для будущего развития экономики Венгрии и пагубным с точки зрения благосостояния (см. мои рассуждения о помощи бедным в пункте 3). И, наконец, он не был бы выгодным и строго с фискальной точки зрения. В ряде хорошо известных исследований по фискальной политике используются теоретические модели и эмпирические расчеты, иллюстрирующие важные взаимосвязи между налоговыми ставками и доходами бюджета.

Ошибочной является фискальная политика, облагающая высокими ставками налога стагнирующий или угрожающе инертный национальный доход в надежде пополнить бюджет с помощью таких налогов. Если же, наоборот, Министерство финансов отказывается от излишне высоких ставок налогов, то ему удастся в значительно большей степени увеличивать свои доходы. Тем самым создаются условия для быстрого роста национального дохода, а следовательно, и для получения больших доходов даже при низких ставках налога.

После краткого обзора основных принципов налогообложения перейдем к конкретному анализу налоговых форм, необходимых для внедрения этой системы на практике. В задачу настоящего исследования не входит разработка конкретных формул налогообложения во всех деталях. Я хочу

только пояснить, какие формы налогов, по моему мнению, должны рассматриваться как основные для формирования доходов бюджета в условиях сегодняшней Венгрии.

А. Наиболее важным представляется *линейный налог на потребление*, или точнее — его самая современная форма, определенный вид налога на добавленную стоимость¹. Применение этого налога может в основном опираться на существующую налоговую систему. Но в отличие от нынешней системы единообразный подход должен проводиться в жизнь с железной последовательностью. Все виды потребления без исключения должны облагаться по одной и той же ставке налога².

В. Должен действовать единый линейный (не прогрессивный) налог с количества нанятых работников. Все работодатели, действующие легально, должны платить такой налог с любого вида работков своих служащих.

Я считаю абсолютно вредным вводить прогрессивные налоги на зарабатываемые доходы. На каком основании государство наказывает тех нянечек, учителей, рабочих или служащих, которые хотят пожертвовать своим свободным временем и поработать сверхурочно?

Моя критика направлена здесь не просто на расширение рабочего дня, но и на практику дифференциации налогов в соответствии с качеством проделанной работы. Предположим, что рабочий А получает за свою работу в 3 раза большую зарплату, чем рабочий Б, так как она требует лучших навыков, более ответственна или физически более изнурительна.

После выплаты прогрессивного подоходного налога рабочему А придется платить в 4 раза большую зарплату, чем рабочему Б, только для того, чтобы достичь прежнего соотношения их зарп-

1 При этой форме облагается налогом преимущественно доход, идущий на потребление; остальной доход освобождается от налога. Это косвенно стимулирует накопление и инвестирование. Мысль о том, что подоходный налог ставит тех, кто сберегает, в невыгодное положение, имеет свои корни в работах Джона Стюарта Милля. Та же идея позднее подчеркивалась Ирвингом Фишером (1942). О преимуществах и недостатках налога с потребления и особенно налога на добавленную стоимость см. работу Р.А. Масгрейва и П.Б. Масгрейва (1980).

2 Я бы не возражал против хорошо обдуманных редких исключений (например, обложения алкогольных напитков специальным налогом). Однако парламент, принимая эти исключения, должен полностью отдавать себе отчет в том, что это не что иное, как патерналистское вмешательство. Впрочем, эффективность высоких налогов в борьбе с алкоголизмом спорна. Не вызывает сомнений то, что сверхналоги, как и административные запреты, не могут ограничить алкоголизм. Вместо этого они приводят к сокращению объемов производства в алкогольной промышленности, платящей налоги, и возникновению самогонарения.

лат 3:1. Это совершенно излишняя процедура налогообложения, которая только возлагает дополнительное бремя на персонал налоговых инспекций¹.

С. Необходим единый линейный (не прогрессивный) налог на прибыль. Ставки такого налога должны быть обязательно едиными. Следует применять единые ставки налога на прибыль ко всем в законном порядке зарегистрированным предприятиям вне зависимости от того, государственные они или частные, является ли владелец венгром или иностранцем.

С учетом сказанного в пунктах А и В вряд ли можно одобрить тот факт, что налогом не облагаются доходы, возникающие за пределами "нормально" зарегистрированных предприятий. Это несправедливо, так как вполне возможно, что чрезмерно высокие доходы формируются именно в этой сфере, избегающей налогообложения.

Я считаю, что данная дилемма вполне реальна. Но позвольте мне предложить прагматический подход. Тщательно взвесив проблему, мы должны не просто сваливать все "невидимые" доходы в одну кучу, а провести следующую их классификацию.

1. Граждане, занимающиеся бизнесом или получающие плату за выполнение различных видов работ по совместительству: продажу на рынке фруктов, выращенных на собственном участке, перепечатку на машинке, переводы, уход за детьми и т.д. От этих видов деятельности выигрывает все общество в целом, так как они увеличивают общий объем национального дохода. А теперь попробуем смириться с тем, что этот вид дохода не облагается налогом. То, что я сказал выше о налогообложении доходов, относится к этим видам доходов в значительно большей степени: нельзя приставить инспектора к каждому гражданину, чтобы следить за заработками круглые сутки. Та практическая уступка, на которую мы идем, не облагая эти доходы налогом, служит одновременно стимулом к увеличению предложения такого рода товаров и услуг. Сегодня, когда "формальное" производство находится в состоянии застоя, всем нам принесет пользу, если эти активные люди дадут обществу больше товаров и услуг.

Нам нужно приложить все усилия, чтобы не были введены странные правила, облагающие налогами подарки, премии или денежные пособия. С одной стороны, такие налоги заставили бы тех, кто получает подарки, премии или денежные пособия, в буквальном смысле вымогать сумму взносов, которые на самом деле они не должны платить. С другой стороны,

¹ Это в сущности стало очевидным, когда пришлось провести эту бессмысленную процедуру, прежде чем ввести индивидуальный подоходный налог, поскольку выросли доходы.

те, кто зарабатывают большие суммы денег, могут скрыть столько, сколько захотят. Следовательно, такой налоговый закон послужит просто дальнейшему подрыву авторитета законодательной системы.

2. Мои предложения не означают освобождения от уплаты налога на прибыль крупных частных предприятий. "Серая зона" частного сектора, т.е. те предприятия, чья деятельность строго не преследуется законом, но также и не является полностью легальной, уже широко распространена. Общий дух настоящего исследования нацеливает на то, чтобы частные фирмы и их собственники открыто и без чувства стыда перешли в легальную сферу. То, что мы предлагаем частному предпринимателю, — своего рода "обменная сделка": он приобретает юридическую защиту и законное обеспечение частных контрактов, а взамен должен платить налоги, точно так же как и более легко контролируемые государственные предприятия. Можно предположить, что есть среди них и такие, которые бы предпочли остаться в "серой" или "черной" зоне. Значит, они должны считаться с возможностью наказания по закону, в том числе и за уклонение от уплаты налогов. Более того, они должны также сознавать, что в случае, если их обманут партнеры, будь то государственные или частные предприятия, покупатели или продавцы, закон не сможет защитить их. Скорее всего они потеряют и возможность в случае необходимости возбудить иск против любой официальной организации. Даже клиенты "серой" зоны столкнутся с подобным же риском. Они, например, не смогут на законных основаниях добиваться возмещения убытков в случае нарушения контракта. Чем больших успехов страна достигнет в обеспечении безопасности и авторитета частной собственности, тем более выгодным станет для нелегального частного сектора выход из подполья, а следовательно, и принятие обязательства платить налоги. Это единственный реалистический путь налогообложения частного сектора.

А теперь мне бы снова хотелось вернуться к аргументам против прогрессивного подоходного налога. В существующих в Венгрии условиях бремя подоходного налога фактически ляжет только на плечи тех, чьи доходы могут быть отражены в официальных документах. И среди этих людей в особенно тяжелом положении окажутся те, чей экономический, социальный и политический статус не позволяет им переложить это бремя на других. Люди с фиксированными доходами, чья позиция сильнее, способны *de facto* поднять свои доходы на сумму налога. Наниматель поневоле должен будет выплатить служащему зарплату, за которую тот согласился

работать. Таким образом, служащий просто перекладывает свое налоговое бремя на других. Прогрессивный налог не задевает и тех частных предпринимателей, которые могут переложить налоговое бремя на потребителей путем увеличения цен. И, наконец, меньше всего пострадают те, на кого популистская налоговая пропаганда жаждет возложить наибольшее бремя, — получатели "невидимых" доходов.

Однако вернемся к нашему обзору доходных статей бюджета.

Д. Хотя это и не налог в техническом смысле, я упомяну здесь *таможенные пошлины*. Если таможенные пошлины необходимы, чтобы покрыть расходы бюджета, их величина должна быть установлена с таким расчетом, чтобы как можно меньше исказить уровень цен. Все виды импортных товаров, пересекающих границу, необходимо облагать единой линейной пошлиной. Не буду углубляться в детали и рассматривать, хочет ли Венгрия налагать штрафы или неперференциальные пошлины на отдельные импортные сделки в зависимости от страны происхождения. Здесь рассматриваются статьи дохода бюджета и, таким образом, я обсуждаю только этот аспект, а не условия новой системы цен, о которых пойдет речь ниже. За редким исключением, не должно быть никакой дифференциации таможенных тарифов на различные продукты¹. Таможенные тарифы должны быть единообразными независимо от того, импортируются ли кофе или компьютеры, автомобили или детская одежда.

Возможно, стоило бы установить в разумных пределах освобождаемую от пошлины квоту для туристов, но все, что превышает эту квоту, должно облагаться пошлиной. Вместе с тем все частные лица должны иметь право ввозить любые виды товаров в неограниченных количествах, заплатив единую таможенную пошлину. Например, частным лицам нужно дать разрешение покупать за рубежом в неограниченном количестве компьютеры на твердую валюту, ранее полученную ими на частном рынке валюты, и свободно ввозить их. Заплатил единую пошлину — можешь продавать ввезенные компьютеры по свободным ценам.

Право свободного ввоза товаров — законное право граждан. Другой вопрос, каковы источники иностранной валюты, использованной для импорта. Экономические проблемы, связанные с этим, будут возникать до тех пор, пока граждане не смогут совершать операции с иностранной валютой на частном рынке. В ходе стабилизационной операции необходимо

¹ Поддержка отечественных только что зарождающихся отраслей может потребовать протекционистских тарифов. Мы вернемся к этому вопросу в связи с обсуждением субсидий, выделяемых на развитие производства.

установление реалистичного единого обменного курса и одновременно введение конвертируемости форинта. Конечно, в этом случае неотъемлемым гражданским правом каждого венгерского гражданина станет свободный обмен венгерских форинтов на иностранную валюту в государственном банке.

Хотя мы обсуждаем сейчас операцию по стабилизации, стоит затронуть и другой вопрос, связанный с частным импортом: как же поступать в период до установления реалистичного обменного курса и введения конвертируемости? С моей точки зрения, в этих условиях государственный банк не сможет гарантировать каждому гражданину обмен большого количества иностранной валюты. Для этого потребуются создание соответствующих экономических предпосылок, прежде всего рациональных свободных цен и рационального обменного курса твердой валюты.

А теперь еще несколько общих замечаний по поводу основных принципов, касающихся статей дохода бюджета.

Я не претендую на полноту при перечислении вышеупомянутой группы доходов. Очевидно, существуют и другие источники доходов (например, штрафы)¹. Однако, когда дело дойдет до определения конкретного хода операции, мы должны быть уверены в том, что общая сумма основных источников дохода (налог на потребление, на занятых, на прибыль, таможенные пошлины) покрывает все действительные расходы. Скальпель не должен дрожать в руке хирурга! Ставки налогов должны быть установлены таким образом, чтобы они наверняка обеспечили возмещение всех расходов.

В процессе дискуссий, в политических выступлениях и во время парламентских дебатов по государственному бюджету и по Закону о налогах был сделан ряд шокирующе дилетантских замечаний о статьях дохода бюджета. Некоторые замечания создавали впечатление, что вся проблема сводится к вопросу: "Кто оплатит счет — бюджет или население?". Алчущие чиновники-финансисты чувствуют себя победителями тогда, когда им удастся взвалить ответственность на население, а "защитники народа" испытывают триумф, если им удастся переложить ответственность снова на бюджет. При этом они упускают из виду тот факт, что в любом случае именно население должно нести *все издержки*, за исключением, конечно, доли иностранных источников, привлекаемых государством, которое взамен получает дальнейший рост внешней задолженности. В конечном счете этот долг также

1 В исследовании не затронуты некоторые проблемы налоговой системы, такие, как налог на собственность, налогообложение занятых индивидуальной трудовой деятельностью и т.д. Конечно, в новой налоговой системе будут отражены и эти проблемы.

будет оплачен нынешним и будущими поколениями. Соображения по этому поводу нельзя свести к выбору между бюджетом и населением. Вопрос заключается в *распределении налогового бремени* между различными слоями населения и между нынешним и будущим поколениями. Второй вопрос касается *формы*, в которой население должно оплатить эти затраты. Существуют различные варианты изъятия доходов у населения: с помощью цен, полностью покрывающих налог (налог на потребление); путем выплаты налога на занятых; косвенным путем через инфляцию и т.д. Но вне зависимости от способа именно население оплачивает счет — от этого никуда не уйдешь. Поэтому я бы по крайней мере предложил, чтобы процедура налогообложения была как можно проще и эффективнее. Если мои предложения будут внедрены в практику, станет возможным демонтировать костяк вновь образовавшейся налоговой бюрократии. Это уже само по себе было бы большим достижением.

А сейчас мы обратим наше внимание на *статьи расходов*. Как я говорил ранее, расходы нужно рассматривать как заданную величину на момент операции. Ограничить необходимо только две статьи.

Первой из них являются *бюджетные ценовые дотации* на различные потребительские товары. Процесс сокращения этих дотаций уже начался и будет продолжаться вплоть до самого начала стабилизационной операции. Но вне зависимости от полученных результатов этот во многом болезненный процесс должен быть полностью завершен в период хирургической операции. Нельзя допустить, чтобы лекарство не было принято, каковы бы ни были противопоказания к его применению.

Я уже касался этой проблемы, когда шла речь о перераспределении. Я ревностный сторонник гуманных действий государства: не только право, но и обязанность парламента утверждать расходы на финансирование социальной политики с учетом возможностей страны (как я уже обещал, этот вопрос детально будет рассмотрен ниже). Но эти расходы не должны проявляться в форме ценовых дотаций, так как наряду с нуждающимися, они помогают и тем, кто в этом не нуждается. Я приветствовал бы также помощь, оказываемую государством (наряду с другими учреждениями и частными лицами) отраслям культуры. Но опять-таки она не должна принимать форму дотируемых цен. Если мы в состоянии сделать это, давайте будем предоставлять книги студентам бесплатно, но цены на книги должны оставаться реалистичными, т.е. возмещать

издержки и приносить прибыль. Нет нужды субсидировать покупку книг тем, кто в состоянии покупать их по рыночным ценам.

И самое важное: при нынешнем экономическом положении Венгрии нет никаких оправданий дотациям на продовольственные товары. Сейчас в стране любой гражданин может удовлетворить свои самые необходимые потребности в продуктах питания. Почему же мы должны искусственно сохранять низкие цены на продовольствие и тем самым предоставлять особые льготы тем, кто может платить реальные рыночные цены? Какая польза в том, чтобы превращать Венгрию в комнату смеха в глазах австрийских туристов, толпами стекающих сюда, чтобы купить мясо за половину австрийской цены? Я полностью отдаю себе отчет в том, что в нашем обществе некоторые группы людей еле сводят концы с концами даже при нынешних ценах на продукты. Таким группам, включающим пенсионеров, или многочисленным лицам, попавшим в тяжелое положение, нужно помогать непосредственно через выплату денежной помощи, организацию бесплатных обедов в столовых, но уж никак не путем абсурдного извращения системы цен.

Второй расходной статьей бюджета, которую следует резко ограничить, является огромное количество всех видов производственных дотаций. Пора положить конец дискуссиям об убыточных государственных предприятиях и колхозах, которые тянутся вот уже 20 лет подряд! Здесь допустимы два исключения:

а) помощь в переходный период для преодоления неблагоприятных последствий послеоперационного шока (подробно мы расскажем об этом позже);

б) поддержка в переходный период только что зарождающихся отраслей или производств. В литературе появляются знакомые аргументы в пользу защиты зарождающихся предприятий от иностранной конкуренции. Разумеется, нужно подождать, пока венгерские первопроходцы не наберутся опыта. Этот вид поддержки в форме как государственных субсидий, так и протекционистских тарифов должен, однако, иметь определенную черту, за которую нельзя переступить: если дела нового производителя не пойдут, он должен быть лишен помощи. Нет нужды поддерживать существование нежизнеспособных организаций искусственным путем.

Подытоживая, можно сказать, что операция направлена на восстановление бюджетного равновесия. Это абсолютно необходимо для ограничения инфляции. Когда я умышленно прибегаю к резкой формулировке, сказав, что инфляция — дело

рук стоящего у власти правительства, я имел в виду в основном (хотя и не исключительно) фискальные аспекты процессов, питающих инфляцию. Окончательно восстановить бюджетный баланс могут стоящее у власти правительство и депутаты парламента, определяющие и одобряющие правительственные доходы и расходы¹.

В послеоперационный период важно сохранять и даже умножать усилия, направленные на сокращение расходов бюджета. Чем более успешными будут эти усилия, тем больше будет возможностей для сокращения ставок налога. Это могло бы повысить популярность правительства. Но будем осторожны: во время операции мы не можем заранее обещать неопределенных сокращений в будущем.

УПРАВЛЕНИЕ СПРОСОМ НА МАКРОУРОВНЕ

Не претендуя на полноту, я хочу обсудить лишь несколько мыслей, и прежде всего обозначить те опасности, которые могут подорвать успех стабилизационной программы.

В момент операции количество денег, имеющихся в частном секторе, — постоянная величина. Поэтому в этой сфере нет угрозы того, что покупательная способность станет здесь неуправляемой. Как я уже подчеркивал, квоты кредитов, выдаваемые частному сектору банковскими организациями, находящимися в государственной собственности, должны быть фиксированными. С одной стороны, такие кредиты должны удовлетворять спрос частного сектора, т.е. необходимо предотвращать их перекачку в государственный сектор. С другой стороны, в период критической первой фазы операции частный сектор не должен превышать лимиты. Когда частный сектор встанет на ноги, ему можно будет увеличить кредит пропорционально росту спроса на него. Одновременно нужно поощрять предприятия частного сектора к установлению тесных кредитных связей друг с другом, а также создать юридическую инфраструктуру для обслуживания таких контактов.

Государственный бюджет детально обсуждался в предыдущем параграфе. Предположим, что все изложенные там принципы реализованы, т.е. спрос, возникающий как следствие расходов государственного бюджета, строго ограничен. Реальная опасность заключается в том, что спрос государственных предприятий (а также и полугосударствен-

¹ Это, конечно, требует, чтобы парламенту в конце концов была предоставлена возможность знакомиться с бюджетом: действительная величина дефицита не должна покрываться финансовыми ухищрениями. Парламент должен реально устанавливать и контролировать военные расходы и т.д.

ных больших кооперативов) будет по всей вероятности значительно расти. Давайте вспомним обсуждавшиеся в гл. 1 проблемы. Там я предложил юридические нормы для обуздания расходов государственных предприятий. Здесь я снова подчеркиваю это, в то же время указывая, что реальной проверкой этой "узды" станет сама стабилизационная операция. В течение последних двух десятилетий финансовые органы проводили политику строгих *денежных ограничений*¹. Эти усилия увенчались успехом лишь частично. Удалось предотвратить чрезмерное расширение макроспроса и избежать таким образом гиперинфляции, разразившейся в Югославии и Польше, хотя и нынешняя 15 — 20-процентная инфляция слишком высока. Ограничительная политика сопровождалась многочисленными нежелательными побочными явлениями: часто она сдерживала рост объемов производства и капиталовложений даже в тех областях, где это оказалось бы на самом деле эффективным. Благодаря тому что вплоть до сегодняшнего дня процентные ставки нереально низки (т.е. в большей или меньшей степени отрицательны), невозможно проводить рациональную ограничительную денежную политику. Однако этот опыт по крайней мере показал реальность осуществления политики денежного ограничения в наших условиях, хотя в будущем был бы желателен более расчетливый и обоснованный подход. Первейшим и одним из наиболее важных инструментов такой политики должны стать высокие положительные процентные ставки на заемные средства.

В любом случае опыт денежных ограничений дает великолепную иллюстрацию необходимости *одновременного* претворения в жизнь всех составных частей стабилизационной программы. Денежные ограничения, не подкрепленные другими необходимыми мерами, не привели к желаемым результатам: они не положили конец инфляции и практике искусственного поддержания на плаву убыточных и низкоэффективных предприятий. В результате политика денежных ограничений, к сожалению, оказалась дискредитированной в глазах многих, что делает более трудной ее проведение в будущем.

Мы должны полностью осознавать явления, связанные с ограничением макроспроса. Я укажу здесь только два из них².

1. В классической социалистической командной экономике кредит был монополией государственной банковской системы. "Коммерческий кредит", т.е. *взаимное кредито-*

1 См. в этой связи статью Э.Вархею (1989).

2 Возможный рост безработицы, являющийся одним из наиболее важных сопутствующих явлений, будет детально обсужден в гл. 3.

вание государственных предприятий, был строго-настрого запрещен. Тем не менее в ходе реформ, осуществляемых в соответствии с теорией "рыночного социализма", расширения самостоятельности государственных предприятий, межфирменный кредит не только появился, но и стал общепринятым. Этот тип кредита является иногда добровольным, а иногда вынужденным соглашением между кредитором и должником. Предприятие-покупатель просто отказывается платить предприятию-продавцу и таким образом принуждает его продать партию товаров в кредит. Если в результате и сам кредитор оказывается неплатежеспособным, он в свою очередь отказывается платить собственным поставщикам. Постепенно возникает настоящий кризис платежеспособности: кредиторы толпятся перед своими должниками, ожидая, когда те любезно согласятся вернуть свои долги. Видя такое безвыходное положение, банковская система из чувства жалости протягивает руку помощи тем, кто оказался в жесточайшей нужде, оплачивая часть их чеков и векселей. Это одно из наиболее извращенных проявлений венгерской системы кредита, банковской системы и рынка капиталов. Имитируя подлинные финансовые сделки, они просто маскируют тот факт, что невозможно остановить предприятия, так как это вызовет протесты рабочих и спад производства, а следовательно, серьезные дефициты, нарушение международных контрактов и т.д.

Межфирменный коммерческий кредит — естественный спутник финансовых контактов и деловых сделок между фирмами. Коммерческий кредит является частью процесса "создания денег" и, таким образом, должен быть включен в статьи денежного предложения тех балансов, которые обеспечивают финансовое равновесие. При количественном планировании стабилизационного процесса мы неизбежно столкнемся с существованием коммерческого кредита. Мы должны также положить конец его извращенным проявлениям: "очередям" за возвратом долгов и вытекающему отсюда кризису ликвидности. Мы должны распространять юридические формы и связанные с ними учреждения коммерческого кредита, обычные в рыночной экономике. Нельзя больше терпеть вымогательство кредитов предприятиями-должниками, но нужно поощрять развитие добровольных кредитных отношений между предприятиями. Дисконтирование и выдача чеков под векселя должны стать нормальной частью коммерческой и финансовой жизни.

"Неплатежеспособность" государственных предприятий может привести к банкротству и их частных поставщиков,

которым не заплатили за поставки. Государственный сектор предпочитает ставить частные предприятия в конец "очереди" кредиторов поневоле. Перспективы возврата долга более радужны для влиятельного государственного предприятия, чем для беспомощной частной фирмы. Например, государственное предприятие может вернуть долг благодаря вмешательству государственного банковского сектора. Это и есть одна из тех областей, где частному сектору нужна реальная защита. В соответствии с требованием пункта 2 нужна гарантия обеспечения контрактов между государственными и частными предприятиями. Если государственное предприятие становится продавцом или покупателем по контракту с частной фирмой, то оно должно строго придерживаться условий контракта. Конечно, это условие должно действовать также и по отношению к частной фирме¹.

2. Вопрос о *заработной плате* — наиболее трудная и наиболее чувствительная в политическом плане часть операции по стабилизации. Общий объем заработной платы, выплачиваемой в государственном секторе, не должен превышать предела, установленного стабилизационной программой. Я бы не взялся определить, каким должен быть этот предел по сравнению с уровнем номинальной заработной платы в период, предшествующий стабилизационной операции. Возможно, придется на короткое время расширить установленные рамки роста зарплаты, сопроводив это волной повышений цен, чтобы поглотить часть "горячих" денег, скопившихся в руках у населения. Но это может не понадобиться — все покажет будущий тщательный анализ².

После того как установлен средний уровень зарплаты, который должен оставаться неизменным в течение некоторого времени, необходимо перейти к его стабилизации с помощью

1 При всей видимой симметрии на самом деле условия государственного и частного предприятия имеют коренные различия. Если частная фирма нарушит подписанный с государственным предприятием контракт и суд удовлетворит иск о взыскании с нее штрафа, допустим, в 1 млн. форинтов, частный предприниматель выплатит его из собственного кармана. Если, однако, контракт между частной фирмой и государственным предприятием нарушен последним и штраф, предназначенный к выплате, также составит 1 млн. форинтов, то директор государственного предприятия выплатит его не из своего собственного кармана, а из кармана государства. Таким образом, государственному предприятию не страшны судебные тяжбы. Это одна из наиболее серьезных проблем деловых связей двух секторов, которая не имеет удовлетворительного решения. Однако авторитет контрактов может быть немало усилен, если директор государственного предприятия и другие руководители, несущие прямую ответственность за выполнение своих обязательств, должны будут выплатить штраф частично из своего собственного кармана.

2 В Польше при реализации стабилизационной программы этот вид "корректирующего увеличения номинальной заработной платы" кажется неизбежным. Я не уверен, что это будет необходимо и в Венгрии.

различных инструментов. Мне бы не хотелось высказывать свою позицию по поводу выбора этих инструментов. Некоторые считают, что расширение кредита предприятиям должно быть строго увязано с соблюдением установленных правил выплаты заработной платы. Я очень сомневаюсь, что этого будет достаточно. Похоже, придется применить более сильные меры. Учитывая опыт прошлого, можно отобрать те способы регулирования, которые дадут наибольший эффект. Я действительно не хочу здесь давать какие-то конкретные рецепты, но, например, можно было бы установить лимит общего фонда заработной платы предприятия, определять фонд заработной платы пропорционально объему произведенной продукции или с помощью какой-то другой формулы. Понятно, это уменьшит самостоятельность руководителей предприятий и сделает более трудным достижение оптимальной комбинации факторов производства. Тем не менее, если мы не предпримем этих шагов, то руководители государственных предприятий будут всем без разбора повышать заработки. В этом случае мы неизбежно столкнемся с положением, в котором Китай оказался несколько лет тому назад, а Югославия и Польша — сегодня. Это положение нельзя контролировать косвенными средствами, и было бы самообманом ожидать, что руководители государственных предприятий будут поддерживать жесткую дисциплину оплаты труда.

В гл. 3 мы вернемся к политическим последствиям решения этой проблемы и в этом контексте обсудим также роль профсоюзов. Здесь же, в этом пункте, необходимы только экономические доводы. Я отдаю себе отчет в том, что контроль за ростом зарплаты с помощью административных мер также наносит вред, снижая возможности повышения эффективности производства. Но единственный кардинальный выход из этого положения — замена государственной собственности частной.

Только частный собственник может установить естественные пределы роста зарплаты, ибо он выплачивает ее из своего собственного кармана. Этот подлинный конфликт невозможно разрешить псевдореформой собственности, и до тех пор, пока доминирующей остается государственная собственность, лишь административные средства могут помочь противостоять давлению к увеличению зарплаток снизу.

В зрелой капиталистической экономике вполне реально ожидать, что ограничительная монетаристская политика может привести к замораживанию или даже сокращению зарплаток в сфере бизнеса. Фирма, не имея возможности получить необходимое количество денег, отказывается повышать зарплату своим рабочим. Не ясно, работает ли этот механизм в полную

силу даже в зрелой капиталистической экономике. Однако он совершенно неприемлем для венгерской экономики, на 3/4 социалистической и на 1/4 — капиталистической. Можно привести многочисленные примеры, подтверждающие, что руководители многих государственных предприятий, даже будучи в крайней нужде, шли на то, чтобы повысить зарплату работникам. Они надеялись, что им удастся получить деньги для этой цели или для каких-либо других нужд. В худшем случае можно не заплатить своим поставщикам! Поэтому невозможно избежать установления в административном порядке лимитов фонда заработной платы в венгерском государственном секторе¹. От этого вопроса постоянно уклонялись при проведении рыночной реформы в течение двух последних десятилетий². Пришло время честно посмотреть правде в глаза.

Я хочу еще раз подчеркнуть, что установление строгой дисциплины оплаты труда — ахиллесова пята всей стабилизационной операции. Если нам это не удастся, то вся операция пойдет насмарку.

ФОРМИРОВАНИЕ РАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕН

Начнем с изложения желаемого результата. Операция будет успешной, если в конце концов удастся заменить нынешнюю произвольную и с экономической точки зрения иррациональную систему цен рациональной рыночной системой, в которой цены несут весомую экономическую информацию. Это изменение зависит от нескольких условий. Некоторые из них относительно легко выполнимы и самоочевидны. Другие условия довольно трудно создать, и здесь неизбежно возникнут противоречия.

1 Я надеюсь, что ход моих мыслей логически обоснован и не нуждается в ссылках на авторитеты. Только ради любопытства добавлю следующее. В 1986 г. китайское правительство пригласило семерых иностранных экспертов для того, чтобы обменяться мнениями и посоветоваться по поводу проведения реформы. Обсуждались, в частности, проблемы инфляции. Выступило трое из гостей: Отмар Эмминтер, бывший президент западно-германского Бундесбанка, Джеймс Тобин, лауреат Нобелевской премии, американский экономист, который был экономическим советником администрации Кеннеди, и я. Оба западных экономиста, всю свою жизнь прожившие в условиях капиталистической системы и знающие все входы и выходы экономики своей системы как в теории, так и на практике, без тени сомнения, настойчиво советовали коммунистическому Китаю в административном порядке ограничить заработки. Сам я, будучи специалистом по теории сравнительной экономики и по теории социалистической экономики, предложил то же самое. Китайское правительство не прислушалось к этому совету. Инфляция, вызванная быстро растущими заработками и практически ненасыщаемым инвестиционным голодом, ускорилась.

2 Заслуживают внимания исключения из этого правила. См., например, работы И.Р.Габора (1988) и И.Р.Габора и Г.Кевари (1987).

Вначале — о самоочевидных задачах. Необходимо разрешить свободную игру цен при всех сделках внутри частного сектора. Само по себе это не является гарантией того, что такая "частная система цен" станет рациональной для экономики в целом, так как в частном секторе существует бесчисленное множество предприятий, вступающих в контакты с предприятиями государственного сектора как в качестве продавцов, так и в качестве покупателей. Соответственно цены последнего отражаются в издержках и ценах первого. И все же потоки продукции и услуг внутри частного сектора сравнительно велики, так что цены на них могут использоваться как исходная база для исчисления соответствующих цен в государственном секторе.

Пересмотр цен в государственном секторе — более крепкий орешек. Прежде всего четко определим, какими бы мы хотели видеть цены в государственном секторе ко времени завершения стабилизационной операции. Целью является установление рыночных цен в этой сфере. Таким образом, за рядом исключений, в этой сфере также необходима *общая либерализация цен*. Чем скорее операция достигнет этой цели, тем лучше.

К постоянным исключениям относятся те товары и услуги, цены на которые регулируются и в наиболее развитых, зрелых рыночных экономиках: общественные услуги, продукты производства естественных монополий и т.д.

Без колебаний предлагая в качестве конечного результата стабилизационной операции либерализацию цен, я могу лишь в самых общих чертах охарактеризовать пути, ведущие к этому желаемому результату. Первым условием является расширение сферы действия свободных цен в государственном секторе, которые начали применяться до начала процесса стабилизации. Частичное регулирование цен и половинчатая их либерализация содержат большой риск как каждое в отдельности, так и в их совокупности. Не имеет значения, выступает ли автор этой книги за частичную либерализацию цен или нет. В любом случае мы должны рассматривать как совершившийся факт то, что уже в самом начале операции свободные цены будут широко применяться не только в частном секторе, но и в государственном. Ясно, что здесь поворот к ограничениям будет нецелесообразным (за исключением тех случаев, когда были ошибочно разрешены свободные цены в тех областях, где они обычно регулируются даже в развитых, зрелых рыночных экономиках).

Рассматривая систему цен, необходимо также принять во внимание состояние предложения и размеры резервов важнейших потребительских товаров, энергии и сырьевых ресур-

сов. Если ошибки правительства или неудачи приведут к возникновению серьезного дефицита, то вряд ли стоит позволить, чтобы цены на важнейшие товары и услуги подскочили до потолка с самого начала стабилизации. Можно было бы ограничить цены на короткий переходный период, но это ограничение непременно должно сопровождаться мерами по быстрому увеличению предложения товаров, например с помощью импорта, чтобы затем перейти к либерализации цен. За исключением небольшой сферы постоянно регулируемых цен, любой случай их регулирования должен рассматриваться как зло, которому как можно скорее нужно положить конец. Чем скорее будут расширены импорт товаров, в том числе и частный, а также производство в частном секторе, тем раньше мы сможем положить конец такому регулированию.

В начале процесса стабилизации у государственных предприятий, не привыкших к свободным ценам, могут возникнуть трудности в определении исходных цен. В самом начале стоит, вероятно, определять их методом проб и ошибок. Впоследствии рыночные силы породят цены, значительно отличающиеся от первоначальных цен, установленных государственными предприятиями.

Что касается продуктов, конкурентоспособных на мировом рынке, то одной из возможных точек отсчета является принцип согласования внутренних цен на эти товары с аналогичными ценами в капиталистических странах. Прежде всего мы должны учитывать цены, назначаемые за каждый продукт иностранными капиталистическими торговыми партнерами. Очень упрощая, я бы сказал, что после корректировки цен исходя из сделок внутри частного сектора должны исчезнуть драматические различия между иностранной и внутренней системами цен, т.е. между уровнями цен различных продуктов, например электроприборов в Вене и Будапеште, мяса в Восточной Австрии и в Западной Венгрии или легковых автомобилей в Мюнхене и Будапеште. Случись это — большинство экскурсий по магазинам за рубеж прекратится и без всяких административных запретов, "магазинный" туризм ограничится покупками, основанными на сравнительных преимуществах другой стороны.

Реализация этой концепции подразумевает осуществление всех предыдущих пунктов этой главы: строгого единообразия ставок налога на потребление и таможенных пошлин, ограничения дотаций потребителям и производителям.

В период стабилизации 1946 г. первоначально система цен, установленных в форинтах, была сформирована на базе

цен 1938 г., установленных в пенго — тогдашней венгерской валюте. Сегодня необходима подобная же простая процедура. Но сейчас базой для формирования цен должны быть цены современных капиталистических стран, а не венгерские цены в прошлом. Например, предприятия могли бы взять за точку отсчета современные австрийские или западно-германские цены. Я отнюдь не считаю, что с точки зрения экономической теории эти цены служат образцом оптимальных цен. Ничего подобного: уровень этих цен также искажен рядом факторов. Нечего говорить и о том, что соотношение спроса и предложения и структуры издержек в Венгрии другие. И все же австрийские и западно-германские цены по крайней мере реальные. Из всех стран рыночной экономикой у Венгрии наиболее тесные связи с этими странами. Венгерские бизнесмены и туристы, как правило, сравнивают эти страны с Венгрией. Обсуждается ли цена, утверждаемая в централизованном порядке, или цена, свободно устанавливаемая государственным предприятием, я бы предложил исходить из той цены, по которой мог бы продаваться или покупаться тот или иной продукт в Австрии или Западной Германии. Такая цена должна быть переведена в форинты с учетом обменного курса, действующего на момент операции. (Обменный курс будет обсуждаться в следующем параграфе.) В результате мы получим внутреннюю цену, по которой государственные предприятия будут продавать товар на рынке в начале стабилизационной операции.

Цены, существующие в венгерском частном секторе, представляют собой следующий важный ориентир для установления стартовых цен. Мы уже затрагивали этот вопрос в связи с частным обменным курсом иностранной валюты. Идея, однако, носит гораздо более общий характер. Подлинно рыночные цены уже возникли, например, на частном рынке продуктов питания, квартир, недвижимости, в значительной части сферы услуг и в других сферах. Для государственных предприятий было бы целесообразно исходить из этих цен при поставке своих продуктов на рынок во время проведения стабилизационной операции прежде всего потому, что это подлинные рыночные цены, а не искусственно придуманные в кабинетах.

Рассмотренные выше зарубежные и внутренние цены могли бы послужить ориентиром при определении *относительных цен* различных продуктов и услуг. Эти цены затем могут быть использованы государственными предприятиями при выходе на рынок в процессе

стабилизации. Другой вопрос — *общий уровень цен*: он будет зависеть от других многочисленных макроэкономических факторов (предложения кредита, уровня заработной платы, макропредложения и макроспроса и т.д.). Мы уже говорили об этих макроэкономических соотношениях и вернемся к ним позже.

Когда государственное предприятие производит свои расчеты цен, оно принимает во внимание *обменный курс*, определяемый государственными финансовыми органами и используемый государственной банковской системой (см. следующий параграф). Предприятие может также учитывать положительные *реальные ставки процента*, устанавливаемые на рациональном уровне и взимаемые государственным банковским сектором. Эти ставки, которые будут применяться по крайней мере в начальный период операции, должны быть объявлены заранее. Позднее они могут быть модифицированы в соответствии с реальной ситуацией на рынке кредита.

Но даже если у государственного предприятия есть такие "верстовые столбы", помогающие ему определить цену на производимую им продукцию при окончательном выходе на рынок, оно все же до некоторой степени вынуждено блуждать в потемках в поисках первоначальной цены.

То, что случится затем, должно определяться свободной игрой спроса и предложения. Важно как можно быстрее сделать все цены свободными (за исключением цен на постоянно регулируемые продукты производств-монополистов). Достижение равновесия между спросом и предложением и возникновение рыночной цены равновесия займут немало времени. Нам нужно помнить о том, что во внешней торговле большая часть сделок будет совершаться с частными зарубежными торговыми фирмами. На рынке импортеры продукции вступят в конкуренцию с внутренними производителями. Ими могут стать венгерские государственные предприятия, венгерские частные фирмы, зарубежные капиталистические фирмы или совместные предприятия. Если первоначальная продажная цена будет обеспечивать высокую прибыль, это привлечет импортеров и рано или поздно приведет к падению цены, а в противном случае процесс пойдет в противоположном направлении.

В конечном итоге либерализация приведет к установлению в основном *единых цен*. Хорошо известно, что единые цены возникают только в условиях рыночной

...орая в политэкономии носит название конкуренции. В случае несовершенной конкуренции (характерной для многих отраслей в экономике) наблюдается определенная конкуренция, конечно, должны предвидеть это и так сказать, "естественный разрыв", такая операция должна положить конец установлению системы цен на основе других цен. Противопоставление цен "белого" рынка и цен "черного", цен свободного рынка центральным устанавливаемым ценам, цен частного сектора и цен определяемым государственными предприятиями. Разрушение этих перегородок между разными типами цен приведет к возникновению единой системы цен.

Никто не может сказать, сколько времени займет формирование системы единых рыночных цен. Мы не должны питать иллюзий: не следует ожидать возникновения в Венгрии единого рынка, сходного с рынками Франкфурта или Цюриха, за один год после начала операции. Но давайте не будем бояться "анархии" рынка! Колебания цен — естественная часть этого процесса, как и случайные грандиозные прибыли или убытки. Общественное мнение в Венгрии уже примирилось с убытками. Теперь людям надо научиться сдерживать чувство зависти в случаях, когда другие получают колоссальные прибыли. Возможность разбогатеть вдохновляет и заставляет тысячи и даже сотни тысяч людей попытаться счастья, рискнуть и основать свое производство.

Сегодня структура венгерской экономики изобилует диспропорциями и противоречиями, но это скорее привлекает, чем отталкивает предпринимателей, если действительно существует свободное предпринимательство. Чем больше диспропорция между спросом и предложением, тем больше можно заработать на любых действиях, восстанавливающих равновесие спроса и предложения. В стране со сбалансированной структурой экономики единственный путь получения дополнительных доходов — внедрение технических нововведений или производство новых видов продукции. Но в нашей перевернутой с ног на голову экономике те, кто хочет заработать деньги, находят настоящую золотую жилу. Это, однако, требует изменения отношений общественности к моральным ценностям. Согласно догматам экономической теории, господствовавшей в Венгрии десятилетиями, единственной этически приемлемой формой получения дохода является трудовая деятельность, тогда как "нажива" или "спеку-

ляция" — предмет всеобщего осуждения. Мнение состоит в том, что все те, кто страдает от дефицита, получая прибыль, страдают от дефицита людьми. Как будто бы возможна реакция любого продавца на рынок с дефицитом, кроме повышения цены. Это не моральная, а экономическая категория. Нет, если мы попросим продавцов отказаться от повышения цен. Проповедание (или акции) не могут заставить продавца отказаться от полного использования своих возможностей. Вместо этого должны положить конец его монопольному положению на рынке продавцов. (Эта проблема наряду с устранением дефицитной экономики в целом будет детально обсуждена ниже.)

Завершая обсуждение цен, вернемся ненадолго к положению государственных предприятий. В предыдущем параграфе было выдвинуто требование о том, чтобы прекратить дотации убыточным государственным предприятиям. Рассмотрим это требование в свете предлагаемой новой системы цен. По правде говоря, мы по существу не можем ответить на вопрос о том, какие предприятия действительно несут убытки, а какие только считаются убыточными. В случае добывающей промышленности расчеты сравнительно просты. Например, можно с уверенностью сказать, что венгерские урановые шахты сталкиваются с серьезными убытками, так как здесь калькуляции издержек включают относительно мало статей расходов, а стоимость продукции легко определить на основе цен мирового рынка. Подобный расчет, однако, практически невозможен, когда дело касается обрабатываю-

1 Хотел бы сделать здесь ряд замечаний, связанных с установлением прямых контактов между сельскохозяйственным производителем и городским потребителем. Эта древняя форма — зародыш всех городских продовольственных рынков. В сегодняшней Венгрии, где промежуточные торговые звенья между сельскохозяйственными производителями и городскими потребителями очень слабо развиты, эта форма могла бы сыграть положительную роль в течение некоторого времени. И производитель, и покупатель увидят, что они от этого только выиграли. Однако такая форма связи может быть только временной. Долгосрочного эффекта можно достичь только тогда, когда будет создана современная посредническая торговля, связывающая производителей и потребителей. Различные торговые и закупочные организации должны конкурировать между собой. При этом все больший удельный вес должна занимать частная торговля. Здесь мы также нуждаемся в настоящем современном рынке, где издержки и прибыли посреднической деятельности сбиваются конкуренцией и свободным вхождением в нее новых предпринимателей. Я убежден, что такой образ мыслей разделяет большинство экономистов. Романтическое "антитоварничество" и общественная популистская кампания против "алчных торговцев" наносят только вред, отпугивая предпринимателей от занятия посреднической деятельностью.

ности. Здесь на издержки влияют миллиарды
тей, комплекующих изделий, которые в
вают влияние целой обоймы дотаций и
вительно, если многие государствен-
оющиеся сейчас убыточными, освобод-
после операции. Вместе с тем может
т.е. государственные предприятия,
рентабельными, окажутся нерента-
в расчеты начнут включаться реаль-
и.

ВВЕДЕНИЕ ЕДИНОГО ОБМЕННОГО КУРСА И КОНВЕРТИРУЕМОСТИ ДЕНЕЖНОЙ ЕДИНИЦЫ

Я предлагаю решить в ходе операции следующие, очень тесно взаимосвязанные задачи (при условии, что будут выполнены требования, сформулированные позднее).

1. Должен применяться *единый обменный курс*.

2. Венгерский форинт должен стать *конвертируемым*. Венгерский государственный банк должен свободно обменивать венгерские форинты на иностранную твердую валюту всем венгерским гражданам, всем предприятиям и организациям.

3. Вся *импортно-экспортная деятельность* как государственных предприятий, так и частного сектора *должна быть либерализована*.

Первую задачу нельзя осуществить приказным путем, запретив частные валютные сделки и объявив частный обменный курс незаконным. Я готов еще раз повторить все сказанное в этой связи в гл. I: все лица должны обладать правом свободной купли-продажи иностранной валюты. Единый обменный курс установится без административного принуждения, если станет возможным купля валюты без ограничений в государственном банке по цене, не превышающей частный обменный курс, и ее продажа по цене не ниже этого курса. Только тогда можно ожидать определенного снижения частного обменного курса. (При прочих равных условиях этот обменный курс будет несомненно ниже теперешнего курса "черного" рынка, который включает компенсацию за риск, связанный с нелегальностью.)

Чтобы не допустить серьезных диспропорций на венгерском валютном рынке, которые могут быть вызваны применяемым государственной банковской системой обменным курсом, необходим *чисто рыночный* обменный курс. Нельзя точно сказать, каким будет этот курс, так как он во многом будет зависеть от осуществления других мероприятий

стабилизационной операции, от уровня инфляционной операции. Но что бы ни случилось, одним из условий для установления курса мог бы быть обменный курс частного "серого" рынка. Критерием все-таки явился бы курс "белого" частного рынка, в случае легализации частного валютного рынка. В ходе проведения стабилизационной операции см. в гл. 1.

Есть все основания ожидать, что операция не приведет к девальвации форинта. Степень инфляции будет зависеть от уже упомянутых факторов и от соотношения официального обменного курса в период, непосредственно предшествующий началу операции.

Перед тем, как государственные банковские органы смогут ввести конвертируемость форинта, должны быть выполнены многочисленные условия, два из которых я хотел бы выдвинуть на первый план.

Первым, наиболее важным является контроль за спросом на твердую валюту, особенно в государственном секторе: нельзя позволить, чтобы спрос государственных предприятий на твердую валюту (или на импорт, оплачиваемый в конвертируемой валюте) безгранично рос. Прошлый опыт здесь неутешителен: имея мягкое бюджетное ограничение, государственные предприятия предъявляли почти беспредельный спрос на западный импорт и твердую валюту. Они стремились во что бы то ни стало получить твердую валюту, будучи уверенными в том, что в дальнейшем они непременно найдут способ оплатить ее форинтами. Сейчас все зависит от того, сможем ли мы обуздать этот спрос, лишив предприятия возможности легкого получения форинтов и введя рыночный обменный курс. Решающим фактором представляется проведение жесткой денежной политики и установление твердых ограничений на кредиты, предоставляемые государственным предприятиям. Если это будет сделано, то конвертируемость форинта не приведет к серьезной угрозе балансу внешней торговли страны. В противном случае проблемы возникнут снова, и тогда придется пойти на рacionamento доступного государственным предприятиям количества твердой валюты. Несмотря на ряд недостатков, этим путем нельзя пренебречь, до тех пор пока государственный сектор остается доминирующим в экономике. Со стороны частных фирм такая опасность отсутствует, так как сама их природа обеспечивает жесткое бюджетное ограничение их спроса.

Спрос на твердую валюту со стороны индивидуальных потребителей может превысить планируемый уровень, если номинальные заработки возрастут выше желаемого уровня. Здесь, как и в других областях, основным является строгая дисциплина оплаты труда.

Второе условие стабилизации обменного курса и обеспечения конвертируемости — наличие у государства соответствующих резервов иностранной валюты как в форме действительных резервов Национального банка, так и в форме резервных кредитов, которые в любое время могут быть изъяты. Если у государства есть такие резервы, то возникновение избыточного спроса на твердую валюту не приведет к немедленной приостановке свободной продажи иностранной валюты государственной банковской системой. Вместо этого в дело могут пойти резервы. Конечно, в дальнейшем необходимо принять меры по восстановлению равновесия между предложением и спросом, такие, как сокращение макроспроса, выраженного во внутренней валюте (и внутри него спроса на иностранную валюту в том секторе экономики, где он оказался больше ожидавшегося); возможна и новая девальвация форинта. Ниже мы вернемся к вопросу о резервах иностранной валюты. Наличие единого реалистичного рыночного обменного курса и конвертируемости обеспечит свободу импортных сделок (благодаря созданию изложенных выше условий). Но если эти условия не будут созданы, то без серьезного риска можно разрешить свободу импорта только частным предпринимателям. Наделение государственных предприятий правом свободного импорта, в то время как их спрос все еще не связан эффективным ограничением или адекватным контролем, представляло бы опасную игру.

Все эти изменения не только помогут стране восстановить внешнее и внутреннее финансовое равновесие, но и будут способствовать расширению производства и повышению качества продукции. Свобода импорта независимо от того, осуществляется ли он государственными или частными предприятиями, отечественными или иностранными лицами, — обязательное условие для создания конкуренции между продавцами. В свою очередь такая конкуренция — один из сильнейших стимулов обеспечения лучшего снабжения населения, устранения дефицита и технического совершенствования производства.

ПОЧЕМУ ОДНОВРЕМЕННО ?

Все меры, описанные в предыдущих параграфах, в отдельности хорошо известны. Некоторые из них частично уже осуществлены или близки к осуществлению. Нам уже не раз обещали замедлить темпы инфляции. Время от времени предпринимаются шаги по сокращению расходов и увеличению доходов бюджета. Ограничение денежной массы проводится "на всех парах", а некоторые из цен уже стали свободными.

Проблема заключается в том, что эти меры осуществляют-ся непоследовательно и вяло. Половинчатость одного комплекса мероприятий сокращает эффективность другого. Сумма десяти различных половинчатых результатов равна не сумме пяти полноценных результатов, а скорее пяти полным поражениям. Все вышеназванные меры зависят друг от друга. Прекращение инфляции требует сбалансированного бюджета. Сбалансированность бюджета в свою очередь может быть достигнута только на основе новой налоговой системы. Бюджет нельзя сбалансировать при разгуле инфляции, так как доходы, более подверженные влиянию инфляции, чем расходы, всегда оказываются меньше.

Прекращение дотирования убыточных предприятий связано с введением новой системы налогов, а также с возможностью определения рентабельности предприятий на основе рыночных цен равновесия. Настоящие рыночные цены не могут, однако, возникнуть в условиях ускоряющейся инфляции. Частичные изменения цен, не приводя к формированию рациональной системы относительных цен, сами по себе только подхлестывают инфляционную спираль. Список этих взаимосвязанных проблем можно было бы продолжить. Все они, вместе взятые, дают экономическое обоснование необходимости проведения операции сразу одним ударом.

Чтобы подчеркнуть эту мысль, стоит выразить ее в отрицательной форме: большинство мер, эффективных в комплексе с другими мерами стабилизационной программы, были бы опасными и вредными, если бы они были реализованы в одиночку. Например, переход к свободным ценам может привести к тяжелым последствиям при отсутствии дисциплины оплаты труда. Полная конвертируемость форинта может принести вред, если спрос предприятий государственного сектора жестко не ограничен. Примеры можно было бы умножить. Это не воображаемые, а очень реальные опасности. Меры по стабилизации до сих пор проваливались

одна за другой именно из-за того, что отсутствовала соответствующая экономическая среда, а власти пытались поспешно реализовать цели, выдернутые из экономического контекста.

Я бы хотел добавить еще два аргумента к этим экономическим объяснениям.

Первый — экономико-психологического характера. Если мы хотим остановить инфляцию, мы должны радикально изменить инфляционные ожидания. Этот вопрос выше уже рассматривался. Чем больше каждый предприниматель и рабочий, бизнесмен и обладатель денег уверен в 20-процентном росте уровня инфляции, тем больше вероятность того, что все они будут приспосабливаться к этому путем по крайней мере 20-процентного повышения цен и заработков. Стабилизационная операция может разорвать порочный круг инфляционных ожиданий при условии, что обещания этого эффекта будут исходить от правительства, пользующегося уважением и доверием.

Второй аргумент связан с соображениями преимущественно гуманного характера. Население Венгрии серьезно страдает от нынешних болезней экономики. Первостепенной обязанностью политических организаций, партий и всех правительственных учреждений является облегчение страданий людей. Реабилитационный период потребует серьезных жертв, но жертвоприношения не должны продолжаться бесконечно. Если единственным средством спасения человека является ампутация ноги, то, несомненно, более гуманно провести одну операцию под наркозом, чем множество операций, удаляя по небольшому кусочку ноги каждую неделю или месяц. Иштван Шеченю, великий политик-реформист XIX в. и один из первых венгерских экономистов, использовал в своей книге "Кредит" метафору, связанную с удалением зуба: "Зубной врач является жестоким, если он удаляет зуб медленно и потихоньку, из чувства бессмысленной жалости растягивая операцию на длительное время"¹.

У людей есть все основания негодовать по поводу почти еженедельных посягательств на их благосостояние. Мы дошли до такого состояния, когда можно призвать рабочих к забастовке из-за роста цен на ряд мясных продуктов, но когда миллионы семей безропотно сносят ежедневные потери, которые в общей сложности представляют гораздо большую величину. Я глубоко убежден, что люди предпочли бы пережить один-единственный шок и получить травму, если бы они были уверены в том, что в результате их положение

1 Шеченю. 1979. С. 214. К этой цитате мое внимание привлекла Каталин Шабо.

улучшится, а не испытывать безнадежные мучения в условиях медленного, но неуклонного ухудшения экономики, экономических и социальных взрывов, в которых мы сейчас находимся.

После первого выхода венгерского издания этой книги возник ряд возражений. Утверждалось, что решительные меры являются единственным способом борьбы с инфляцией в таких странах, как Польша и Югославия, которые страдали от гиперинфляции. В Венгрии же, где темпы инфляции гораздо ниже, нет необходимости в такой же стратегии.

Однако принципиальный выбор стратегии стабилизации, т.е. выбор лечения хирургическим или консервативным, постепенным путем, определяется совсем не уровнем инфляции. Действительно, несколько лет тому назад, когда темпы инфляции в Венгрии измерялись однопорядковой величиной, я выступал в защиту одновременного, радикального изменения структуры цен, налогов и многих других элементов экономической системы в комплексе с фундаментальными политическими изменениями. В совместной работе с А. Матисом, опубликованной позднее на венгерском языке (1987), отстаивалась именно такая точка зрения. (Заключение экспертов по этой книге, изданной на английском языке, приводится у Корнаи (1990). Хирургическая операция нужна Венгрии (и всем странам Восточной Европы, даже тем, которые не были подвержены инфляции до сих пор) совсем не из-за инфляции. Она нужна потому, что постепенные частные меры могут принести вред и не решают общих проблем. Это убеждение положено в основу доказательств в венгерском издании, которое я подготовил, не будучи знаком с польской программой. Мои предложения исходили из того, что в условиях социалистической экономики макроперестройка и стабилизация должны происходить вместе с глубокими общественными изменениями.

В Польше была дополнительная причина для быстреего проведения всей операции: недопустимое повышение темпов инфляции. По мере более детального знакомства с польской программой, а также после бесед с одним из ее главных "архитекторов" Джеффри Саксом из Гарвардского университета, я еще больше уверился в том, что мои предложения задавали правильное направление. Беседы с этим экономистом, знакомство с его работами помогли уточнить многие важные детали моих предложений. В частности, понимание польских планов оказалось полезным при пересмотре венгерской политики, связанной с конвертируемостью денежной единицы и внешним долгом.

Несомненно, в польской и венгерской ситуациях есть и сход-

ство, и различия. Каждая восточно-европейская страна на этапе перехода от социализма должна исходить из своих собственных политических и экономических условий. Однако общим для всех стран является необходимость одновременных изменений в политике, управлении экономикой, отношениях собственности.

"ГУМАНИТАРНЫЕ" И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РЕЗЕРВЫ

Общество должно быть подготовлено к операции созданием соответствующих резервов. Необходимы четыре вида резервов.

1. Наиболее важным является "гуманитарный" резерв, т.е. фонд, который можно использовать при соответствующем контроле со стороны общества для оказания помощи тем, кто попал в бедственное положение. Рано или поздно всем придется приспособиться к новым рыночным отношениям, которые возникнут после операции. Тех, кто не смог этого сделать, нужно поддержать с помощью соответствующих мер социальной политики, которая будет рассмотрена в следующей главе. Я здесь имею в виду не постоянную систему социального обеспечения, которая необходима в любом гуманном обществе, а срочную помощь, которую нужно оказать в первые один-два года операции. Такая помощь должна быть доступной и для тех, кто способен сам удержаться на плаву. Но здесь важно подчеркнуть временный характер этой помощи. Общество ожидает, что все, кто может сам удержаться на поверхности, рано или поздно поплывут самостоятельно. Нет нужды опекать тех, кто способен создать необходимые условия для нормальной жизни.

2. Должны быть созданы *резервы товаров и мощностей*, чтобы обеспечить доступность жизненно важных потребительских товаров, топлива, других источников энергии и т.д. Может случиться, что в самом начале операция пойдет со сбоем; в этом случае, имея соответствующие государственные резервы, можно избежать серьезных беспорядков.

3. Государство должно располагать достаточными резервами конвертируемой твердой валюты для оплаты дополнительного импорта в случае временных осложнений. Резервы такого рода также необходимы, чтобы государственная банковская система могла обеспечить переход к конвертируемости форинта. Если появится дополнительный спрос на иностранную валюту, он должен быть покрыт в первую очередь из резервов. (Другое дело — решить, какие средства использовать после этого для восстановления равновесия на рынке иностранной валюты.)

4. Помимо нормального объема кредита, предназначенного для государственного и частного секторов, должны предусматриваться *резервные кредитные квоты*. Они могли бы быть использованы для предоставления займов на переходный период тем государственным и частным предприятиям, которые неожиданно окажутся неплатежеспособными во время операции. Это должны быть жесткие кредиты, а не "мягкие" деньги для провинившихся, которых взяли на поруки. Если предприятию удастся выдержать стабилизационную операцию с помощью такого займа, то займ оправдан. Если предприятие обанкротится, то кредит пошел впустую. В этом случае нужно запретить пересмотр первоначальных условий кредита или получение нового. Операция в целом должна привести к ускорению жесткого процесса естественного отбора предприятий, и краткосрочные займы должны быть последним шансом для тех организаций, которые считают себя достаточно сильными, чтобы выжить.

Финансовое обеспечение всех четырех видов резервов должно предусматриваться стабилизационной программой. Операция обречена на провал, если она сбалансирована на пределе, а затем, позднее, возникает необходимость в финансировании программы индивидуальной помощи, непредвиденного импорта или в займах для предприятий на переходный период, что разрушит такое неустойчивое равновесие. Для этих чрезвычайных обстоятельств должны быть *заранее* созданы специальные резервы, а любые остатки могут быть затем вложены в инвестиции. Вместе с тем ни один лишний фунт или доллар сверх установленного резерва не может быть использован для этих целей.

СТАБИЛИЗАЦИОННАЯ ОПЕРАЦИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ КОНТЕКСТЕ

Стабилизационная операция в основном должна опираться на собственные ресурсы и производственные мощности. Разработчики программы операции должны рассчитывать на иностранную помощь только в том случае, если она является абсолютно надежной. В этом смысле программа должна быть пессимистической и сверхосторожной. Если иностранная помощь окажется большей, чем ожидалось, разницу всегда можно использовать для благих целей.

В то же время я убежден, что изменения, которые описаны в гл.1, а также сама стабилизационная операция значительно расширят рамки иностранной помощи. Рассмотрим наиболее важные задачи в этом контексте.

1. Как теперешнее правительство, так и новое, которое

придет к власти после выборов, должно твердо пересмотреть связи со странами — членами СЭВ. Долгосрочные цели многомерны. С одной стороны, Венгрия должна уменьшить свою зависимость как по экспорту, так и по импорту. С другой стороны, страна нуждается в более благоприятной структуре своей внешней торговли.

Наиболее серьезным недостатком венгерских экспортных связей со странами СЭВ является с давних пор сложившийся низкий уровень стандартов качества на этих рынках. Примечательно, что именно невысокие стандарты качества и ажиотажный спрос делают эти торговые связи столь привлекательными для государственных предприятий, желающих работать на эти рынки. Здесь относительно легко продавать ту продукцию, которая не находит спроса на рынках с твердой валютой. Это еще один довод в пользу перемещения сферы венгерских интересов в сторону рынков, где требуются товары более высокого качества. В то же время очень важно, чтобы венгерское правительство обеспечило устойчивость деловых связей даже в ходе политических изменений. Будучи подписанным, деловой контракт не должен нарушаться в одностороннем порядке — таков основной закон честной торговли. Ни в коем случае нельзя подрывать надежность Венгрии как партнера. Одностороннее нарушение экономических соглашений приемлемо только в чрезвычайных обстоятельствах, каждый раз только с одобрения парламента.

2. Характеризуя экономические связи Венгрии с Западом, кратко остановимся на проблемах частного иностранного капитала. Это особенно важно, так как в общественных дискуссиях уделяется чересчур много внимания отношению к Венгрии западных правительств и международных организаций. Разумеется, их поведение далеко не безразлично для Венгрии, но я убежден, что гораздо важнее отношение западных бизнесменов, предпринимателей и менеджеров частных фирм. Не существует "Капиталистического интернационала", и капиталисты всех стран не соединяются. Они не танцуют под дудочку некоего общемирового центра, будь то Вашингтон, Бонн или Токио. Их действия координирует невидимая рука рынка методом проб и ошибок. Они, конечно, прислушиваются к правительственным заявлениям, но чаще они обращают более пристальное внимание на венгерский опыт их коллег-бизнесменов. Одного горького рассказа бизнесмена о своих разочарованиях при столкновении в Венгрии со множеством бюрократических препятствий достаточно, чтобы

свести на нет сотню правительственных гарантий. У социально-экономической системы не может быть двух лиц: уродливого — для своих собственных граждан и очаровательного — для всего остального мира. Мы не можем больше строить потемкинские деревни: содержать элегантно оформленные в западном стиле банки в деловом центре Будапешта, в то время как в провинции жители не могут дозвониться до столицы по телефону, а клиенты часами стоят в очередях в ожидании элементарных банковских операций.

Экономические связи Венгрии с западным миром будут улучшаться по мере развития культуры и свободы венгерского предпринимательства. Разумный трезвомыслящий капиталист Запада, которого не так-то просто провести, не доверяет *исключительным* условиям, ему дарованным: особым налоговым льготам, особым условиям обмена валюты, особым пошлинам, которые применяются только к иностранцам. Он поверит во все это, если такие условия будут распространены на всех без исключения венгерских граждан. Если, как это показано в гл.1, венгерский предприниматель может вести свое дело свободно, не обращая по всякому поводу за разрешениями, то и иностранный гражданин начнет свой бизнес с гораздо большим спокойствием. Если венгерские граждане облагаются едиными, всем понятными и твердыми налогами, то и иностранный предприниматель увидит, что нечего опасаться угрозы повышения налогов. Этот перечень можно было бы продолжить. В этой области также необходимо поступательное и согласованное развитие. Желательно, чтобы до начала операции произошло как можно больше таких изменений.

На мой взгляд, операция сама по себе может повысить доверие западных бизнесменов. Они убедились бы в том, что порядок и стабильность способны эффективно противостоять инфляции, дефициту бюджета, искажению цен и непостижимой налоговой системе.

3. Конечно, приведенные выше рассуждения не умаляют важности той помощи, которую могла бы получить Венгрия от западных правительств и международных финансовых организаций. Не вдаваясь здесь в детали, я хочу сделать только одно замечание. Стабилизационная операция — наилучший шанс для мобилизации значительной части западной помощи. В западных политических и экономических кругах многие считают, что они уже обожглись на опыте 70-х годов, когда предоставляемые ими займы просто таяли в руках правительств-должников. Правительства, находившиеся у власти в Венгрии, начиная с 70-х годов ежегод-

но предлагали новые схемы реформ, тогда как долги продолжали расти, а экономические болезни усугублялись. Сейчас время дает нам уникальную возможность. Существует большая вероятность того, что в Венгрии будут сформированы парламент на основе свободных выборов, а также пользующееся его поддержкой новое правительство. Добавим, в духе этой книги, что у нового правительства есть шанс представить четкую стабилизационную программу, включающую шоковую терапию. В этом случае мы могли бы получить поддержку западных правительств в различных формах, например в форме займов на лучших, чем в среднем, условиях; вероятно, мы могли бы рассчитывать также и на более снисходительное отношение к нашим существующим долгам. (Я вернусь к последнему вопросу ниже.) По моему мнению, иностранные правительства и международные организации предпочли бы поддержать операцию, которую планируется завершить в обозримом будущем, за один-два года, чем откликнуться на расплывчатые обещания, касающиеся отдаленного будущего.

4. В своей программе новое правительство должно заверить венгерский народ, что оно возобновит переговоры об условиях погашения задолженности страны с кредиторами, но оно должно воздержаться от объявления пересмотра договоренностей в общепринятом смысле этого слова. Такой шаг лишь подорвал бы авторитет Венгрии в финансовом мире. Страна должна избежать пересмотра условий выплаты кредита даже под давлением чрезвычайных обстоятельств.

Это, однако, не означает, что страна должна покорно, слепо и без тени сомнения нести бремя долгов, которые сделало нынешнее поколение венгерских граждан. Народ уже достаточно пострадал и не в силах больше откликаться на новые призывы к терпению и самоограничению в предстоящие десятилетия. Вряд ли можно также ожидать, что народ согласится на дальнейшие лишения в обмен на обещания лучшей жизни в отдаленном будущем, может быть, в 2010 г. или в 2050 г. Долговое ярмо венгерского народа должно быть ослаблено сейчас, в ближайшую пару лет.

Эта противоречивая проблема знакома и западным экономистам и политикам, так как в мире есть несколько стран, сталкивающихся с трудностями при выплате своих долгов. Руководители центральных национальных банков в этих случаях ведут себя очень похоже вне зависимости от того, является ли должником социалистическая или капиталистическая страна. Их основной критерий не-

готивный: "Не раздражай банки-кредиторы!". Похлопывание по плечу в кругах международных банкиров является большим комплиментом, достаточным, чтобы компенсировать ворчание у себя дома. К тому же те, кто стоит у кормила власти, обычно не в курсе международных финансовых дел и безоговорочно доверяют своим собственным банкирам. Если их собственные банкиры напугают их угрозой: "Мы плохо кончим, если не уплатим!" — они с готовностью пойдут на то, чтобы заставить людей еще туже затянуть пояса.

Должник находится во власти кредитора, но и кредитор зависит от должника. Одновременно с объявлением своей стабилизационной программы новое правительство Венгрии должно заверить народ в своей решимости уменьшить бремя выплаты долга. При этом не нужно действовать опрометчиво, правительство не должно ни при каких обстоятельствах произвольно нарушать ни один из договоров о кредите. Следует провести сепаратные переговоры с каждой группой кредиторов: с так называемым "парижским клубом" западных кредиторов, с различными правительствами, с международными финансовыми организациями, с восточно-европейскими торговыми и финансовыми партнерами и т.д. Нужно попытаться спокойно, но настойчиво убедить каждую группу кредиторов, что Венгрия не сможет и не будет выплачивать свои долги в соответствии с прежней договоренностью. Обязательства страны должны быть пересмотрены с соблюдением всех правовых и этических норм. Было бы целесообразно уже на подготовительном этапе к операции завершить как можно больше таких пересмотров. Позже сама операция создаст условия для продолжения переговоров.

Во время переговоров, а возможно, и после них необходимо полностью выполнить наши краткосрочные обязательства по выплате процентов. Однако есть шансы уменьшить наши средне- и долгосрочные обязательства. Некоторым странам удалось успешно договориться об этом в последние несколько лет. Это может каким-либо образом уменьшить на некоторое время публикуемые в Венгрии процентные кредитные ставки, но я согласен с теми, кто утверждает, что стоит смириться с этим недостатком. С одной стороны, даже после этого Венгрия все-таки останется среди стран с лучшими ставками кредита. С другой стороны (и это решающий аргумент), пересмотр долгов жизненно необходим, чтобы стабилизационная операция не возложила непосильное бремя на население.

Инфляция и дефицит сосуществуют сегодня в Венгрии¹. Экономическая политика, изложенная в настоящей книге, дает возможность устранить оба этих тесно взаимосвязанных явления. Здесь я выдвигаю эти идеи в связи со стабилизационной операцией, но хочу подчеркнуть, что они тесно связаны с ходом действий, описанных в гл. 1.

Синдром дефицита — это комплексное явление: на его появление влияют несколько факторов. Это проблема как микро-, так и макроуровня. Среди его причин — отношения социалистической собственности и методы управления экономикой, социалистическая финансовая система и система цен. Сейчас появились возможности устранить экономику дефицита в Венгрии, так как уже реализован ряд мер и предполагаются дальнейшие изменения во всех сферах экономики.

Нельзя ожидать, что после операции от дефицита не останется и следа. В течение некоторого времени рынок будет работать с большими сбоями и меньшими адаптационными возможностями, чем старые, испытанные рынки. Но можно ожидать, что главные факторы, приводящие к хроническому, всеобщему дефициту в экономике, будут в основном устранены с помощью описанных в гл. 1 и 2 преобразований.

Так как выше уже рассматривались все условия устранения дефицита, ограничимся здесь кратким перечнем.

1. В ходе стабилизационной операции должны быть уравновешены макроспрос и макропредложение. Если нам удастся достичь этого во время операции и далее сохранить это новое равновесие, значит, мы устранили одну из основных причин дефицита: избыточный спрос на макроуровне.

Здесь я должен настоятельно предупредить читателя, что если спрос снова возрастет, то это, вероятно, снова приведет к инфляции и станет стимулом для воспроизводства дефицита. Точнее, если правительство будет препятствовать росту цен, чтобы противостоять избыточному спросу, то неизбежно возникнет скрытая инфляция с ее неизменным спутником — дефицитом.

Это реальная опасность. Если стабилизационная операция потерпит неудачу или если макроспрос снова возрастет в послеоперационные годы, то есть все основания ожидать

¹ Г.У.Колодко и У.У. Макмахон (1987) назвали это явление "дефицитофляцией", термином, созданным по образцу "стагфляции", относящейся к одновременному появлению стагнации и инфляции.

широких призывов к обузданию роста цен. Различные группы будут усиливать политическое давление, с тем чтобы добиться введения потолка цен и их замораживания, что в свою очередь возродит скрытую инфляцию, которая сама по себе является одним из генераторов дефицита.

Это еще один аргумент в пользу необходимости создания подлинного равновесия на макроэкономическом уровне во время операции. Если уж нам суждено совершить ошибку, то пусть это будет избыточное предложение, а не избыточный спрос.

2. Я считаю важным еще раз выделить в качестве отдельного пункта необходимость строгих ограничений на спрос государственного сектора. Как уже объяснялось в гл. I, бесполезно ожидать, что жесткие бюджетные ограничения будут применяться к государственным предприятиям из-за существующего доминирующего положения государственного сектора. В этом контексте термин "жесткое бюджетное ограничение" означает, что предприятие будет добровольно ограничивать свои расходы, побуждаемое к этому своими собственными интересами. Но на государственных предприятиях возникновение реальных стимулов к получению прибыли маловероятно. Время от времени постоянно будет проявляться рост инвестиционных appetитов и тенденция к повышению заработной платы. Поэтому я предлагаю, чтобы расходы государственного сектора были ограничены извне и сверху.

Методы решения этой задачи еще только возникают, хотя уже появляются благоприятные предпосылки их дальнейшего развития. Дело обстоит иначе в предыдущий период, когда все регулирующие функции были сосредоточены в руках высших органов государственной власти, которая жила душой в душе с государственными предприятиями. Эта всемогущая бюрократия обнаруживала большую склонность к трате средств на всех уровнях народного хозяйства. Но сейчас может возникнуть реальная сила, противостоящая этому, в форме многопартийного парламента. Не будучи частью бюрократии, этот законодательный орган будет в действительности стоять над ней. Как выразитель воли народа, он будет иметь право устанавливать ограничения на расходы. Я надеюсь, что законодательная власть, действуя независимо от правительства, а точнее — как вышестоящий орган, будет способна твердо ограничить тягу государственных предприятий к расходам. Соответственно эта законодательная власть должна повсюду установить жесткие бюджетные ограничения для государственного сектора. Если она сможет сделать это, то удастся остановить один из основных механизмов воспроизводства дефицита. В противном случае дефицит неизбежно возникнет снова.

3. Одним из основных методов устранения экономики дефицита является расширение частного сектора. Эту роль частный сектор уже частично сыграл: некоторые виды спроса, удовлетворить которые государственный сектор не в состоянии, удовлетворяются легальной и нелегальной частной деятельностью. Дефицит был менее характерен для Венгрии, чем для многих других социалистических стран, в частности, и потому, что здесь был весомым удельный вес "второй" экономики, которая частично заполняла пустоты, оставляемые "первой" экономикой.

Бюджетное ограничение частного сектора является жестким, что объясняется очень просто: "частник" платит из своего кармана. По этой причине нечего опасаться, что спрос частного сектора будет расти. Соответственно здесь, в отличие от государственного сектора, нет внутреннего механизма, воспроизводящего избыточный спрос.

С учетом того, что было сказано в гл. 1, я надеюсь, что частный сектор будет процветать. Важно, чтобы общественность поняла логику проявления частной инициативы и функционирования рынка при этих обстоятельствах. Именно дефицит, как магнит, притягивает предпринимателей, если им разрешается извлекать прибыль из ситуации дефицита. Перенасыщенный рынок не может обеспечить осязаемой прибыли. Но как только возникает платежеспособный спрос при недостаточном предложении, мобильный капитал немедленно устремляется туда, чтобы "делать бизнес". Такая гибкость, инициатива, способность быстро распознавать и использовать новые возможности, а также свобода перелива капиталов и конкуренция могут проложить дорогу к избавлению от множества микродефицитов.

Свободный перелив частного капитала во все области производства и торговли, включая и свободный частный импорт, может создать такую рыночную ситуацию, которая известна как рынок покупателей, где продавцы конкурируют между собой за покупателя¹.

4. Свободные и гибкие цены — требование, связанное со всеми тремя предыдущими. Они необходимы для достижения равновесия между спросом и предложением на макроуровне и для обеспечения их тесного взаимодействия. Как я подчеркивал в гл. 2, в ходе стабилизационной операции свободные цены должны стать преобладающими в народном хозяйстве.

¹ В условиях капитализма такая ситуация возникает преимущественно при рыночной структуре с так называемой несовершенной конкуренцией. Продавцы стараются отвоевать покупателей у конкурентов, добиваясь превосходства над ними за счет лучшего качества, вежливого обслуживания и более быстрой доставки (см. работы Т.Скитовски (1951), (1971) и Е.Домара (1987)).

Во введении мы провели различие между задачами, которые должны решаться одним ударом, и теми, что могут быть осуществлены только постепенно. Устранение экономики дефицита требует совместного решения этих двух типов задач. Стабилизационная операция создаст некоторые из условий, необходимых для устранения дефицита (макроравновесие, свободные цены), но есть и другие условия, завершающие список требований. Это долгосрочные задачи, связанные с эффективным развитием частного сектора и постоянным контролем за спросом государственного сектора.

ОПЕРАЦИЯ И ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

После обзора основных компонентов стабилизационной операции приведем несколько заключительных соображений. Ни одна страна еще не проводила предложенную в этой книге операцию. России после обеих мировых войн удалось остановить или радикально замедлить инфляцию. Однако общественные, и прежде всего политические, условия, в которых осуществлялись советские программы, радикально отличались от теперешней ситуации в Венгрии.

После второй мировой войны большое количество широко-масштабных стабилизационных операций осуществлялось в капиталистическом мире. В 1946 г. Венгрия, находясь на пограничной линии между Востоком и Западом, остановила невиданную по темпам гиперинфляцию. Однако, хотя некоторые элементы социалистической системы уже были налицо (приход Коммунистической партии к власти, размещение советских войск на территории Венгрии), в целом экономика еще функционировала на базе частной собственности. Стабилизационная программа объединила энергию всех политических партий, проводивших в то время перестройку, и была поддержана как частным капиталом, так и организованным трудом.

Часто упоминаемая западно-германская реформа 1948 г. имела большой успех, и опять-таки это была *операция* в строгом смысле этого слова: осуществленные одним ударом перемены смогли одновременно привести к введению стабильной валюты и почти полной либерализации экономики. Однако это было сделано в экономике, основанной на частной собственности.

Было расформировано несколько гигантских монополистических организаций, но отношения собственности остались прежними. Эрхардт (широко известный как "архитектор" западно-германской социально ориентирован-

ной рыночной экономики) и его советники должны были рассмотреть множество факторов, но им не приходилось сталкиваться с задачей создания "искусственных" частных собственников, как будто в лаборатории. Они находились в обществе "живых" частных собственников из "плоти и крови".

Анализ опыта других радикальных стабилизационных операций (например, в Израиле или Боливии) выходит за пределы данного исследования. Достаточно сказать, что, хотя эти операции и осуществлялись в серьезно больных экономиках, где доля общественного сектора была значительно выше, чем в эрхардтовской Германии, экономика Израиля и Боливии была также основана на частной собственности.

Венгрия и Польша — первые страны, решающие одновременно две главные задачи, а именно: переход к преобладанию частного сектора в экономике и фундаментальная макроадаптация и стабилизация. В такой комбинации реализация этих задач — чрезвычайно трудное дело.

Твердое и решительное осуществление операции может вселить в людей надежду на то, что кризис завершится в обозримом будущем. Те, кто пережил серьезную болезнь или наблюдал страдания любимого человека, хорошо знают то душевное состояние, которое заставляет пациента обратиться к доктору и заявить: "Я так больше не могу! Сделай хоть что-нибудь, только спаси меня! Я согласен на операцию, лишь бы мне стало лучше!" Я чувствую, что терпение венгерского населения подошло к концу. Люди по горло сыты бесконечным латанием дыр и не верят в завтрашний день. Думаю, что они готовы пойти на риск радикальной операции. Несмотря на все временные осложнения и беды, которые она вызовет, операция по крайней мере обещает подлинный порядок и спокойствие.

3.

ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ

ПОПУЛЯРНОСТЬ ПРОГРАММЫ

Насколько популярна изложенная в предыдущих главах программа? Конечно, было бы нереально ожидать, что она вызовет одобрение по каждому пункту. Предложенная программа не является популистской. Но прежде чем коснуться тех пунктов, по которым нужно быть готовыми к оппозиции, я остановлюсь на потенциально популярных. Однако даже эти предложения не всеми будут приняты с благосклонностью, их привлекательность будет зависеть от этических и политических взглядов и экономических интересов граждан.

1. Изложенная в этой книге концепция привлечет действительно свободомыслящих людей¹.

1 Термин "либеральный" (как противоположный термину "консервативный") имеет особое значение в политическом языке США. Эта книга использует слово "либеральный" в соответствии с европейской политической и интеллектуальной традицией. Его смысл станет ясным из следующих нескольких предложений, и в том же смысле он употреблялся в гл. 1. Индивидуальная свобода не является абсолютной ценностью: для большинства венгров существуют и другие ценности, такие, как материальное благосостояние общества, социальная справедливость и приоритет общественных интересов над интересами личности. Эти ценности часто дополняют друг друга, но они могут приходиться в противоречие. Изложенный здесь путь развития привлечет тех, кто рассматривает индивидуальную свободу и суверенитет гражданина как равную, если не высшую в сравнении с другими, ценность. Эти люди отвергают подчинение индивидуума интересам государства или коллективным интересам, определяемым движениями, партиями или их лидерами.

В предыдущем абзаце мы могли бы заменить слово "индивидуальный" словом "семейный". В проекте программы не делается различий между индивидуумом в буквальном смысле этого слова и семьей, являющейся самым маленьким обществом индивидуумов. Программа требует свободы и суверенитета для семьи, она стремится возложить на семью принятие экономических решений.

В наши дни свобода стала модным словом в Венгрии. Мое исследование ставит целью придать этому слову более конкретный экономический смысл. Каждый человек и каждая семья вправе свободно распоряжаться своей рабочей силой, произведенной продукцией, своими свободным временем, деньгами и богатством. В конце концов государство должно оставить в покое человека и семью. Оно должно вмешиваться только в тех случаях, когда другие люди или семьи нуждаются в защите от тех, кто действительно злоупотребляет их свободой.

2. Я убежден, что выдвинутые в этой книге идеи привлекут тех, кто хочет открыть свое *предприятие* (в том смысле, который придается этому слову в исследовании), кто готов пойти на риск и вложить свои деньги.

Я не могу быть с теми, кто считает, что существует только один-единственный правильный путь человеческого поведения. Я далек от того, чтобы осуждать дисциплинированных работников, которые честно трудятся от звонка до звонка, точно выполняют указания своих начальников, а затем возвращаются домой, чтобы провести остаток дня, отдыхая или занимаясь домашними работами. Таких людей большинство. Но есть люди мыслящие, высказывающие недовольство окружающим их миром. Эти люди также могли бы сыграть благотворную роль, побуждая к поискам и размышлениям. И, наконец, есть и такие, кто из-за неблагоприятного стечения обстоятельств не способны быть особенно активными, даже если они испытывают внутреннюю потребность в этом. (О последней группе мы скажем позднее.)

Еще раз подчеркивая, что в моих мыслях нет и тени осуждения этих форм поведения людей, я хочу пояснить, что программа не опирается на такого рода людей. Здесь мы должны вернуться к Адаму Смиту. Люди, готовые взвалить на себя дополнительное бремя, чтобы заработать побольше денег для своего собственного блага и блага своих семей, одновременно приносят пользу и обществу. Национальный доход и национальное богатство — это не какие-то возвышенные

коллективистские категории и не таинственные экономико-статистические понятия. Получая дополнительный доход для себя, вы увеличиваете и национальный доход. Накапливая богатства, вы способствуете росту богатства нации. Строя дом для себя, вы увеличиваете национальный жилищный фонд. Отложив 1000 долларов в ящик своего стола, вы вносите свой вклад в общенациональный запас твердой валюты. Национальное благосостояние не что иное, как сумма благосостояний всех индивидуумов.

Люди должны изменить свой образ мышления. Долгое время обогащение считалось чем-то постыдным. Это заблуждение въелось в людей до мозга костей: если кто-то зарабатывает больше, значит, он отбирает это у других. Те, у кого хорошо идут дела, эксплуатируют других, и позор богатому, если он немедленно не поделится своим богатством. Если он не сделает этого добровольно, нужно отобрать у него богатство.

Страна сейчас охвачена тяжелым экономическим кризисом. Мы должны окружить уважением не тех, кто громче всех стонет, а тех, кто прекратил хныкать и вместо того, чтобы ходить от одного учреждения к другому с просьбами о помощи, взялся улучшить свое *собственное* финансовое положение. Вместо того, чтобы жаловаться, люди должны работать сверхурочно, выращивать фрукты и овощи в своих садах, вкладывать средства в свои собственные предприятия, объединяться с другими и создавать фирмы, ввозить из-за границы товары, пользующиеся спросом в стране, и продавать их и т.д. Существуют тысячи возможностей, открытые для всех.

Старая пословица "на бога надейся, а сам не плошай" никогда не была столь подходящей. Помощь государства необходимо предоставлять тем, кто действительно не способен помочь себе сам. Те, кто может это сделать, но не делает из-за своей пассивности, лености или трусости, не заслуживают ни осуждения, ни жалости. Эти люди — жертвы государства, так как за прошедшие десятилетия оно вытравило в них всякую инициативу. Изменения не наступят только в результате нравственного воспитания, хотя и оно также необходимо. Отношения между людьми будут изменены самими общественными переменами. Люди рано или поздно поймут, что каждый должен сам быть кузнецом своего счастья.

Это органическое дополнение к пункту 1. Концепция, изложенная в данном исследовании, привлекательна для тех, кто

добивается индивидуальной (или семейной) независимости, и для тех, кто хочет извлечь пользу из этой независимости. Она обращена к тем, кто может и хочет быть инициативным, активным и предприимчивым.

3. Концепция могла бы быть привлекательной для тех, кто владеет *собственностью* или кто желает ее приобрести. Здесь я имею в виду широкий спектр собственности — от самой мелкой (небольшого садика или скромной суммы частных сбережений) до небольших, средних размеров (семейного дома, частного магазина или мастерских) и крупных предприятий. Но каков бы ни был размер собственности, владелец должен быть защищен от произвола государства.

В системе здорового политического плюрализма возникают партии и ассоциации, отражающие интересы различных групп собственников. Некоторые из них сосредоточиваются исключительно или преимущественно на защите интересов мелких фермеров, тогда как другие поддерживают низшие слои городского среднего класса или крупных предпринимателей. Естественно, могут существовать и политические силы с более широкими программами, способными привлечь несколько групп собственников. Настоящая книга не предназначена для того, чтобы давать советы этим организациям. Все политические силы, рассматривающие безопасность и свободное развитие частной собственности в качестве своей первостепенной задачи, могут присоединяться к предложенным здесь идеям.

Цель этого исследования — не только поощрить частное накопление, но и предложить политику, которая могла бы расчистить препятствия на его пути. Возьмем пример из сельского хозяйства. Изложенная в этой книге схема не предусматривает возрождения при помощи государственных инструкций столь жестоко уничтоженных ранее кулаков. Вместо того, чтобы предлагать своего рода искусственную "рекулакизацию", я выступаю в пользу процесса сельского обуржуазивания. Нам нужно радоваться, наблюдая за возникновением в ходе естественного развития капиталоемких ферм, хорошо оснащенных современным техническим оборудованием, которые, подобно датским, западно-германским или американским фермам, могли бы

увеличивать свою долю в сельскохозяйственном производстве, уменьшая при этом количество занятых¹.

Помимо сельского хозяйства, переходный курс мог бы также привлечь тех, кто готов идти на жертвы и откладывать свои сбережения ради солидного обогащения в будущем. Разумеется, нечего поощрять авантюристов от бизнеса, стремящихся выгрести все, что можно, и затем удрать. Предлагаемая здесь экономическая политика направлена на то, чтобы предоставить материальные, моральные и правовые гарантии тем, кто откладывает деньги из года в год, чтобы вложить их в свое собственное мелкое предприятие, и превращает его в среднее, а затем и в крупное, иногда даже гигантское. Ленин писал, что мелкое производство ежедневно, ежесекундно рождает капитализм, и он был прав. Те, кого пугает такая перспектива, очевидно, не смогут принять предложенную программу, так как

---

1 Как и ранее, я отвергаю здесь ссылки на западные примеры. Не стоит говорить: "Но ведь мелкие фермы получают государственные субсидии даже в Америке и в нескольких странах Западной Европы". Это довольно спорный момент; многие люди считают такое субсидирование скорее недостатком, чем достоинством экономической политики в западных странах. Не исключено, что часть депутатов парламентов этих стран поддерживают субсидии, чтобы привлечь на свою сторону избирателей. Вполне возможно, что подобными же соображениями будут руководствоваться и депутаты парламента в Венгрии. Но так как я не хочу выдвигать себя в депутаты парламента, то чувствую себя свободным, чтобы говорить то, что думаю. Мои предыдущие рассуждения о требованиях гуманности при переходе к свободной экономике относятся и к данному случаю. Необходимо обеспечить, чтобы модернизация венгерского сельского хозяйства происходила в условиях гуманного отношения к людям. Если, например, небольшая ферма нового типа желает отделиться от сельскохозяйственного кооператива, то может быть вполне оправданной более широкая единовременная финансовая помощь или предоставление долгосрочных кредитов в качестве первоначального импульса. Это помогло бы новым фермам удержаться на плаву. Однако в дальнейшем необходимо, чтобы частные сельскохозяйственные фермы действовали в тех же жестких рыночных условиях, что и остальной частный сектор. Нельзя предоставлять этим фермам постоянные государственные субсидии. Они должны иметь доступ к кратко-, средне- и долгосрочным кредитам, но условия этих кредитов не должны быть мягче, чем те, что применяются в других сферах частного сектора. Вполне может оказаться, что небольшая ферма будет более производительной, чем неэффективный колхоз. В этом случае она сможет выжить. Но может наступить такое время, когда мелкие, плохо оснащенные фермы отстанут от современных ферм небольших и средних размеров и разорятся, если им не будет оказана правительственная помощь. В подобных случаях мелкому собственнику нужно будет оказать временную помощь ссудой до тех пор, пока он сам и его семья не найдут новый, более подходящий для них способ существования. Но для нас должна быть неприемлемой ситуация, когда какие-то трудоспособные члены общества могут выжить исключительно с помощью государственного бюджета.

они считают, что даже преуспевающий мелкий производитель не должен выходить за рамки мелкомасштабного производства. Эти люди придерживаются таких взглядов: вполне допустимо владеть небольшим участком земли или мастерской; если дела у владельцев идут хорошо, они могут потратить свои деньги на дорогие путешествия или на строительство роскошной дачи, но нельзя допустить, чтобы они превратились в настоящих капиталистов. В книге категорически отвергается такой образ мыслей. Нельзя искусственно создать капиталистические фирмы на основе государственных декретов. Вместо этого нужно создать естественные условия для накопления частного капитала. Программа обращена к тем, кто видит в этом утешительную возможность.

4. Стабилизационная операция в перспективе обещает *остановить инфляцию*. По моему мнению, этот пункт программы привлечет миллионы людей, за исключением узкой группы лиц, использующих в корыстных целях инфляционный процесс. Только представьте себе, какую политическую поддержку получают стремящиеся к власти политические группы, если они пообещают остановить инфляцию, возьмут на себя всю полноту ответственности за осуществление операции и *сдержат свое слово*. Многие будут согласны на жертвы, только чтобы остановить инфляцию.

Прискорбно, что в условиях бесконечного роста цен никто еще не дал такого обещания. Это одна из причин того, почему люди считают ситуацию безнадежной. Сегодня они негодуют, что повышение цен официально объявляется каждую неделю, а завтра негодуют еще больше, что цены продолжают расти без всяких официальных объявлений. В сущности, если мы рассмотрим народное хозяйство в целом, проблема не столь серьезна на языке *реального* потребления, как она воспринимается общественным мнением. Широким слоям населения повышение цен компенсируется, а иногда даже и перекрывается повышением номинальной заработной платы. И все же постоянный рост цен всех возмущает. Поэтому четкая и недвусмысленная стабилизационная программа могла бы стать довольно популярной, если ее инициаторы открыто и заранее объявят о том, что она хотя и приведет к большому потрясению, но

бесповоротно пресечет общее повышение цен. Следует подчеркнуть, что программа сохранит свою популярность, если будут выполнены все обещания.

5. Один из привлекательных пунктов программы — обещание *устранить дефицитную экономику*. К сожалению, как и в случае с инфляцией, фактически ни одно политическое движение или партия не приняли на себя такого обязательства. А ведь это один из серьезнейших поводов к недовольству населения: от дефицита, очередей и унижительного чувства зависимости от милости продавца страдают сельские жители и горожане, молодежь и старики, бедные и богатые. Дефицит раздражает потребителей и постоянно нарушает работу производителей. В прежние времена одним из первых впечатлений венгров, пересекавших венгерско-австрийскую границу, было мгновенное осознание того факта, что за деньги там доступно все. Это было наиболее ярким различием между двумя системами. Устранение экономики дефицита могло бы доказать венгерским гражданам, что система претерпевает подлинные изменения и что в конце концов венгры также могут пользоваться преимуществами рынка покупателей.

6. Изложенная здесь экономическая политика привлечет всех тех, кому небезразлична судьба *государственных денег* и кто сыт по горло их разбазариванием. Эти люди требуют, чтобы все чиновники, распоряжающиеся государственными деньгами, находились под строгим общественным контролем.

7. Программа не будет ни особенно привлекательной, ни чрезмерно пугающей для тех, кто твердо придерживается принципа *государственной собственности*. Мы имеем в виду не только руководителей государственных предприятий, но и тех, кто длительное время был и до сих пор является искренним приверженцем социалистических принципов и кто видит самодовлеющую ценность в том факте, что средства производства не находятся в частной собственности. Предложенная здесь экономическая политика предостерегает от немедленной и безответственной ликвидации государственной собственности. Она предупреждает о том, что осуществление подобной меры было бы столь же крутым и безответственным шагом, как и радикальное уничтожение частной собственности.

Программа нацелена на создание подлинного, а не ложного соперничества между секторами экономики. Роль частного сектора должна возрастать прямо пропорционально его способности доказывать свое превосходство над государственной собственностью. Частные предприниматели должны иметь возможность покупать некоторые предприятия государственного сектора, но только в пределах своих собственных средств и суммы кредита, которую они могут получить (предложив в качестве залога свои материальные ценности).

Эта программа не блокирует ни развитие коллективной собственности, ни подлинной кооперативной собственности.

Всего этого можно достичь в результате естественного развития. Нам нужно будет подождать 5, 10 или, может быть, 20 лет до того момента, когда станет ясным, какова будет доля государственной собственности, оставшейся после естественного процесса обуржуазивания. По всем оценкам, эта доля должна быть достаточно мала, чтобы поведение государственного сектора определялось поведением частного сектора с его жестким бюджетным ограничением, ориентацией на рынок, проводящего твердую предпринимательскую политику, а не ищущего какие-то обходные пути.

Для тех, кто убежден в жизнеспособности государственного сектора, это побуждает к активной работе, а не к ожесточенному сопротивлению. В любом случае эта программа более привлекательна, чем те, что желают устранить государственную собственность одним росчерком пера.

8. Предлагаемая политика призывает остановить *расточительство и разбазаривание государственных ресурсов и имущества*, под каким бы предлогом это ни осуществлялось. Это явление раздражает и возмущает людей. Десятилетиями звучал лозунг о том, что достояние государства есть достояние народа. Это только полуправда, поскольку 10 млн. граждан Венгрии, очевидно, не могут сами непосредственно контролировать комплексный процесс производства. Как неоднократно подчеркивалось в этом исследовании, государственная собственность принадлежит всем и никому.

Однако лозунг был верен в том отношении, что труд и жертвы населения страны воплощаются в государственном

достоянии. Народ имеет право знать судьбу этого несметного богатства. Предложенная здесь программа требует, чтобы всякого рода торговые сделки осуществлялись при ярком свете гласности и на честных условиях. Это популярная идея, способная привлечь к программе сторонников.

9. Хотя это является частью предыдущего пункта, я хотел бы здесь подчеркнуть: нельзя продавать государственное богатство иностранным покупателям по таким низким ценам, как при ликвидационной распродаже. Здесь мы опять нуждаемся в хорошо продуманной *общенациональной* политике, а не в близоруком изоляционизме, ксенофобии или антизападных настроениях. Было бы крайне полезно, если бы иностранные бизнесмены покупали в Венгрии предприятия, создавали свои конторы и магазины или совместные предприятия при условии, что это приносило бы выгоду венгерскому народу. Многочисленные церемонии открытия новых совместных предприятий со всей рекламной шумихой в средствах массовой информации, обменом документами и тостами с шампанским не являются показателями успеха. Вместо этого хотелось бы видеть конкретный анализ, который бы доказал, что эти сделки действительно выгодны для Венгрии.

Мы должны установить законодательные пределы тотальному вторжению иностранного капитала. Вместо того чтобы подавлять интересы иностранного капитала бюрократическими запретами, мы должны как можно четче и честнее определить пределы нашего гостеприимства.

Такого рода общенациональная политика, последовательная и одновременно свободная от любых проявлений шовинизма, может обладать мощной притягательной силой.

Стоит сделать еще одно замечание, касающееся национального характера программы. В исследовании постоянно подчеркивалось, что нет необходимости рабски подражать учреждениям западного делового мира. Я вовсе не считаю, что Венгрия рано или поздно должна изобрести трехцветную (т.е. свою собственную. — *Прим. редактора*) фондовую биржу, вместо того чтобы воспринять опыт бирж Нью-Йорка, Цюриха или Токио. Мое немодное предостережение против неразборчивого подражания иностранным стан-

дартам основано на уверенности в том, что многие учреждения могут возникнуть только в результате естественного исторического развития. Разнообразные учреждения не смогли укрепиться в прошлые десятилетия, потому что они явились искусственным плодом иллюзий, навязанных обществу. Новая стадия исторического развития Венгрии приведет к естественному рождению различных организационных форм, правовых институтов и общественных нравов рынка, экономического управления и делового мира. На это, безусловно, будут влиять западные примеры и контакты с западными партнерами. Будем учиться у них всему, чему только сможем, но с достоинством. Не так уж важно получить от иностранных банкиров или промышленников печать одобрения; очень часто они делают это на основе каких-то поверхностных впечатлений. Хорошие оценки нужно заработать у себя дома.

10. И, наконец, изложенная в данном исследовании политика может быть привлекательной еще с одной стороны: она создает *порядок*, выводя страну из хаоса. Подавляющее большинство венгерских граждан ощущает, что их страна живет сейчас во взбудораженном состоянии дезорганизации и беспорядка. Правила устанавливаются не более чем на один день. Сегодня в них утверждается одно, а завтра — другое. Принимаются противоречивые меры, а хозяйственные руководители или отдельные граждане могут вполне свободно выбирать, каким из них подчиняться, а каким нет. Закон не пользуется авторитетом. Люди не испытывают особых угрызений совести, нарушая закон, на худой конец их выгонят, если поймают.

Между тем слово "порядок" ассоциируется у людей с устрашающими понятиями: им мерещатся танки, тюрьмы и репрессии против честных людей. Многие считают, что сторонник порядка и неосталинист — это одно и то же. По горькому и часто цитируемому замечанию известного венгерского социолога социал-демократа Шандора Шаллам, у нас есть только две альтернативы: либо казармы, либо бордель. Те, кому не нравится дисциплина казарменного типа, должны смириться с анархией борделя.

Но я вижу еще и третий путь. Венгрия нуждается в порядке, но, конечно, не казарменного типа. Предлагаемая программа показывает, как можно было бы достичь так необ-

ходимого нам порядка. Давайте покончим с волнениями, порождаемыми инфляцией! Избавим страну от ситуации, когда невозможно делать расчеты, так как цены меняются за ночь! Должны быть стабильные законы, гарантирующие индивидуальную свободу, частную собственность и безопасность сбережений и инвестиций. Государственный бюджет нужно сбалансировать. Необходимо прекратить практику необузданных государственных расходов и их возмещения с помощью печатного станка.

Следовательно, это программа установления порядка, что может быть одним из источников ее привлекательности.

ИСТОЧНИКИ НАПРЯЖЕННОСТИ

В предыдущем параграфе была определена степень привлекательности изложенной здесь экономической политики. Однако я не хотел бы возбуждать напрасные надежды. Эта программа и привлекает, и отталкивает; она вызывает симпатию и возбуждает сопротивление. Позиции выступающих "за" и "против" нельзя объяснить по упрощенной марксистской схеме тем, интересы какого класса они защищают. Используя термин "класс" в марксистском понимании, заметим, что различные представители одного и того же класса могут по-разному относиться к предложенной политике. В сущности даже один человек может реагировать на программу противоречивым образом. Хотя, с моей точки зрения, изложенная в этом исследовании политика представляет единое целое, многие с готовностью примут ряд пунктов, отвергнув другие. Можно ожидать возникновения ряда трудностей, из которых я хотел бы упомянуть лишь несколько.

А. Зарботки работающих в государственном секторе.

Попытка осуществить на практике предложенную экономическую политику вопреки активному сопротивлению работников государственного сектора привела бы к катастрофе. В сущности она была бы невозможной. В этом отношении стоит обратиться к некоторым примерам из зарубежного опыта.

Один из таких примеров — сравнение послевоенного развития Западной Германии и Великобритании. В победившей Великобритании к власти пришла лейбористская партия, национализировавшая ряд отраслей; здесь

исключительно усилилось влияние профсоюзов. Борьба за перераспределение национального богатства достигла высшего накала. Профсоюзы добивались больших зарплаток для своих рабочих путем организации мощных забастовок. Относительно небольшим группам рабочих, обладавшим ключевой ролью в производстве, не раз удавалось парализовать целые отрасли. Хотя экономический рост в Великобритании не приостановился, но прогресс был достаточно вялым, и Великобритания отстала от своих конкурентов.

По-иному складывалась ситуация в побежденной Западной Германии. Во время стабилизационной операции власть находилась в руках либерально-консервативной коалиции, которая затем формировала правительство, чередуясь с либеральной социал-демократической коалицией. Некоторое время существовала и большая коалиция. Однако на всем протяжении послевоенного развития профсоюзы постоянно сотрудничали с государственным и частным секторами. Другими словами, используя уничижительную большевистскую формулировку, там воцарилось "классовое примирение". Все три главных действующих лица серьезно разрушенной западно-германской экономики: частные собственники (большие, средние и мелко-масштабные предприятия), государственный аппарат и наемные работники, представленные профсоюзами, поняли, что спор по поводу перераспределения богатства был бы губительным для всех. Продолжая использованное ранее сравнение, главное — стараться, чтобы пирог в наших руках был все больше и больше, а не ссориться из-за того куска, который у нас есть.

Я не хотел бы свести к одному-единственному фактору ту большую разницу в развитии, которая возникла между послевоенными Великобританией и Западной Германией, явно в пользу последней. Но мне представляется, что указанный фактор явился одним из основных факторов, определивших сложившееся положение.

Возьмем более близкий к нам пример Польши. В последние 10 — 15 лет, до тех пор, пока не было создано правительство национального единства, здесь шла битва между наемными работниками и государством как работодателем. Это была уникальная в истории схватка, так как

борьба "Солидарности" за демократические свободы сочеталась с "обычной" профсоюзной деятельностью (т.е. забастовочным движением за рост номинальной зарплаты). Это была одновременно и поддержка парламентской демократии, и подготовка экономического краха. Наибольшее сходство это имеет с голодовкой, когда политический герой скорее умрет, чем поступится своими принципами, за исключением того, что миллионы людей обычно готовы на такие героические жесты только в течение короткого переходного периода. После этого они хотят досыта есть каждый день. Они хотят хлеба и мяса и, более того, они хотят спокойной, комфортабельной жизни. Материальные условия такого существования были подорваны постоянными забастовками. Недавние изменения в Польше, возможно, создали условия для своего рода коалиции, где может быть достигнуто соглашение между основными действующими лицами экономики: административным аппаратом, руководителями государственного сектора и частным сектором, а также наемными работниками обоих секторов.

А теперь вернемся к положению в Венгрии. Какие перспективы открывает изложенная здесь экономическая политика для занятых в государственном секторе? Солидная часть того, что было перечислено в десяти пунктах предыдущего параграфа, может быть привлекательной и для них, так как в большинстве случаев не имеет "классовой окраски". Например, заводской рабочий, сам не имеющий намерения открыть свое предприятие, будет рад видеть, как процветает частная крестьянская ферма его брата, или будет доволен вступлением своего сына в частную компанию в городе. Он ведь тоже со всех сторон опутан многочисленными бюрократическими запретами, и предлагаемые в программе либерализация и защита гражданских прав сделают и его жизнь легче.

Но я не хочу затушевывать реальную дилемму. Как уже говорилось, я выступаю за строгую дисциплину оплаты труда. Это означает замораживание зарплаток в государственном секторе на период стабилизационной операции или возможность их весьма скромного роста. Осуществление плана стабилизации покажет, насколько большим может быть этот рост, если таковой вообще может быть; я не

ственно нельзя сказать, какой завод будет терпеть постоянные убытки. Следует честно признать, что эта операция вызовет серьезный шок. Так как же можем мы гарантировать каждому, кто потерял работу в ходе перестройки, что какой-либо другой завод будет ждать его с распростертыми объятиями, с готовым для него станком, столом или кабинетом?

Вместо обещаний, которых нельзя выполнить, можно взять на себя несколько реалистичных обязательств. В данном исследовании проводятся различия между переходными мерами и установлением продолжительной, долгосрочной связи между рынком труда и правом на труд.

Если говорить о переходных мерах, то выше уже упоминались "гуманитарные" резервы на период операции. Помощь должна предоставляться всем тем, кто окажется в это время в тяжелом положении, до тех пор, пока они не смогут приспособиться к новым условиям. В задачу этого исследования не входит определение форм и условий такой помощи. Замечание, которое я сделаю, относится не к размеру или средствам оказания этой помощи, а к ее духу. Это не оскорбительная подачка, а выражение солидарности общества с теми, кто попал в беду не по своей вине. Нужно гуманно отнестись к достоинству людей, нуждающихся в этой помощи в предстоящие трудные месяцы. Что касается более длительного срока, мы должны усвоить ту мысль, что структурная безработица будет существовать *всегда*. (Кстати, структурная безработица всегда и существовала во всех, включая и социалистические, странах, но мы мало знали о ее масштабах.) Чем более гибкой является экономика, тем более обычным там является ликвидация рабочих мест или даже целых предприятий и отраслей. Используя знаменитое выражение Шумпетера, условием для развития является *созидательное разрушение*, а там, где есть разрушение, имеются и потери рабочих мест. Итак, мы должны создать систему институтов и правового регулирования, связанную со структурной безработицей, начиная от пособий по безработице и кончая программами переподготовки, перераспределения рабочей силы и т.д. Это одна из тех областей, где существует острая необходимость в сотрудничестве между правительством и профсоюзами.

И, наконец, наиболее важной гарантией от продолжительной

массовой безработицы является экономический рост. Нужно признать, что фактически это *единственная* гарантия. Одним из величайших достижений социалистической плановой экономики в Венгрии и многих других социалистических странах была полная занятость. Это было достигнуто не включением права на труд в конституцию, а специфической стратегией экономического роста. Однако путь к сохранению этого достижения социалистической системы лежит не через борьбу, в которой используются забастовки, угрозы и политическое давление. Задача состоит в том, чтобы возродить экономику и создать условия для экономического роста, способного создавать все новые и новые рабочие места¹.

В то время как мы порой обоснованно, а порой и нет пугаем друг друга призраком безработицы, ряд отраслей экономики испытывают дефицит трудовых ресурсов. В будущем это будет проявляться даже в большей степени. Сфера услуг должна будет развиваться значительно быстрее, чем до сих пор, что потребует значительного притока трудовых ресурсов. Я бы особо подчеркнул роль расширения частного сектора. В ближайшие годы, если будут устранены все бюрократические препятствия на пути развития частного сектора, он сможет поглотить значительную часть трудовых ресурсов, которые освободятся в результате "большой операции".

В. Проблема бедных. Для стабилизации и обеспечения процветания национальной экономики было бы губительным, если бы был разработан сценарий, по которому правительство представляло бы экономические аспекты, в то время как гуманитарные аспекты пришлось бы выдвигать вопреки правительству. Можно выразить этот губительный антагонизм по-другому: правительство защищало бы богатых, а защитники бедных были бы вынуждены бросать вызов правительству.

---

¹ В рамках социалистической экономической системы поглощение избыточных трудовых ресурсов обеспечивается преимущественно специфической стратегией роста, известной как форсированный рост. Такая стратегия имеет множество недостатков: она ведет к разбазариванию ресурсов, создает диспропорции в структуре экономики и т.д. Как было подчеркнуто выше, мы ожидаем, что экономический рост создаст новые рабочие места. Однако мы надеемся, что теперь это будет сопровождаться стратегией *гармоничного* роста, свободного от бесчисленных недостатков и искажений, связанных с форсированным ростом. Здесь я хотел бы сослаться только на теоретические аспекты проблемы роста: ограниченный объем книги не позволяет мне вдаваться в детали.

Или еще одна дихотомия: технократическая роль правительства при оппозиции, выступающей за проведение социальной политики.

Надеюсь, читатель почувствует, что каждая строчка этой книги пропитана заботой о человеке. Это относится к основным целям программы, которые направлены на то, чтобы повысить материальное благосостояние всего народа. Но я не хотел бы в этом пункте уйти и от следующей проблемы: тяжелые экономические болезни сделают положение беднейших слоев населения еще более тяжелым. Поэтому я хотел бы сделать ряд замечаний, связанных с социальной политикой.

Во-первых, я хотел бы снова повторить, что в эти дни обуздание инфляции является наиболее важной мерой социальной политики. Каждый, кто серьезно считает, что бедные нуждаются в помощи, должен всем сердцем поддерживать программу стабилизации и воздержаться от предложений, которые могли бы ее подорвать.

Второе мое замечание — это еще одно напоминание: перед стабилизационной операцией необходимо создать специальный резерв для предоставления помощи тем, кто временно будет испытывать затруднения.

Третье замечание: необходима социальная программа, рассчитанная на несколько лет. Найдутся другие, более квалифицированные, чем я, люди, которые займутся разработкой ее конкретных деталей. А мне хотелось бы воспользоваться случаем, чтобы выразить уважение к тем, кто многие годы практическими делами страстно защищал бедных и неудачливых¹. Они, безусловно, подготовлены к тому, чтобы совместно со многими другими экспертами составить такую программу. Со своей стороны, я хотел бы в этом исследовании внести свой вклад только в одну или две из экономических и этических сторон вопроса.

При формировании социальной программы неизбежно столкновение двух противоположных интересов. Потребности безграничны, а ресурсы ограничены. Все разработчики этой программы, все ее добросовестные исполнители и все исследователи и писатели по социальным вопросам могли бы составить целый список из тысяч горьких случаев и различных

¹ См. новаторские работы И.Кеменю и статьи Ж.Ферге (1988, 1989) и О.Сольта (1985).

историй нищеты и страданий людей. Все, кто испытывает хоть малейшее сострадание к своим собратьям, не может без содрогания видеть или слышать это. С другой стороны, страна находится в отчаянном положении, по уши в долгах. Любому экономисту, обладающему чувством социальной ответственности, ясно, что только эффективный рост производства и экономический подъем могут вывести страну из тяжелого положения. Это потребует капиталовложений; это предполагает и такой механизм оплаты труда, который будет стимулировать рост производства, т.е. необходимы высокие заработки для тех, кто на своих предприятиях обеспечивает наибольший вклад в развитие экономики. Кроме того, интересы долгосрочного развития требуют улучшения системы образования и научных исследований. Список может быть продолжен.

На мой взгляд, единственный выход — установление разумных пределов для расходов на социальные нужды.

Вовсе нет необходимости вести ежедневную борьбу, стравливая "радетелей народного благосостояния", "защитников бедных" с твердокаменными "финансистами". В конце концов для этого есть демократический парламент, где ведутся серьезные дебаты по вопросам национального бюджета. Пусть каждый член парламента, помня о своей политической ответственности, составит свое мнение о расходах на социальные нужды. При этом он должен принять во внимание и все другие статьи расходов, и тот факт, что расходы должны возмещаться за счет налогов. В конце концов парламент должен принять решение сроком на один год. Я считаю, что было бы более полезным решать эти вопросы заранее, за два-три года до наступления очередного финансового года, с тем чтобы обеспечить базу для плановой деятельности всех лиц и институтов, которые заняты детальной разработкой социальной политики. Программа, которую они подготовят, должна быть гибкой, определяя возможные "резервные" задачи, т.е. такие, которые могут быть осуществлены при благоприятном стечении обстоятельств, наряду с другими, которыми можно пренебречь, если ситуация окажется хуже, чем ожидалось. Тем не менее мы должны, насколько это возможно, планировать, сколько средств сегодня может израсходовать Венгрия на социальные цели. При разработке социальной политики следует исходить из предполагаемой величины

этих расходов, а не из впечатляющих размеров соответствующих расходов в Швеции. Мы сможем пересмотреть долю социальных расходов, когда будут вылечены болезни страны и национальный доход на душу населения достигнет шведского уровня.

Я не случайно упомянул о роли членов парламента. Каждый человек неотделим от тех функций, которые он выполняет в обществе. Очевидно, министр финансов, выступая перед парламентом, будет выражать интересы государственного бюджета, и это его обязанность. Желательно также, чтобы пресса раскапывала тревожные факты бедности и страданий и использовала их для влияния на общественное мнение и на поведение членов парламента. Но в конечном счете *должно быть принято решение* и, говоря языком экономистов, ограниченные ресурсы должны быть распределены. Право принятия таких решений и политическая ответственность за это принадлежат парламенту и только парламенту.

Я хотел бы привести еще одно замечание по вопросу о бедных и вновь по предмету, имеющему политические, этические и экономические аспекты. Я считаю, что жизнь бедных улучшится тогда, когда уменьшится их бедность, а не тогда, когда состоятельные люди обеднеют. Я знаю, что это спорная точка зрения, но тем не менее настойчиво отстаиваю свое мнение. По мне, безнравственно отбирать часть заработков, сбережений или материальных ценностей у одних, у которых их слишком много, чтобы отдать другим, малоимущим. А сколько это — "слишком много"? Скажем, допустимо, если кто-то зарабатывает в полтора раза больше меня? А если в 2 раза больше? А в 5 или в 6 раз? Тогда это вопиющая несправедливость?

Подобная аргументация непозволительна. Никто не имеет полномочий оговаривать, какой уровень заработков или богатства допустим с моральных позиций, или проводить черту, за которой он становится безнравственным. Начав рассуждать таким образом, мы прямиком скатимся на дорожку, ведущую к конфискации частной собственности.

Так что я бы предложил отказаться от того, чтобы усладить слух бедных членов венгерского общества, с пафосом, громогласно выступая против "богачеев". Сколько бы раз в телевизионных новостях ни осуждались люди, покупающие предметы роскоши или виллы на берегу озера Балатон, у пенсионеров

от этого не прибавится мяса на столе. Пенсионерам нужно дать мясо. Это и будет реальная социальная политика, а не уравнилельная риторика¹.

Я бы выразился менее резко, если бы у страны позади был опыт длительного буржуазного развития, если бы уже была установлена частная собственность в ощутимых масштабах, если бы у нас была уверенность в том, что личное богатство, накопленное честным тяжелым трудом, может быть унаследовано детьми и внуками. Другими словами, я бы поддержал перераспределительные меры с помощью налогообложения, если бы я, например, был гражданином сегодняшней Франции, хотя как гражданин западного мира я бы тем не менее счел крайностью форму перераспределения, практикуемую в Швеции. Я бы посчитал, что даже там она служит препятствием к предпринимательству и здоровому накоплению. Но так как я не француз и не швед, я должен обратиться к проблемам сегодняшней Венгрии. Здесь я хотел бы снова привлечь внимание к тому, о чем уже говорил в гл. 1. Мы находимся только в самом начале процесса нового обуржуазивания. Главный вопрос сегодня в том, чтобы успокоить каждого участника частного сектора, сказав крестьянину-единоличнику, фермеру, приступающему к модернизации своего хозяйства, ремесленнику и собственнику частной компании: "Не бойтесь, действуйте и обогащайтесь!". Государство должно гарантировать, что оно не конфискует их собственность, что оно не намерено изъять любой ценой их "излишние" доходы, потому что хочет, чтобы они добровольно вложили свои средства в производство. Государство должно убедить их в том, что оно не обманет их наследников и не заставит их прибегать к различным хитростям, чтобы обойти законы о наследстве. Оно должно уверить людей в том, что не будет больше поощрять их расходовать свои деньги на себя, раз их дети и внуки не смогут унаследовать эти деньги. Государство должно заявить, что оно будет приветствовать основателей

¹ Я бы напомнил здесь сделанное ранее замечание о критерии социальной справедливости. Социальная справедливость требует прежде всего и более всего постоянного улучшения положения самых бедных слоев населения. Это в свою очередь влечет за собой необходимость стимулирования лучшей работы и роста предпринимательства. А для такого стимулирования обязательно, чтобы самые эффективные, самые бережливые и самые удачливые накапливали большие богатства.

династий, а не жадных, близоруких авантюристов, потому что именно первые действительно станут солидными предпринимателями.

Хотя может показаться, что мы отклонились от предмета социальной политики, в действительности все вышесказанное связано с ней решающим образом. Те, кто формируют общественное мнение, и те, кто в конечном итоге решают вопросы, связанные с проблемами финансирования в парламенте, должны понимать, что социальной демагогией и уравнилельной риторикой не заменишь реальных дел в социальной сфере, строго увязанных с материальными расходами, которые в состоянии вынести государственный бюджет.

НЕОБХОДИМОСТЬ СИЛЬНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Только сильное правительство может реализовать экономическую политику, изложенную в данном исследовании. Это относится и к постепенным изменениям, о которых говорилось в основном в гл. 1, и к "главной операции", описанной в гл. 2. Многие из предстоящих задач потребуют силы и твердости. Правительство должно пресечь в своих собственных рядах высокомерное отношение к частному сектору, сдерживающее его развитие. Оно должно последовательно осуществлять выработанную парламентом финансовую и денежную политику, обеспечивать дисциплину финансов и заработной платы.

Конечно, "сильные правительства" бывают разными. Стабилизационная программа, сопровождаемая переворотом в экономических отношениях, а также усилением рыночной экономики, может осуществляться авторитарной администрацией репрессивного типа, военной диктатурой чилийского или турецкого образца. Против этого можно было бы выдвинуть чисто экономический аргумент: ни Пиночет, ни чикагские парни, окружившие его после переворота, не смогли бы процветать в сегодняшней венгерской экономике с ее обширным государственным сектором. Но, кроме того, я не готов рассматривать такой вариант по *политическим и этическим соображениям*. Независимо от экономических результатов, которых могло бы достичь

правительство, чья сила заключается в репрессивных мерах, я решительно против такой цены за стабилизацию¹.

Другая возможность — правительство, чья сила в поддержке народа, правительство, которому свободные выборы дали действительный мандат народа на проведение экономических преобразований твердой рукой. Позвольте мне продолжить использованную в гл. 2 аналогию. Можно сделать пациенту операцию, даже не спросив у него разрешения. Проведя анестезию, врач может делать все, что ему заблагорассудится. Однако в цивилизованных обществах не идут на такие процедуры. Врач объясняет пациенту, почему необходима операция и какой риск с ней связан, и спрашивает его разрешения на ее проведение. По-моему, это единственно возможный путь проведения рекомендуемой мною операции. Операция должна быть сделана, но венгерский народ как пациент должен дать свое согласие через своих избранных.

Цель этого исследования не в том, чтобы предугадывать состав будущего венгерского правительства. Я не могу и не хочу давать советы на этот счет, так как это выходит за рамки моей компетенции. Я ограничусь лишь единственным замечанием в этом отношении. Политические, экономические и этические конфликты, о которых говорилось в этом исследовании, отражаются в каждой партии и движении, например в форме фракций и групп, существующих внутри отдельных партий, или во внутренних противоречиях и непоследовательных мерах программ определенных партий. Зачастую там отстаиваются прямо противоположные идеи или замалчиваются непримиримые противоречия. В действительности такие противоречия существуют, а рост экономических трудностей усилит их.

В науке и на практике понятие коалиции используется в двух значениях. В более узком смысле это сотрудничество определенных партий и политических сил в правительстве. В более широком смысле оно подразумевает некую форму сотрудничества между определенными партиями, движениями, группами и социальными силами в осуществлении общих задач. (В этом

¹ Получило распространение мнение, что репрессивные, авторитарные системы более эффективны в решении задач макрорегулирования и осуществления стабилизационных мер. Это мнение ошибочно: сравнение 44 авторитарных и 39 демократических систем показало, что ни одна из авторитарных систем не решала задачи заметно лучше, чем демократические системы (см. исследование С.Хатгарда и Р.Р.Кауфмана, 1989. С. 63).

смысле в Западной Германии Аденауэра и Эрхардта существовала коалиция между правительством христианских демократов, частным сектором и профсоюзным движением, которое *отказалось* от использования своего права на забастовку.) Я использую здесь термин "коалиция" в широком смысле, оставляя открытым вопрос о том, какие силы коалиции примут непосредственное участие в правительстве, а какие останутся вне правительства, но не будут ему мешать. Последние могут действовать в качестве конструктивной оппозиции, но не искать конфронтации по основным экономическим задачам.

Что касается будущей венгерской коалиции (в широком смысле), то она нуждается в частном секторе, уверенном в своем будущем. Но этот частный сектор не должен подвергаться преследованию со стороны государственного бюрократического аппарата, который, опасаясь за свое положение, при каждом удобном случае ставит препятствия на его пути. Политике правительства не должны противостоять, скрежеща зубами, промышленные рабочие, чувствуя, что они что-то теряют в ходе преобразований, и к тому же подстрекаемые к действиям соревнующимися между собой профсоюзами. Успех экономического перехода зависит от того, смогут ли быть устранены противоречия, возникающие между этими силами, и будет ли достигнуто мирное соглашение¹.

В этом исследовании сделана попытка суммировать те задачи, по которым, как я полагаю, участникам будущей коалиции (в узком и широком смыслах) потребуется искать согласие. Если им удастся его достичь, то есть надежда на то, что экономика страны может оздоровиться и ее развитие ускорится. Если им это не удастся и коалиция не будет создана или если с самого начала распадется, то экономика будет продолжать беспомощно катиться в пропасть.

---

¹ Из работ, исследовавших *хрупкость* коалиций, поддерживающих новые демократии, приходящие на смену авторитарным режимам, был составлен достойный внимания сборник (см. Дж.М.Нельсон, 1989). Эти исследования основываются на опыте Латинской Америки, Африки и Азии. Ситуация в Восточной Европе во многих отношениях складывается по-другому, но все же можно провести параллель с вышеупомянутыми регионами в том, что существует необходимость соглашения между несколькими основными общественными группами с целью политической и экономической стабилизации новых демократий.

ПОСЛЕСЛОВИЕ АВТОРА

Хотя я написал это исследование от первого лица, исходя из личных убеждений, я все же пытался придерживаться исследуемого предмета. Завершив то, о чем я должен был сказать, я хотел бы добавить несколько личных замечаний.

Сейчас по стране прокатилась волна биографических публикаций, и я предпочел бы воздержаться от своей лепты, но не могу не упомянуть одну-две детали своей биографии в этих заключительных заметках.

Летом 1956 г., будучи молодым сотрудником Института экономических исследований Венгерской Академии наук, я возглавил небольшую рабочую группу, которая разработала предложения по реформированию венгерской экономики. Составленный в то время 150-страничный материал во многом предвосхитил идеи, которые затем были воплощены в реформе 1968 г. Оглядываясь назад, я считаю те предложения наивными. Даже если бы они были полностью реализованы, это не решило бы ни одну из главных проблем системы.

С тех пор прошло 33 года, и за это время я ни разу не пытался разработать комплексные предложения по экономической политике другого порядка. Некоторые мои работы оказали влияние на экономическую политику, от случая к случаю я выдвигал отдельные

предложения, но я никогда не занимался составлением всеобъемлющих программ.

В последние несколько десятилетий я изучал социалистическую экономику ("реальный социализм") и пытался понять и объяснить, как она работает. Я видел свое призвание в исследовании и анализе реальной действительности. Работая над этим памфлетом, я лишь ненамного отступил от той роли, которую сам себе определил и которую и дальше буду считать своим призванием. Я сменил роль в этом единственном исследовании, потому что мне позволила это сделать уникальная историческая возможность. Впервые после многих десятилетий у нас, очевидно, будут избраны тот парламент и то правительство, которым я могу с доверием изложить свои идеи. Более того, будущие парламент и правительство начнут работать в тяжелейших условиях. Поэтому у меня возник ряд предложений, и сейчас самое время поделиться с ними.

Я пытался написать эту работу очень быстро, хотя это, конечно, не оправдывает любые ошибки, допущенные мною. Так или иначе я воздержался от неоднократных поправок, допустимых при менее торопливой работе. Но хотя текст и был написан быстро, мысли, изложенные в нем, не являются импровизацией. Я размышлял над этими вопросами многие годы, и изложенные здесь идеи вытекают из моих многолетних исследований социалистической экономической системы и моих попыток сравнения этой системы в разных контекстах с прошлым и настоящим капиталистической экономики. Эта маленькая книжка представляет собой "памфлет об экономической политике", но она вышла из-под пера автора, который посвятил последние несколько десятилетий научным разработкам и думает продолжить эту работу в будущем.

Занимаясь "описательно-объяснительной" теоретической работой в соответствии с моим прежним и будущим полем деятельности, т.е. тем, что называется позитивной наукой, я должен всегда спрашивать себя, какой же пророческой силой обладают мои предложения. Если до сих пор происходило то-то и то-то, что можно ожидать в будущем? Этот вопрос прес-

ледует меня, как наваждение, и я вновь спрашиваю себя: свершится ли все то, что предлагается в данном исследовании? И, конечно, тот же вопрос мне задавали те, с кем я говорил об этих проблемах. Я не знаю. У меня нет иллюзий: я вижу те огромные силы, которые будут противодействовать реализации выдвинутых здесь предложений; я понимаю, какие опасности подстерегают хрупкую коалицию, сформированную для реализации этих предложений. Но все же у нас есть шанс, и я бы хотел надеяться, что мы его не упустим.

ЛИТЕРАТУРА

- Alchian, Armen A. and Demsetz, Harold. 1973. "The Property Rights Paradigm." *Journal of Economic History* 33, no. 17 (March).
- Antal, László. 1979. "Development—with Some Digression: The Hungarian Economic Mechanism in the Seventies." *Acta Oeconomica* 23, nos. 3–4: 257–273.
- Antal, László. 1985. *Gazdaságirányítási és pénzügyi rendszerünk a reform útján* (The Hungarian System of Economic Control and Finance in the Process of Reform). Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.
- Barone, Enrico. 1908. "The Ministry of Production in the Collectivist State." In F.A. Hayek (1935), pp. 245–290.
- Bársony, Jenő. 1989. "Hol tart a tulajdonreform ügye?" (Whither the Ownership Reform?) *Közgazdasági Szemle* 36, no. 5:585–596.
- Bauer, Tamás. 1976. "The Contradictory Position of the Enterprise under the New Hungarian Economic Mechanism." *Eastern European Economics* 15, no. 1 (Fall): 3–23.
- Békesi, László. 1989. "Jövedelmi reform—elosztási ígéreték nélkül" (Reform of Incomes—without Promise of Distribution). Conversation between Iván Wiesel and László Békesi. *Társadalmi Szemle* 44, no. 7:16–23.
- Belyó, Pál and Dexler, Béla. 1985. *Nem szervezett (elsősorban illegális) keretek között végzett szolgáltatások* (Services Supplied within a Non-Organized, Mainly Illegal Framework). Manuscript. Budapest: Szolgáltatáskutatói Intézet, KSH.
- Bergson, Abram. 1948. "Socialist Economics." In H. S. Ellis (ed.), *A Survey of Contemporary Economics*. Homewood, Ill.: Irwin, pp. 1412–1448.
- Brus, Włodzimierz. 1972. *The Market in the Socialist Economy*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Consultative Committee for Economic Management. 1988. "A szocialista piacgazdaság megteremtése: Tézisek a gazdasági reformkonceptiót kidolgozó

- munkabizottságok számára" (Creation of the Socialist Market Economy: Theses for the Committees Working Out the Concept of Economic Reform). *Figyelő* (December 8), pp. 1 and 17–20.
- Csoór, Klára and Mohácsi, Piroska. 1985. "Az infláció tényezői, 1980–1984" (The Main Factors of Inflation, 1980–1984). *Gazdaság* 19, no. 2:21–39.
- Demsetz, Harold. 1967. "Toward a Theory of Property Rights." *American Economic Review* 57, no 2 (May): 347–359.
- Domar, Evsey D. 1987. *The Blind Men and the Elephant: An Essay on Isms*. Mimeographed. Cambridge, Mass.: MIT (Department of Economics, Working Paper no. 473).
- Erdős, Tibor. 1989. "Átgondolt gazdaságpolitikát! A külő és a belső egyensúly, a gazdasági növekedés és az infláció problémái" (A Well-Considered Economic Policy: The Problems of External and Internal Equilibrium, Economic Growth, and Inflation). *Közgazdasági Szemle* 36, no. 6:545–557.
- Ferge, Zsuzsa. 1988. "Gazdasági és szociális érdekek és politikák" (Economic and Social Interests and Policies). *Gazdaság* 12, no. 1:47–64.
- Ferge, Zsuzsa. 1989. "A negyedik út" (The Fourth Way). *Valóság* 32, no. 4: 7–19.
- Fisher, Irving. 1942. *Constructive Income Taxation*. New York: Harper.
- Furubotn, Erik G. and Pejovich, Svetozar (eds.). 1974. *The Economics of Property Rights*. Cambridge, Mass.: Ballinger.
- Gábor, István R. 1979. "The Second (Secondary) Economy: Earning Activity and Regrouping of Income outside the Socially Organized Production and Distribution." *Acta Oeconomica* 22, nos. 3–4:291–311.
- Gábor, István R. 1988. "Lépéskényszerek és kényszerlépések: Jegyzetek két évtized kormányzati munkaerő- és bérpolitikájáról" (Being Forced to Take Steps and the Forced Steps: Notes on Governmental Labor and Wage Policy over Two Decades). *Közgazdasági Szemle* 35, nos. 7–8:803–807.
- Gábor, István R. and Galasi Péter. 1981. *A "második" gazdaság: Tények és hipotézisek* (The "Second" Economy: Facts and Hypotheses). Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.
- Gábor, István R. and Kővári, György. 1987. "A munkaerőpiac állami koordinációja és a bérszabályozás" (The State Coordination of the Labour Market and the Wage Regulation). *Gazdaság* 21, no. 4:48–58.
- Haggard, Stephan and Kaufman, Robert R. 1989. "Economic Adjustment in New Democracies." In J. M. Nelson (1989), pp. 57–78.
- Hankiss, Elemér. 1989. *Kelet-európai alternatívák* (Eastern European Alternatives). Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.
- Hayek, Friedrich A. (ed.). 1935. *Collectivist Economic Planning*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Hayek, Friedrich A. 1944. *The Road to Serfdom*. Chicago: University of Chicago Press.
- Juhász, Pál 1981. "Társadalmi csoportok együttműködése az első, második és harmadik ökonomiában" (Cooperation of Social Groups in the First, Second, and Third Economies). *Fogyasztói Szolgáltatások*, no. 4.
- Kidric, Boris. 1985. *Sabrana dela*. Beograd: Izdavacki Centar Komunist.
- Kis, János. 1986. *Vannak-e emberi jogaink?* (Do We Have Human Rights?) Budapest: Független Kiadó.

- Kolodko, Grzegorz W. and McMahon, Walter W. 1987. "Stagflation and Shortageflation: A Comparative Approach." *Kyklos* 40, no. 2:176-197.
- Kornai, János: 1959. *Overcentralization in Economic Administration*. London: Oxford University Press.
- Kornai, János. 1990. *Vision and Reality, Market and State: New Studies on the Socialist Economy and Society*. Hemel Hempstead: Harvester-Wheatsheaf and Budapest: Corvina (forthcoming).
- Kornai, János and Matits, Agnes. 1987. *A vállalatok nyereségének bürokratikus újraelosztása* (The Bureaucratic Redistribution of Firms' Profit). Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.
- Kovács, János Mátyás. 1990. "Reform Economics: The Classification Gap." *Daedalus* 119, no. 1 (Winter): 215-248.
- Laki, Mihály. 1989. *Alternatívák és az alternatívok: Az új politikai szervezetek gazdasági nézetei* (Alternatives and the Alternatives: The Economic Ideas of the New Political Organizations). Manuscript. Budapest: Közgazdasági Információs Szolgálat, August 4.
- Lange, Oscar. 1936-37. "On the Economic Theory of Socialism." *Review of Economic Studies* 4, nos. 1-2 (October 1936 and February 1937): 53-71 and 123-142.
- Lavoie, Don. 1985. *Rivalry and Central Planning: The Socialist Calculation Debate Reconsidered*. Cambridge: Cambridge: University Press.
- Lengyel, László. 1989. *Végkifejlet* (Denouement). Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.
- Lieberman, Evsey G. 1972. "The Plan: Profit and Bonuses." In A. Nove and D. M. Nuti (eds.), *Socialist Economics: Selected Readings*, pp. 309-318. Middlesex: Penguin Books.
- Mises, Ludwig von. 1920. "Economic Calculation in the Socialist Commonwealth." In F. A. Hayek (1935), pp. 87-130.
- Musgrave, Richard A. and Musgrave, Peggy B. 1980. *Public Finance in Theory and Practice*. New York: McGraw-Hill.
- Nelson, Joan M. (ed.). 1989. *Fragile Coalitions: The Politics of Economic Adjustment*. New Brunswick and Oxford: Transaction Books.
- Niskanen, William A. 1971. *Bureaucracy and Representative Government*. Chicago: Aldine.
- Nozick, Robert. 1974. *Anarchy, State, and Utopia*. New York: Basic Books.
- Péter, György. 1954a. "A gazdaságosság jelentőségéről és szerepéről a népgazdaság tervszerű irányításában" (On the Importance and Role of Economic Efficiency in the Planned Control of National Economy). *Közgazdasági Szemle* 1, no. 3:300-324.
- Péter, György. 1954b. "Az egyszemélyi felelős vezetésről" (On Management Based on One-Man Responsibility). *Társadalmi Szemle* 9, nos. 8-9: 109-124.
- Péter, György. 1956. "A gazdaságosság és jövedelmezőség szerepe a tervgazdaságban I-II" (The Role of Economic Efficiency and Profitability in the Planned Economy I-II). *Közgazdasági Szemle* 3, no. 6: 695-711, and nos. 7-8:851-869.
- Pető, Iván. 1989. "Polgárosodás, restauráció nélkül" (Embourgeoisement without Restoration). *2000* (August), pp. 5-8.

- Petschnig, Mária Zita. 1986. "Inflációs feszültségek és megoldásaik" (Inflationary Tensions and Their Solutions). *Gazdaság* 20, no. 4: 38–51.
- Rawls, John. 1971. *A Theory of Justice*. Cambridge: Harvard University Press.
- Sachs, Jeffrey D. and Lipton, David. 1989a. *Exchange Rate Convertibility*. Mimeographed. Cambridge: Harvard University.
- Sachs, Jeffrey D. and Lipton, David. 1989b. *Money and Credit Policy to Achieve Low Inflation*. Mimeographed. Cambridge: Harvard University.
- Sárközy, Tamás. 1989. "Egy törvény védelmében I–II" (In Defense of a Law I–II). *Figyelő* (August 24 and 31), p. 3.
- Schroeder, Gertrude E. 1988. "Property Rights Issues in Economic Reforms in Socialist Countries." *Studies in Comparative Communism* 21, no. 2 (Summer): 175–188.
- Scitovsky, Tibor. *Welfare and Competition*. 1971. Homewood, Ill.: Irwin.
- Sen, Amartya. "Freedom of Choice: Concept and Content." 1988. *European Economic Review* 32, nos. 2–3 (March): 269–294.
- Solt, Ottília. 1985. "Szegények pedig nincsenek" (There are No Poor). In G. Havas, J. Kenedi, and Gy. Kozák (eds.), *Isten éltesse Pista: Kemény István 60. születésnapjára* (God Bless You, Pista: On the 60th Birthday of István Kemény). Budapest: Samizdat.
- Stiglitz, Joseph E. 1986. *Economics of the Public Sector*. 2nd ed. New York and London: W. W. Norton.
- Storey, David J. (ed.) 1983. *The Small Firm: An International Survey*. London and Canberra: Croom Helm, and New York: St. Martin's Press.
- Sun, Yefang. 1982. "Some Theoretical Issues in Theoretical Issues." In K. K. Fung (ed.), *Social Needs versus Economic Efficiency in China*. Armonk, N.Y.: M.E. Sharpe (works originally published between 1958 and 1961).
- Széchenyi, István. 1979. *Hitel* (Credit). Budapest: Közgazdasági és Jogi Könyvkiadó.
- Szelényi, Iván. 1986. *Szocialista polgárosodás* (Socialist Embourgeoisement). Manuscript. October.
- Szelényi, Iván. 1988. *Socialist Entrepreneurs: Embourgeoisement in Rural Hungary*. With the contribution of P. Manchin, P. Juhász, B. Magyar, and B. Martin. Madison: University of Wisconsin Press.
- Tardos, Márton. 1980. "The Role of Money: Economic Relations between the State and the Enterprises in Hungary." *Acta Oeconomica* 25, nos. 1–2: 19–35.
- Tardos, Márton. 1988a. "A gazdasági szervezetek és a tulajdon" (The Economic Organizations and the Question of Ownership). *Gazdaság* 22, no. 3: 7–21.
- Tardos, Márton. 1988b. "A tulajdon" (The Question of Ownership). *Közgazdasági Szemle* 35, no. 12: 1405–1423.
- Taylor, Fred M. 1929. "The Guidance of Production in a Socialist State." *American Economic Review* 19, no. 1: 1–80.
- Timár, János. 1985. *A társadalmi ujratermelés időalapja* (The Total of Man-Hours Available for Social Reproduction). Manuscript. Budapest: Marx Károly Közgazdaságtudományi Egyetem.
- Várhegyi, Eva. 1989. *Results and Failures of Monetary Restriction*. Mimeographed. Budapest: Pénzügykutató Rt.
- Vissi, Ferenc. 1989. "Infláció a gazdaság stabilizálásának időszakában" (Inflation during the Stabilization of the Economy). *Gazdaság* 23, no. 1: 5–28.

СОДЕРЖАНИЕ

Несколько слов советского экономиста к русскому изданию v

Обращение к советскому читателю 1

Предисловие к американскому изданию 5

Введение 15

1. СОБСТВЕННОСТЬ 18

Частный сектор 18

Государственный сектор 33

Сдвиг в отношении между двумя секторами: процесс приватизации 49

Взаимоотношения между государственным и частным секторами 59

Другие формы собственности 61

Резюме: двойственная экономика 64

2. СТАБИЛИЗАЦИОННАЯ ХИРУРГИЯ 65

Остановить инфляцию 67

Восстановление бюджетного равновесия 73

Управление спросом на макроуровне 89

Формирование рациональных цен 94

Введение единого обменного курса и конвертируемой денежной единицы 101

Почему одновременно? 104

"Гуманитарные" и экономические резервы 107

Стабилизационная операция в международном контексте 108

Устранение экономики дефицита 113

Операция и выздоровление 116

3. ЗАДАЧИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА С ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ 118

Популярность программы 118

Источники напряженности 128

Необходимость сильного правительства 139

Послесловие автора 142

Литература 145

Корнай Я.
К 67 Путь к свободной экономике: (Страстное слово в защиту экономических преобразований). Пер. с англ./Предисл. Н.Я.Петракова. — М.: Экономика, 1990. — 149 с. — ISBN 5—282—01289—8

В книге профессора экономики Гарвардского университета и Венгерской Академии наук Я.Корнай предлагается комплекс мер по переходу от административно-командной к рыночной экономике в качестве программы для нового венгерского правительства. В центре внимания — проблемы приватизации государственной собственности, борьба с инфляцией, дефицитом, формирование рациональных цен, создание сильного правительства и т.п.

Для широкого круга читателей.

К $\frac{0605020000 - 275}{011(01) - 90}$ КБ - 24 - 12 - 90 ББК 65.050

МОНОГРАФИЯ

Корнай Янош
ПУТЬ К СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Мл. редактор *А.И.Филимонова*
Худож. редактор *Е.А.Ильин*
Техн. редактор *М.В.Потапова*
Корректор *Л.М.Филькова*
Оформление художника *И.А.Слюсарева*

ИБ № 4138

Сдано и набор 16.08.90. Подписано в печать 12.09.90. Формат 84 × 108/32. Бумага кн.-журн. Гарнитура таймс. Высокая печать. Усл. печ. л. 8,40/8,61 усл. кр.-отг. Уч.-изд. л.10,01. Тираж 50 000 экз. Зак.1255. Цена 2 р. 50 к.
Изд. № 7208.

Оригинал-макет подготовлен на ПЭВМ
Издательство «Экономика» 121864, Москва, Г-59,
Бережковская наб., 6.
Ярославский полиграфкомбинат Госкомпечати СССР.
150014, Ярославль, ул. Свободы, 97.

В издательстве "Экономика" в 1991 г.
выйдут в свет следующие переводные работы:

Скалли Дж., Берн Дж. Одиссея от "Пепси" до "Эппл":
Сокр. пер. с англ. 25 л., 2 р. 20 к., 75 000 экз.

Скалли — это имя стало символом успеха, быстрого роста и процветания. После перехода этого менеджера из фирмы "Пепси" в компанию "Эппл" компьютерная фирма стала быстро наращивать темпы роста производства, вышла на первое место в мире.

В занимательной форме авторы рассказывают о методах организации производства, системе разработанных ими стимулов, которые позволили фирме стать законодателем научно-технического прогресса в области компьютерной техники. Описаны оригинальная система маркетинга сложной продукции и приемы послепродажного обслуживания.

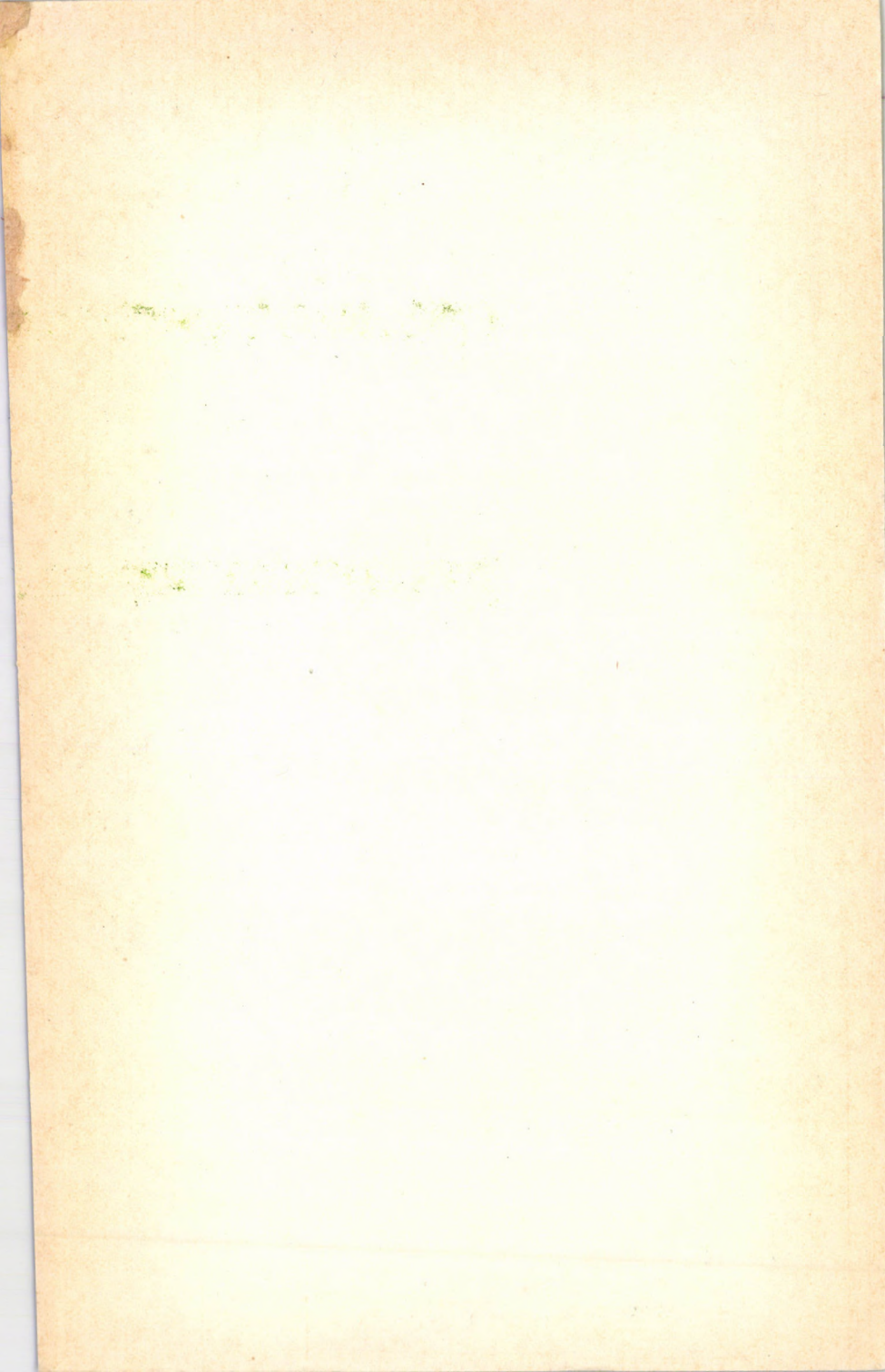
Для руководителей предприятий и кооператоров, отделов сбыта и маркетинга, работников плановых служб, преподавателей вузов, студентов.

Эклунд К. Эффективная экономика — шведская модель:
Пер. со швед. 18 л., 1 р. 20 к., 60 000 экз.

Швеция — страна с высоким уровнем жизни. Опыт организации экономики в этой стране может быть использован и в процессе перехода СССР к рыночной экономике. Книга советника министра финансов дает всестороннее представление о системе управления национальным хозяйством, о сочетании рыночных механизмов и государственного регулирования. Развивая концепции ведущих экономистов Запада, автор анализирует возможные направления создания высокоорганизованного общества. Популярная работа по экономике Швеции впервые знакомит советского читателя с экономической и социальной жизнью в этой стране.

Для руководителей ведомств, преподавателей, студентов, широкого круга интересующихся проблемами экономики.

2 р. 50 к.

ПУТЬ К СВОБОДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

ЭКОНОМИКА